АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Н. В. УСТЮГОВ

БАШКИРСКОЕ ВОССТАНИЕ 1737—1739 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Н. В. УСТЮГОВ

БАШКИРСКОЕ ВОССТАНИЕ

1737—1739 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва — Ленинград
1950

Ответственный редактор
проф. А. А. Новосельский

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Башкирские восстания XVII—XVIII вв. представляют собой активный протест башкир против колониальной политики царизма. В 50-х годах XVI в. башкиры добровольно приняли русское подданство, вошли в состав многонационального русского государства. [1]

Положение башкир накануне присоединения к Русскому государству было исключительно тяжелым. П. И. Рычков, первый историк Оренбургского края, собравший значительное количество башкирских летописей и преданий, свидетельствует, что башкирские племена, разделенные между Ногайской ордой и ханствами Казанским и Сибирским, сначала «были разграблены и раззорены» ногайскими владельцами, а когда часть башкир досталась казанским и сибирским ханам, то «их еще в большее раззорение привели и несносными податьми обложили». Падение Казанского ханства и «добропорядочные поступки» московского царя с казанскими татарами, а также притеснения и обиды, которые башкиры испытывали от сибирских ханов и соседних казахских феодалов, посягавших на их кочевья, заставили башкир просить московского царя принять их в свое подданство. Московское правительство не было

[1] Вопрос о добровольности башкирского подданства московским царям выяснен в новейшем исследовании А. Н. Усманова «Присоединение Башкирии к Московскому государству» (Уфа, 1949). Правда, А. Н. Усманов остановился на одной стороне вопроса — сосредоточил все свое внимание на установлении факта добровольности башкирского подданства и не попытался определить характер этого подданства. Между тем вопрос о взаимной заинтересованности Русского государства и башкир в башкирском подданстве и о характере этого подданства, о тех формах, в которые оно вылилось, имеет не менее существенное значение. Нельзя сказать, что А. Н. Усманов его целиком обошел. О заинтересованности башкир в русском подданстве он говорит достаточно. Но о заинтересованности Русского государства в подданстве башкир и о характере этого подданства в его книге нет почти никаких материалов.

А без выяснения этого вопроса нельзя понять сущности башкирских восстаний, их социальной природы.

заинтересовано в лишении башкир кочевий, и поэтому, когда башкиры пришли в русское подданство, «им не токмо те земли, где они прежде подданства своего, будучи еще в малолюдстве и в крайнем убожестве, жили, а именно: за Камою рекою и около Белой Волошки [коя после Белою рекою названа] им, башкирцам, подтверждены, но и сверх того многими местами и разными выгодами пожалованы». [2]

Реальные экономические интересы заставили башкир искать русского подданства. Башкиры сохраняли за собой районы своих кочевок и освобождались от «несносных податей», которые они платили ногайским мурзам, казанским и сибирским ханам.

В башкирском подданстве Русскому государству были заинтересованы не только башкиры, но и московское правительство. Ликвидация политической самостоятельности Казанского и Астраханского ханств и подчинение Ногайской орды отодвинули границы Русского государства далеко на юго-восток. Юго-восточную границу нужно было охранять от набегов соседних кочевых феодалов, постоянно сменявших друг друга.

Башкирское подданство давало возможность московскому правительству организовать оборону этой границы при помощи башкир, использовать для этого их службу. Охрана юго-восточных границ государства, борьба со степными народами, кочевавшими в непосредственной близости к этим границам, дипломатические сношения с кочевыми государствами — вот область непосредственного применения башкирской службы. За службу нужно было платить, и жалованная грамота Ивана IV, предоставлявшая возможность башкирам свободно распоряжаться своими землями, была платой за службу.

Московское правительство интересовалось не только службой башкир, но и ясаком — теми натуральными и денежными сборами, которые подданные были обязаны вносить в государственную казну. Поэтому башкиры после принятия подданства были обложены ясаком. По замечанию П. И. Рычкова, этот ясак был «гораздо меньше и с лучшим учреждением» по сравнению с размером и порядком взимания ясака, бывшим в Башкирии до русского подданства. [3]

Размер ясака в XVI в. не поддается определению из-за отсутствия источников. Но общая сумма ясачного сбора в XVII в. известна. По окладу 7140 (1631—1632) г. башкиры были обязаны ежегодно платить 1508 р. 86.5 коп. Эта сумма собиралась с 6188 человек ответственных плательщиков —

[2] П. И. Рычков. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, ч. I, СПб., 1762, стр. 83. Квадратные скобки принадлежат П. И. Рычкову.

[3] П. И. Рычков. Топография Оренбургская, ч. I, стр. 85.

глав семей. Следовательно, на отдельного плательщика приходилось около 25 коп. в год.[4] Общая тенденция фискальной политики московского правительства в XVII в.— повышение всякого рода платежей. Поэтому, если в XVII в. был такой низкий оклад, то нет никаких оснований полагать, что в XVI в. он был выше, и, повидимому, прав П. И. Рычков, когда он говорит о небольшой сумме ясака и о том облегчении в ясачной повинности, какое получили башкиры с переходом в русское подданство.

Как ни мал платеж 25 коп. в год, но в своей сумме — 1508 р. 86.5 коп.— он составлял заметную статью в бюджете московского правительства, тем более, что рубль первой половины XVII в. стоил около 17 руб. на деньги конца XIX в. Интерес правительства к поступлению ясачных сборов вполне понятен. Таким образом, московское правительство, принимая подданство башкир, было заинтересовано и в службе новых подданных и в поступлении ясачных сборов с них.

Необходимо теперь остановиться на характере башкирского подданства. Изучив экономические и социальные отношения башкирского общества XVI—XVII вв., автор настоящей работы в ранее опубликованной статье «Башкирское восстание 1662—1664 гг.»[5] указывал, что экономическая отсталость башкир обусловила их политическую отсталость. В то время, когда башкиры переходили в подданство Русского централизованного государства, они по своему общественно-политическому развитию еще не вышли из стадии феодальной раздробленности. Феодал периода феодальной раздробленности — вольный слуга и может избирать себе государя по собственному усмотрению. Он служит только до тех пор, пока условия службы его удовлетворяют. Не понравилась служба — он вправе отъехать к другому государю.

Руководящей силой башкирского феодального общества XVI—XVII вв. были башкирские старшины-феодалы. В этом обществе были сильны пережитки патриархально-родового быта. Патриархально-феодальный характер башкирских общественных отношений обусловливал «послушание» рядовых башкир старшинам-феодалам.

Во главе башкир, когда они решали вопрос о переходе в русское подданство, стояли старшины-феодалы. Они и придали этому подданству такую политическую форму, какая им была понятна и привычна. Башкирские старшины рассматривали свое подданство как свободный вассалитет.

---

[4] Центральный Государственный Архив Древних Актов (в дальнейшем цитируется — ЦГАДА). Дела Правит. Сената по Соляной Конторе, кн. 368/2851, лл. 370—372.

[5] «Исторические записки», кн. 24, М., 1947, стр. 37—45.

Не возражали они и против ясака, так как ясак, по их представлению, являлся внешним выражением подданства.

Изучение более широкого круга источников, в частности источников XVIII в., не только не опровергло этих первоначальных наблюдений и выводов, но дало им более глубокое и убедительное подтверждение. Политические представления периода феодальной раздробленности башкирские феодалы донесли почти в полной неприкосновенности до середины XVIII в.

И московское правительство XVI—XVII вв. и правительство Российской империи XVIII в. не признавали за башкирскими феодалами права «отказа» от службы, «отъезда» к другому государю. Но не считаться с такими политическими представлениями правительство тоже не могло, и это диктовало определенную осторожность в политике.

Московская политика была достаточно гибкой. Она определялась классовой структурой Русского государства и общими задачами на Востоке. Основным правящим классом в XVI в. становится дворянство. Московское правительство опирается на него, защищает его интересы, является органом господства этого класса.

Процесс феодализации башкирского общества к моменту принятия башкирами русского подданства сделал уже значительные успехи. Господствовали в этом обществе старшины-феодалы. Московское правительство обычно не разрушало тех общественных отношений, которые оно заставало у нерусских народностей, входивших в состав Русского многонационального государства, напротив, оно стремилось использовать эти отношения в своих целях. Московское дворянское правительство искало опоры прежде всего в социальной верхушке нерусских народностей. Оно старалось обласкать местную знать, заручиться ее помощью и поддержкой. Привлечение на службу, пожалование земель, назначение денежного жалования — вот средства, которые использовало правительство для установления связи с правящими классами нерусских народностей. Башкирия не представляла исключения. Башкиры были привлечены на службу и получили жалованную грамоту на свои земли. Признание за башкирами вотчинного права на занимаемые ими земли имело целью не только обеспечить несение службы феодальной знатью, но и исправное поступление ясака, так как ясак взимался с земельных угодий.

В течение XVI—XVII вв. московское правительство не вмешивалось во внутреннюю жизнь башкирского общества. Все свои распоряжения оно проводило через местных феодалов. Основная масса ясака собиралась с рядовых башкир, но отвечали за исправность сбора старшины. Они стояли между правительством и массой рядовых башкир. Достичь полной

согласованности между башкирскими старшинами и правительством было очень важно для успешного выполнения внутренней (главной) функции государства — «держать эксплоатируемое большинство в узде...».[6] Тесная связь правящего класса Русского централизованного государства с социальной верхушкой башкирского общества облегчала выполнение и внешней (не главной) функции государства, которая, по словам И. В. Сталина, заключается в том, чтобы «расширять территорию своего, господствующего класса за счет территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств».[7]

Между тем полной согласованности достичь не удалось, особенно в первое время после принятия башкирами подданства. По совершенно правильному замечанию Н. А. Фирсова, не все феодалы из среды нерусских народностей «спешили войти в ряды служилых людей московского великого государя»,— среди них не много можно было найти, особенно в начале их подданства, таких, «которые бы совершенно отказались от надежд восстановить прежнее их значение наследственных родовитых властелинов черных людей и успокаивались на новой роли — слуги государя».[8]

В Русском централизованном государстве XVI—XVII вв. служилые люди — «холопы великого государя», обязаны беспрекословно выполнять распоряжения царя, облеченного абсолютной властью.

Башкирские феодалы считали себя «вольными слугами», служащими кому хотят и как хотят. Естественно, что среди местных феодалов у московского правительства в Башкирии были не только сторонники, но и противники. Правительство для закрепления своего господства начинает строить крепости на вновь присоединенных территориях, свои опорные пункты, где селит русских служилых людей, которых надо было наделить поместными землями.

Правительство, нарушая жалованную грамоту Ивана IV, отнимает у башкир часть земель и отводит под поселения служилых людей. Эти мероприятия вызывают недовольство башкир, которые совершенно справедливо обвиняют правительство в нарушении своих же собственных указов.

В XVII в. правительство усиливает фискальный гнет, вводит новые налоги, систематически повышая ставки. Правда,

---

[6] И. В. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), 10 марта 1939 г.— Вопросы ленинизма, 11-е изд., М., 1947, стр. 604.

[7] Там же.

[8] Н. А. Фирсов. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве, Казань, 1866, стр. 118.

Башкирию этот процесс полностью не захватывает. Постоянных новых налогов там введено не было, но чрезвычайных сборов, так называемых сборов пятой, десятой и пятнадцатой деньги,[9] назначаемых в особенно трудные в финансовом отношении периоды (главным образом во время войн), башкиры не избежали. Это усиление фискального гнета вызывало недовольство башкир. Кроме того, царские воеводы постоянно злоупотребляли своей властью, и в Москву не раз поступали от башкир жалобы на «налоги и обиды» со стороны местной администрации. Когда царское правительство усиливало фискальный гнет, захватывало земли башкир, или когда злоупотребления местной администрации становились совершенно нетерпимыми, башкиры выступали с активным протестом, поднимали восстания. Башкирскими восстаниями отмечены следующие годы XVII—XVIII вв.: 1662—1664, 1681—1683, 1705—1711, 1735—1740, 1755 и 1773—1774.

Непосредственные причины башкирских восстаний всякий раз были различны, но тем не менее во всех башкирских восстаниях есть и общие черты: восстания поднимали башкирские старшины-феодалы, они же и руководили борьбой с царизмом.

И. В. Сталин, характеризуя зарождение многонациональных государств в Восточной Европе, указал, что они являются государствами «...с одной, более развитой, нацией во главе и с остальными, менее развитыми, нациями, находящимися в политическом, а потом и в экономическом подчинении нации господствующей».[10] И. В. Сталин, таким образом, отмечает, что политическое подчинение предшествует экономическому. Борьба угнетенных народностей в многонациональном государстве на первых порах подчинения, носящего в основном политический характер, будет в первую очередь политической борьбой.

Башкирские восстания служат этому ярким примером. Независимо от конкретных причин, вызвавших то или иное восстание, башкирские феодалы придавали своему движению политическую форму, вполне соответствующую их политическим представлениям, представлениям периода феодальной раздробленности. Они отказывались от русского подданства и искали себе новых государей среди степных феодалов. Такой характер имели башкирские восстания, начиная с первого — 1662—1664 гг. по восстание 1735—1740 гг. включительно. Некоторое отличие можно отметить для восстания 1755 г., где феодальный отказ от русского подданства отступил на

---

[9] Налог, равный $^1/_5$, $^1/_{10}$ или $^1/_{15}$ части имущества налогоплательщика.

[10] И. В. Сталин. Доклад об очередных задачах партии в национальном вопросе X съезду РКП(б), 10 марта 1921 г., Соч., т. 5, М., 1947, стр. 34.

второй план перед мечтой о создании особого мусульманского государства, враждебного по отношению к «неверным».

Но политическая форма — отказ от подданства, которую башкирские феодалы придавали своим восстаниям против царизма, является внешней оболочкой движения, скрывающей глубокий социальный протест — борьбу угнетенного народа против угнетателей и колонизаторов. В этом сложность общей оценки башкирских восстаний, которые одновременно имеют и прогрессивные и реакционные черты. Прогрессивная борьба, приводившая к определенным прогрессивным результатам — ослаблению колониального гнета, облекалась руководителями восстания — башкирскими феодалами в реакционную форму отказа от русского подданства, так как возвращение под власть степных феодалов было бы шагом назад и в экономическом, и в политическом, и в культурном отношениях.

На новую, более высокую ступень башкирское движение против царизма поднимается в восстании 1773—1774 гг. Правда, его руководителями, как и в прежних восстаниях, выступили башкирские феодалы: Салават Юлаев, Кинзя Арасланов, Юлай Азналихов, Батыркай Иткинин и многие другие были старшинами и сотниками. Но это восстание отнюдь не было только башкирским движением. Башкиры приняли участие в борьбе угнетенных классов Российской империи против феодально-крепостнического государства, в крестьянской войне 1773—1774 гг. под предводительством Е. И. Пугачева. Руководящая и направляющая роль принадлежала казачеству и русскому крестьянству. Это была борьба основного производящего класса феодального общества — крестьянства против дворянства и дворянского государства. Башкиры поддержали движение, начатое казаками и русскими крестьянами. Долгие годы ближайшего соседства башкир с русскими крестьянами и тесного трудового общения показали башкирам, что у них и у русских крестьян общие враги. Следовательно, была почва для совместной борьбы. Нужно было бороться не против русских (а в прежних башкирских восстаниях борьба против царизма превращалась в борьбу против русских вообще), а против царизма, который одинаково угнетал и русских крестьян и башкир.

В этом принципиальное отличие башкирского движения 1773—1774 гг., когда борьба велась на чисто классовой основе, от всех более ранних башкирских восстаний. Ни о каком отказе от русского подданства не было речи, следовательно в восстании 1773—1774 гг. не было и реакционных моментов. Борьба угнетенных против угнетателей прогрессивна.

Царское правительство, получив сведения о начавшемся в Башкирии восстании, обычно собирало местные силы для

борьбы с ним, а при большом размахе движения посылало войска для его подавления. Но всем командирам таких карательных отрядов рекомендовалось до применения оружия добиться покорности от башкир, «обнадеживая их государевою милостию». Такая осторожность диктовалась соображениями, чтобы «уфинских башкирцев... не ожесточить и от... великих государей самодержавной руки не отогнать».[11] Карательные отряды посылались лишь для ликвидации отдельных очагов сопротивления. Так действовали князья Ф. Ф. Волконский, Г. С. Черкасский и И. А. Хилков в восстании 1662—1664 гг., П. В. Шереметев в восстании 1681—1683 гг., князь П. И. Хованский и П. М. Апраксин в восстании 1705—1711 гг. Ввод крупных воинских частей в Башкирию показывал башкирским старшинам, что вооруженная борьба с царскими войсками им не под силу, а те степные феодалы, на помощь и поддержку которых они рассчитывали, не были в состоянии их защитить. Тогда башкирские старшины обычно склонялись на мирные предложения командиров царских отрядов, присылали своих представителей, от имени всего народа приносивших повинную. Начальники карательных экспедиций требовали выдачи зачинщиков, которые затем подвергались казни или наказанию, и аманатов (заложников) для гарантии верности башкир. Одновременно с этим царское правительство отменяло распоряжения, послужившие непосредственным поводом к восстанию. После восстания 1662—1664 гг. была запрещена продажа и отдача башкирских земель в аренду небашкирам, после восстания 1681—1683 гг. прекращено насильственное крещение башкир, после восстания 1705—1711 гг. отменен набор башкирских лошадей для армии и другие новые поборы. Иными словами, правительство всякий раз шло на определенные уступки, отказывалось от наиболее ненавистных башкирам мероприятий.

Такой в общих чертах рисуется борьба царизма с башкирскими восстаниями до 30-х годов XVIII в.

Новое колониальное наступление царизма на Башкирию в 30-х годах XVIII в. вызвало крупнейшее из башкирских восстаний — восстание 1735—1740 гг., второму этапу которого — движению 1737—1739 гг.— посвящено настоящее исследование. Борьба царизма с восстанием 1735—1740 гг. характеризуется новыми, более суровыми приемами по сравнению с мерами, принимавшимися для ликвидации более ранних восстаний.

[11] Н. В. Устюгов. Башкирское восстание 1662—1664 гг. «Исторические записки», кн. 24, М., 1947, стр. 83.

1. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

В русской исторической литературе до сих пор нет ни одного исследования, специально посвященного башкирскому восстанию 1737—1739 гг. Авторы, интересовавшиеся историей Башкирии в первой половине XVIII в., обычно или ограничивались краткими упоминаниями о движении этих лет, или останавливались на отдельных фактах, но полной картины восстания 1737—1739 гг. никто не дал.[1] Первым исследователем, обратившим внимание на восстание 1737—1739 гг., был советский историк А. П. Чулошников, опубликовавший 39 документов, относящихся к названному восстанию, и попытавшийся дать характеристику этого движения во вступительной статье к своей публикации.[2] Опубликованные им документы дают представление, хотя и не полное, о начальном периоде движения (1737 — первая половина 1738 гг.). К заключительному же этапу восстания относится всего 4 документа, по которым никак нельзя представить, что происходило в Башкирии во второй половине 1738 г. и в 1739 г. Документ, напечатанный под № 170, ввел в заблуждение самого А. П. Чулошникова, вызвав у него замечание о военном разгроме восстания «новыми сосредоточенными в Башкирии войсками в сентябре 1738 г.».[3] Дальнейшее изложение покажет, что никакого военного разгрома в сентябре 1738 г. не было. Это недоразумение результат того, что автор не располагал

[1] П. И. Рычков. История Оренбургская, изд. 2-е, Оренбург, 1896, стр. 31—33, 35, 42; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, изд. «Общественной Пользы», кн. IV, стлб. 1543—1551; А. И. Добромыслов. Башкирский бунт в 1735—1736 и 1737 гг., «Труды Оренб. учен. Арх. Комис.», вып. VIII, Оренбург, 1900, стр. 3—104. В работе А. И. Добромыслова упоминание о движении 1737 г. имеется лишь в заголовке, текст же посвящен лишь восстанию 1735—1736 гг.

[2] Материалы по истории Башкирской АССР, ч. I, под ред. и со вступит. статьей А. П. Чулошникова, М.—Л., изд. АН СССР, 1936, стр. 58—60, 307—377 (докум. №№ 137—173).

[3] Там же, стр. 60, 372—373.

достаточным количеством источников и неверно истолковал те из них, которые были в его распоряжении. В своей вводной статье А. П. Чулошников ограничивается беглым указанием на причины восстания, кратким изложением фактической истории движения и обращает внимание на связь восставших башкир с казахскими ханами и султанами. Полного же представления о восстании 1737—1739 гг. не дает и статья А. П. Чулошникова.

А между тем восстание 1737—1739 гг. представляет особый интерес для исследователя. Материалы этого восстания чрезвычайно ярки. Вожди восставших вели оживленную переписку с представителями местной администрации. Эта переписка проливает свет на идеологию башкирских феодалов не только 30-х годов XVIII в., но и более ранних периодов. Материалы восстания 1737—1739 гг. имеют большое научное значение, так как помогают понять общий характер башкирских восстаний XVII — первой половины XVIII вв.

Настоящая работа является первым опытом специального исследования башкирского восстания 1737—1739 гг.

Для изучения этого периода привлечено значительное количество новых, не опубликованных ранее источников, заимствованных, главным образом, из двух фондов, хранящихся в Центральном Государственном Архиве Древних Актов в Москве: 1. «Дела Правительствующего Сената по Кабинету» и 2. «Дела и Приговоры Правительствующего Сената по Оренбургской губернии». Эти материалы впервые вводятся в научный оборот, если не считать очень незначительного их использования С. М. Соловьевым в его «Истории России с древнейших времен». В работе использованы также документы, опубликованные А. П. Чулошниковым.

Как в фонде Кабинета («Дела Правительствующего Сената по Кабинету»), так и в фонде Сената («Дела и Приговоры Правительствующего Сената по Оренбургской губернии») содержатся однородные материалы. В основном это переписка центральных правительственных учреждений с местными администраторами. В некоторой части материалы обоих этих фондов повторяют друг друга. Значительное количество материалов повторяется и внутри одного фонда, главным образом в «Делах и Приговорах Правительствующего Сената по Оренбургской губернии». Эти повторения легко объясняются характером ведомственной переписки XVIII в., обусловленным отсутствием четких границ подчиненности местных учреждений центральным.

Главные начальники Оренбургского края имели чрезвычайные полномочия по управлению вверенным им краем. Те цели и задачи, которые были поставлены правительством Оренбург-

ской экспедиции при ее организации в 1733—1734 гг., имели большое общегосударственное значение. Оренбург — опорный пункт для широкого колониального наступления царизма на Среднюю Азию и, дальше к Индии, которая издавна привлекала русских торговых людей своими сказочными богатствами. Правительство живо интересовалось деятельностью экспедиции и требовало самых подробных донесений о ходе дел. Вот почему главные начальники Оренбургского края постоянно посылали доношения непосредственно в Кабинет — высший правительственный орган во время правления императрицы Анны Ивановны. Доношения обычно сопровождались подробными экстрактами, представляющими собой пересказ документов, поступавших в канцелярию начальника края. Важнейшие из этих документов прилагались в копиях, а в особенно важных случаях и в подлинниках.

Кабинет посылал свои указы начальникам края и в свою очередь составлял подробный экстракт из полученных от них доношений, причем писали его на одной половине страницы, а другую оставляли для резолюций кабинет-министров, проставляемых обычно против каждого пункта экстракта.

Таким образом, в фонде Кабинета сохранились в подлинниках доношения начальников края и все присланные ими приложения в подлинниках или в засвидетельствованных копиях, подлинные экстракты, составленные из доношений начальников Оренбургского края, и отпуски указов Кабинета по ним, а в отдельных случаях отпуски указов, подлинники которых отправлены за личной подписью императрицы.

Когда началось башкирское восстание 1735—1736 гг., правительство создало Комиссию Башкирских дел под начальством генерал-лейтенанта А. И. Румянцева со специальной задачей оружием подавить восстание. И первый начальник Комиссии Башкирских дел А. И. Румянцев, и его преемники М. С. Хрущов и Л. Я. Соймонов не были подчинены главным начальникам Оренбургского края, они были обязаны лишь согласовывать с ними свои действия. Начальники Башкирской Комиссии тоже непосредственно сносились с Кабинетом и так же, как и главные начальники края, снабжали свои доношения подробными экстрактами и копиями важнейших документов. В фонде Кабинета их доношения тоже сохранились в подлинниках, а делопроизводство Кабинета — в отпусках.

Поскольку первый командир Оренбургской экспедиции И. К. Кириллов и его преемники — главные начальники Оренбургского края В. Н. Татищев и князь В. А. Урусов — должны были согласовывать свои действия с начальниками Комиссии Башкирских дел, то очень значительное место в делопроизводстве как тех, так и других занимают материалы разного рода

совещаний, на которых вырабатывались мероприятия по управлению краем и борьбе с башкирскими восстаниями. Все проекты и мнения, подвергавшиеся совместному обсуждению, и решения, принятые на таких совещаниях, также присылались в Кабинет. Подписывались эти материалы обычно всеми участниками совещаний, а иногда только двумя начальниками — края и Комиссии Башкирских дел. Так как они не были подчинены друг другу, то первым подписывался старший в чине. Статский советник И. К. Кириллов был ниже чином генерал-лейтенанта А. И. Румянцева и бригадира, впоследствии генерал-майора М. С. Хрущова, поэтому его подпись стоит на втором месте. Его преемник по управлению Оренбургским краем действительный тайный советник В. Н. Татищев был старше генерал-майора Л. Я. Соймонова, и его подпись предшествует подписи Л. Я. Соймонова.

Кроме совместных совещаний, оба начальника, из которых один (начальник Оренбургского края) находился в Самаре, а другой (начальник Комиссии Башкирских дел) в Мензелинске, вели обширную переписку друг с другом и считали своим долгом сообщать о ней в Кабинет императрицы, направляя туда подробные экстракты полученных писем и собственных ответов.

В фонде Кабинета сохранились копии допросов вождей восстаний (Кильмяка, Акая, Кусяпа, Бепени, Тюлкучуры) и копии их писем к администрации края.

Таким образом, фонд Кабинета дает полное представление обо всем, что происходило в Оренбургском крае в изучаемый период.

Для настоящей работы использованы главным образом три книги из фонда Кабинета: № 87/1164 (1083 лл.) — делопроизводство за 1737 г., № 90/1167 (838 лл.) — за 1738 г. и № 106/1183 (601 лл.) — за 1739 г. Частично использована и четвертая книга — № 56/1133 (562 лл.), содержащая делопроизводство за 1736 г.

Значение Сената — высшего правительственного учреждения при Петре I — при Анне Ивановне было очень ограниченным. Но тем не менее Сенат сохранил влияние на местное управление, и оба начальника обязаны были посылать свои доношения в Сенат. Кроме петербургского присутствия Сената, делами Оренбургского края интересовалась и Московская контора Правительствующего Сената, куда тоже посылались доношения, обычно тождественные с доношениями, направляемыми Сенату в Петербург.

Переписка Сената с администраторами Оренбургского края сосредоточена в особом разделе Сенатского фонда: «Дела и Приговоры Правительствующего Сената по Оренбургской гу-

бернии». По своему содержанию этот фонд менее богат, если говорить о документах, исходящих из канцелярий главного начальника Оренбургского края и начальника Комиссии Башкирских дел. Он не отличается такой полнотой, как фонд Кабинета. Но тем не менее он иногда дополняет кабинетские материалы, и притом очень существенно. Например, В. Н. Татищев приложил к своему доношению в Кабинет от 6 октября 1738 г. «журнал» о событиях за период времени с 3 сентября по 6 октября 1738 г. В этом журнале имеется краткая запись о том, что 9 сентября 1738 г. в Сакмарском городке был казнен один из вождей башкирского восстания батырь Кусяп Салтангулов,[4] а в фонде Сената по Оренбургской губернии имеется подробное доношение об этой казни с изложением беседы, какую вел В. Н. Татищев с Кусяпом-батырем у виселицы.[5]

В указанных книгах фонда Кабинета содержится переписка только с главными администраторами края. Доношения мелких агентов составляют лишь ничтожные исключения. Фонд по Оренбургской губернии в этом отношении значительно богаче. Воеводы Уфимской, Пермской и вновь образованной Исетской провинций имели право непосредственной переписки с Сенатом. Их доношения в Петербург и в Московскую Контору Сената иногда содержат очень интересные данные, которых не было в доношениях главных администраторов. Провинциальные воеводы имели тройное подчинение — главному начальнику Оренбургского края, Сенату и, кроме того, уфимский и пермский воеводы — казанскому губернатору, а из дистриктов — Исетского, Окуневского и Шадринского, составивших впоследствии Исетскую провинцию, посылались доношения сибирскому губернатору, так как эти дистрикты до образования Исетской провинции входили в состав Сибирской губернии. И казанский и сибирский губернаторы обычно посылали копии этих доношений в Сенат, часто со своими соображениями по поводу доношений, полученных от провинциальных воевод.

В. Н. Татищев, бывший до своего назначения главным начальником Оренбургского края, начальником казанских и сибирских горных заводов, принимал активное участие в борьбе с башкирским восстанием в Зауралье. Свои доношения он также направлял и в Кабинет и особенно в Сенат.

Таким образом, круг корреспондентов у Сената шире, чем у Кабинета, и это придает определенную ценность фонду Сената по Оренбургской губернии.

---

[4] По Кабинету, кн. 90/1167, л. 772 об.

[5] По Оренб. губ., кн. 3/134, лл. 1061—1063.

Сопоставление материалов обоих фондов позволило проверить и уточнить содержащиеся в них сведения и тем самым более подробно и полно выяснить причины восстания, его движущие силы, размах движения и борьбу царизма с повстанцами.

Из фонда «Дела и Приговоры Правительствующего Сената по Оренбургской губернии» использованы книги № 3/134 (1263 лл.) за 1735—1739 гг., № 5/136 (605 лл.) за 1735—1748 гг. и № 8/139 (969 лл.) за 1736—1737 гг.

Кроме того, использованы отдельные документы из фонда Сената по Заводской Комиссии, Следственных Комиссий Сената, Государственного Архива и другие.

2. ОБСТАНОВКА В БАШКИРИИ НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ 1737—1739 гг.

Восстание 1737—1739 гг. следует рассматривать в общей связи с башкирскими движениями против царского правительства в 30-х годах XVIII в. По существу восстание длилось шесть лет (с 1735 по 1740 г.). Это единое движение распадается на три этапа, отличающиеся один от другого и непосредственными поводами к выступлению и руководителями восстания. Первым этапом является восстание 1735—1736 гг., поднятое старшиной Юрматынской волости Ногайской дороги[1] абызом[2] Кильмяком Нурушевым. Второй этап — восстание 1737—1739 гг., третий этап — восстание 1740 г., вождем которого был башкир Юрматынской волости Миндигул Юлаев, по прозванию Карасакал (Черная борода).

Оренбургская экспедиция, начатая в 1734 г. под руководством обер-секретаря Правительствующего Сената Ивана Кирилловича Кириллова, знаменовала собой новый этап колониального наступления царского правительства на восток. Стремление царских колонизаторов проникнуть в глубь среднеазиатских степей имело своим непосредственным следствием постройку крепостей по внешней границе Башкирии, в первую очередь Оренбурга, города при впадении реки Ори в Яик. Окружение территории, занятой башкирами, линией крепостей означало превращение Башкирии во внутреннюю

[1] Башкирия в 30-х годах XVIII в. составляла территорию Уфимской провинции, входившей в состав Казанской губернии. Зауральская Башкирия входила в Сибирскую губернию. Кроме того, в XVIII в. сохранялось старое административное деление Башкирии на четыре дороги (округа) — Казанскую, Ногайскую, Сибирскую и Осинскую. Территория, расположенная к западу и юго-западу от Уфы, составила Казанскую дорогу, центр и южная часть Башкирии — Ногайскую, земли, лежащие к востоку и юго-востоку от Уфы — Сибирскую. Осинская дорога тянулась узкой полосой к северу от Уфы.

[2] Абыз — грамотный человек, писец. Иногда абызами были муллы — представители мусульманского духовенства.

провинцию Российской империи, открывало широкие возможности для правительственной колонизации Башкирского края. А край этот не мог не интересовать правительство своими природными богатствами. В последние годы XVII и в начале XVIII вв. начинается строительство железоделательных и медеплавильных заводов на Урале. В 20-х годах XVIII в. Урал становится основной металлургической базой страны. Горные заводы были расположены либо на азиатских склонах среднего Урала в бассейне рек Нейвы, Тагила и Исети, либо в Западном Приуралье по Каме и ее притокам Егошихе и Канкорке, либо в бассейне Чусовой с ее притоками. Собственно Башкирию, расположенную на обоих склонах Южного Урала, строительство горных заводов в этот период не захватило. Но было совершенно ясно, что если богатые месторождения железных и медных руд обнаружены к востоку, северу и северо-западу от Башкирии, то они должны оказаться и в самой Башкирии. Вот почему И. К. Кириллов, составляя проект организации Оренбургской экспедиции, включил в число задач экспедиции разведку полезных ископаемых на территории Башкирии и постройку горных заводов. Разумеется, строительство заводов должно было повлечь за собой изъятие у башкир части их земель.

Но башкирские земли интересовали царское правительство не только богатством своих недр. Черноземная почва Башкирии очень плодородна и вполне пригодна для занятия земледелием в широких масштабах. Между тем башкиры очень медленно, особенно в юго-восточной части Башкирии, переходили от кочевого и полукочевого скотоводства к земледелию. Строительство крепостей требовало больших запасов продовольствия для обеспечения гарнизонов этих крепостей. Хлеб нужен был и для населения горных заводов, постройка которых намечалась планом Оренбургской экспедиции. А в Башкирии не было товарного хлеба. Урожая с немногих башкирских пашен едва хватало для местного населения, и то не всегда. Башкиры сами порой покупали хлеб. Подвоз хлеба как из Казанской губернии, так и из Зауральских русских слобод, был сопряжен со значительными трудностями и не мог полностью покрыть потребность в нем. Нужно было организовать производство хлеба в самой Башкирии. Поэтому в задачи Оренбургской экспедиции входило содействие переселению русских крестьян и развитию земледелия, что требовало изъятия какой-то части земель у башкир.

Более полное хозяйственное освоение башкирского края, использование его богатых природных ресурсов — вот экономическая основа активизации колониальной политики царизма в Башкирии в 30-х годах XVIII в.

В конечном итоге это были мероприятия, содействовавшие развитию производительных сил края, улучшению жизненных условий местного населения, втягиванию Башкирии в общий хозяйственный оборот страны, способствовавшие взаимному культурному общению между русским и башкирским народами. Несомненно, эту сторону колониальной политики царизма имел в виду Ф. Энгельс, когда писал К. Марксу 23 мая 1851 г.: «...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар». [3]

Но прогрессивность этих мероприятий не была ясна башкирам. Они видели прежде всего ближайшие и непосредственные следствия активизации колониальной политики: постройку крепостей на территории Башкирии, изъятие части башкирских земель, сокращение районов кочевок. Все это задевало непосредственные экономические интересы башкир. Вот почему они, как только узнали о намерении И. К. Кириллова построить город при устье реки Ори, подняли восстание с целью помешать этой постройке. Во главе повстанцев встал абыз Кильмяк Нурушев. Так началось восстание 1735—1736 гг.

И. К. Кириллов был сторонником крутых мер борьбы с башкирскими восстаниями. Старая практика ликвидации башкирских движений, когда правительство удовлетворялось принесением общей повинной от всего башкирского народа, выраженной через представителей четырех дорог, ему казалась неприемлемой. По его мнению, это были слишком мягкие меры и они не достигали нужных результатов. С его точки зрения, нужно было так наказать башкир, чтобы они «не отважились» на новое выступление. Наиболее действенными мерами он считал посылку карательных экспедиций для «искоренения» башкир, т. е. для поголовного истребления участников восстания и их семейств, «дабы корени не осталось», [4] и постройку русских крепостей по границам и внутри Башкирии. [5] И. К. Кириллов считал необходимым наиболее виновных казнить смертью, менее виновных отправлять в солдаты, а негодных к военной службе ссылать на каторжные работы. Семьи подвергшихся такому наказанию раздавались русским помещикам, насильственно крестились и обращались в крепостных. Принимал И. К. Кириллов и повинную от участников восстания, но с условием, чтобы каждый принес

---

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, М., 1932, стр. 211.

[4] ЦГАДА. Дела Правит. Сената по Кабинету (в дальнейшем цитируется «По Кабинету»), кн. 87/1164, л. 311.

[5] Там же, л. 170.

личную шерть (присягу) в верности и уплатил одну лошадь в качестве штрафа. Сначала И. К. Кириллов применял взимание штрафных лошадей как частную меру, [6] а затем это требование, по его же представлению, было включено в закон от 11 февраля 1736 г. как одно из необходимых условий повинной. [7]

Восстание 1735—1736 гг. было подавлено с исключительной жестокостью. В начале 1737 г. И. К. Кириллов мог подвести итог деятельности карательных экспедиций. Обер-секретаря Правительствующего Сената едва ли можно заподозрить в желании сгустить краски, а между тем картина, нарисованная им, производит жуткое впечатление. «Вашего императорского величества щастием,— доносил И. К. Кириллов императрице Анне Ивановне 26 января 1737 г.,— башкирский народ в такое уже состояние приведен, что с начала их подданства никогда таковы послушны не были и никогда ж страху за свои злодейства не видали, как ныне есть». Отметив, что башкиры Казанской и Осинской дорог изъявили полную покорность и уже «ни за что не стоят», И. К. Кириллов сообщает, что население Сибирской и Ногайской дорог «лошадей, названных штрафных, отдавать упрямятца». Но это его не смущает, так как «уже от башкирцов бунту и замешания нет, и никакой опасности в настоящем времяни не признаваетца, ибо не они, башкирцы, паки поднимаютца или отваживаютца с своего произволу какия продерзости делать, но принуждают их В. И. В-ва по самодержавной власти введеныя войски, искореняя воровство, последняго спасения от поимки и от казни искать и с места на место бегать». Указав, что собственно башкир имеется всего около 40 000, что «из того числа по нынешнему случаю бунта несколько тысячь побито и развезено», что Казанская и Осинская дороги находятся в полной покорности, а «протчия ж от голоду и холоду страждут», И. К. Кириллов делает вывод, что башкиры «не в состоянии собою какое знатное злодейство зачать, разве малое воровство и обман оплошным». [8]

Полковник Бардукевич доносил И. К. Кириллову, что башкиры, живущие по реке Ик, «от голоду мрут, а оставшие сабак и кошек едят, а и того им недостанет, и за безсилием и отчаянием принуждены мертвых бросать». Царским властям пришлось посылать специальные команды для погребения трупов.

---

[6] ЦГАДА. Дела и Приговоры Правит. Сената по Оренбургской губ. (в дальнейшем цитируется «По Оренб. губ.»), кн. 3/134, лл. 29—29 об.

[7] Полное Собрание Законов (в дальнейшем цитируется ПСЗ), т. IX, № 6890.

[8] По Кабинету, кн. 87/1164, лл. 72—72 об.

И. К. Кириллов понял из сообщения Бардукевича и из других данных, что он принял слишком крутые меры, и в последнем доношении императрице (за 16 дней до своей смерти) настаивал на том, чтобы взимание штрафных лошадей «отложить до времяни». Одновременно с этим он отдал распоряжение привлекать башкир к работам на строительстве медеплавильных заводов в Табынске и на реке Ик и платить за работу хлебом. Голодающие башкиры охотно пошли на эту работу.[9]

Казалось, Башкирия была настолько обессилена, что новой вспышки восстания быть не могло. Между тем прогноз И. К. Кириллова оказался неверным. Сила сопротивления башкир не иссякла. Всю зиму шла подготовка к восстанию, и весной башкиры выступили вновь. Если в восстании 1735—1736 гг. инициатива исходила от башкир Ногайской и Казанской дорог и только впоследствии к нему примкнули башкиры Сибирской и Осинской дорог, то в восстании 1737—1739 гг. инициатива принадлежала башкирам Сибирской дороги.

И. К. Кириллов, сообщая императрице 26 января 1737 г. о подавлении башкирского восстания 1735—1736 гг., отметил, что полной повинной не принесли еще башкиры дальних дорог — Ногайской и Сибирской (сам он в это время был в Самаре).[10] Борьбу с восстанием в пределах Сибирской дороги И. К. Кириллов поручил находящемуся в Екатеринбурге начальнику казанских и сибирских горных заводов Василию Никитичу Татищеву, в распоряжение которого послал своего помощника Алексея Ивановича Тевкелева с отрядом, состоявшим из регулярных и нерегулярных войск. А. И. Тевкелеву удалось к осени 1736 г. подавить восстание значительной части башкир Сибирской дороги; к нему явилось с повинной около 4000 башкир вместе «с главным их предводителем и зачинщиком тамошнего замешания Юсупом батырем Арыковым».[11] А. И. Тевкелев взял Юсупа под стражу и доставил его 28 октября 1736 г. в Екатеринбург к В. Н. Татищеву. Повинная Юсупа еще не принесла полного успокоения Сибирской дороги. На свободе оставались другие крупные вожди движения: Бепеня Трупбердин, Тюлкучура Алдагулов, Мандар Карабаев, Елдаш мулла Сюярымбетев, не принесшие повинной. Поэтому В. Н. Татищев задержал Юсупа «под крепким смотрением», объявив ему, что он будет находиться в Екатеринбурге до тех пор, пока не явятся с повинной другие

[9] По Кабинету, кн. 87/1164, лл. 357—357 об.
[10] Там же, л. 72 об.
[11] П. И. Рычков. История Оренбургская, стр. 28.

вожди движения. Юсупу был назначен «корм» по гривне на день, «чтоб тем других скоряе приманить».[12]

В ноябре 1736 г. В. Н. Татищев созвал в Екатеринбурге совещание с целью обсудить меры, необходимые для окончательной ликвидации восстания. В этом совещании приняли участие полковники А. И. Тевкелев, Иван Саввич Арсеньев и экипажный советник Андрей Федорович Хрущов. Главной задачей совещания его участники считали выработку таких мер, которые заставили бы других вождей восстания принести повинную. Хотя главным вождем восставших башкир Сибирской дороги считался батырь Кара-Табынской волости Юсуп Арыков, озлобленный против русского правительства за то, что на его земле была построена Верхояицкая крепость,[13] но тем не менее А. И. Тевкелев считал более опасными других вождей — Бепеню, Елдаша муллу, Тюлкучуру, Мандара и Аип-бая. По его словам, они «великие тайные простого народа возмутители, из всех здешних зауральских башкирцов главные воры». А. И. Тевкелев требовал во что бы то ни стало добиться поимки их и задержания, потому что, «буде оных не задержать, то они могут сыскать лукавым своим проворством и много из них таких же дураков, как Юсупа, и под именем тех паки потаенное воровство чинить».[14] Совещание решило, что необходимо разослать призывы к вождям о принесении повинной. Если они явятся не в Екатеринбург, а в какую-нибудь из крепостей, то их задержать и доставить в Екатеринбург; если же приедут прямо в Екатеринбург, то «их отпустить, а по другой причине тайно поимать, чтоб другим к принесению повинной страха не подать».[15]

Совещание не могло не считаться и с тем фактом, что карательные экспедиции разорили Башкирию, башкиры страдали от голода. Это тоже вызывало опасение за спокойствие края, и В. Н. Татищев предлагал разрешить башкирам покупать хлеб в русских слободах. Свое предложение он мотивировал именно этими соображениями: «чтоб от голода и крайней нужды паки они на воровство не дерзнули, ибо многие с розысков показали, что и прешедшею весною наиболее от голода воровали, и ныне слышно, что друг у друга непрестанно скот крадут».[16]

Это предложение встретило возражение со стороны А. И. Тевкелева, которому свободная продажа хлеба представлялась «неполезной» и «небезопасной», «ибо ныне, кажет-

---

[12] По Оренб. губ., кн. 8/139, лл. 108—108 об.
[13] По Кабинету, кн. 56/1133, л. 407 об.
[14] По Оренб. губ., кн. 8/139, лл. 152 об.—153.
[15] Там же, лл. 165—165 об.
[16] Там же, л. 139.

ся, в большую покорность приводит их голод». Голод представлялся А. И. Тевкелеву одной из самых действенных мер подавления движения. Этим он рассчитывал «наивяще их (башкир.— *Н. У.*) привесть в ослабление». То обстоятельство, что башкиры крадут друг у друга скот, его нисколько не беспокоило, так как башкиры «тем государственного вреда не учинят». Гораздо опаснее другое. Возможность покупать хлеб усилит башкир и родит у них желание продолжать борьбу. «А когда они собою с довольством хлеба накупят, и, яко вольной и необузданной народ, никогда страха над собою не видали — опасно, чтоб паки по своему ветреному лехкомыслию к неспокойству не обратились». Правда, и тогда усмирить их можно, но это потребует гораздо больших усилий. С голодными воевать легче. А. И. Тевкелев предлагал разрешить покупать хлеб только башкирам, принесшим повинную, и то не свыше трех пудов на семью, т. е. в таком количестве, которого «на всю зиму в пропитание не достанет, а милость себе, отменную против не бывших у присяги чувствовать будут». Такие покупки должны записываться на присяжных листах (документ, выдававшийся каждому принесшему повинную). Эти записи лишали башкир возможности купить хлеб второй раз. [17]

Такое предложение не расходилось с предшествующими действиями В. Н. Татищева. Когда в августе 1736 г. некоторая часть башкир принесла ему повинную и сейчас же попросила разрешения покупать хлеб, В. Н. Татищев разрешил, но, не доверяя башкирам, «назначил им такие места к продаже хлеба, где его весьма мало можно достать». [18]

После обсуждения этого вопроса совещание приняло предложение А. И. Тевкелева.

Из других мероприятий, обсуждавшихся на совещании, следует остановиться на вопросе об аманатах (заложниках). В практике борьбы московского правительства XVI—XVII вв. с восстаниями нерусских народностей требование аманатов считалось необходимым условием принесения повинной. Эта практика не была оставлена и в XVIII в. В своей борьбе с башкирским восстанием В. Н. Татищев убедился в бесполезности этой меры. По его мнению, «сей способ столько зла, сколько доброго в себе заключает». В аманаты брали «лучших», наиболее влиятельных людей. Когда они находились в аманатах, «унять и воздержать своевольных было некому»; когда же В. Н. Татищев сделал попытку отпустить сидевших у него аманатов, они быстро привели свои волости к покорности. По

---

[17] По Оренб. губ.. кн. 8/139, лл. 150 об.— 151.
[18] Там же, л. 163.

его мнению, брать в аманаты «посредственных» не имеет никакого смысла, их башкиры «ни во что не ставят», и, кроме казенного убытка на содержание таких аманатов, эта мера ничего не дает. Отсюда В. Н. Татищев делает вывод — от аманатов нужно отказаться, есть более действенные меры: «ныне построенные междо ими крепости и учрежденной суд (ответственность старшин за порядок в их волостях.— *Н. У.*) почитаю за лучших аманатов».[19]

Это мнение было утверждено совещанием.[20]

Встал на совещании вопрос и о более активных действиях против восставших башкир. Сторонником таких более решительных мер выступил А. И. Тевкелев. Ему казалось целесообразным предпринять ранней весной поход русских войск против башкир, не принесших еще повинной, и разгромить их аулы и кочевья. Вместе с тем он обращал особое внимание собравшихся на айских башкир, т. е. башкир, живших по реке Ай и его притокам: «айские башкирцы всех протчих башкирцов непокорливее и злодейственнее, и всякое неспокойство во первых происходить от айских башкирцов». Поэтому А. И. Тевкелев предлагал построить «три крепостцы, или сколько пристойно», на реке Ай и заселить их русскими, чтобы тем самым получить возможность немедленно прекращать начинающееся башкирское движение в самом опасном его очаге.[21] Эти мероприятия не были приняты совещанием. Зимой было решено добиваться повинной от башкир, и в зависимости от этого решался вопрос о весеннем походе. Что же касается постройки крепостей по Аю, то совещание обошло этот вопрос, отметив, что «хотя оные построить для пользы Е. И. В-ва и надлежит, токмо оные ближе к брегадиру и гвардии майору Хрусчеву[22] и к статскому советнику Кирилову и о том надлежит разсмотреть им и надлежащее к предбудусчей безопасности определение учинить».[23]

Мероприятия, предложенные совещанием, были одобрены Кабинетом императрицы. При этом Кабинет считал, что «главнейших завотчиков, мнится, всемерно потребно изкоренить совсем, как для страху впредь другим, так и чтоб тем бунтовщикам корень не остался».[24]

[19] По Оренб. губ., кн. 8/139, лл. 139—139 об.

[20] Там же, л. 165.

[21] Там же, лл. 150, 158 об.— 159 об.

[22] Бригадир и гвардии майор Михаил Семенович Хрущов — начальник Комиссии Башкирских дел, созданной специально для подавления башкирского восстания, преемник первого начальника этой Комиссии — генерал-лейтенанта Александра Ивановича Румянцева.

[23] По Оренб. губ., кн. 8/139, л. 166.

[24] Там же, лл. 181—182. Указ Кабинета В. Н. Татищеву от 3 декабря 1736 г.

Зимой принимались меры к тому, чтобы добиться повинной от главных вождей восстания Ногайской и Сибирской дорог. 10 февраля 1737 г. табынскому комиссару Ивану Утятникову удалось захватить инициатора восстания — Кильмяка абыза. Пойманный Кильмяк сначала был доставлен в Уфу, а затем в Мензелинск к М. С. Хрущову.[25] Из крупных вождей Ногайской и Казанской дорог оставались на свободе батырь Тангаурской волости Кусяп Салтангулов, старшина Тамьянской волости Сеит-бай Алкалин, старшина Бурзянской волости Рысай-бай Игимбетев и башкир Юрминской волости Султан-Мурат Дюскеев.[26]

В. Н. Татищев в свою очередь добивался повинной от старшин Сибирской дороги. Посланному им «верному» старшине Козяшу Рахмангулову удалось добиться повинной от старшин Кудейской волости Елдаша муллы и Тюлкучуры. Не принесли повинной абыз Куваканской волости Бепеня Трупбердин и старшина Дуванской волости Мандар Карабаев.[27] Башкир Кара-Табынской волости Азнай Кусюккулов, ездивший по поручению В. Н. Татищева в Куваканскую волость к Бепене, привез 10 февраля 1737 г. его ответ на предложение принести повинную. Бепеня отказался присягать и поставил свое условие: «Я де ныне, покамест Юсупа не отпустят, к присяге с повинною никуда не пойду. А как ево, Юсупа, отпустят, тогда пойду». При этом Азнай Кусюккулов отметил, что «в той противности с ним, Бепеней, осталось з 20 человек».[28]

Получив эти сведения, В. Н. Татищев на следующий день еще раз отправил одного из башкир «на реку Ай к вору Бепене», чтобы призвать его принести повинную, и одновременно дал своему посланцу распоряжение: «ежели не пойдет, то объявить тайно старшинам, чтоб ево, как можно поимав, суда привезли, обесчав им довольное награждение».[29]

Таким образом, к концу зимы 1736—1737 гг. полного успокоения Башкирии достигнуть не удалось. Некоторые из руководителей восстания упорно отказывались явиться с повинной, причем на свободе оставался один из наиболее крупных вождей восстания — абыз Куваканской волости Бепеня Трупбердин. Его поимка особенно интересовала В. Н. Татищева. Еще во время ноябрьского совещания в Екатеринбурге В. Н. Татищеву удалось собрать сведения о деятельности Бепени во время восстания 1735—1736 гг. Когда был захвачен

[25] По Кабинету, кн. 87/1164, лл. 310—310 об.
[26] Там же, л. 311.
[27] Там же, лл. 125, 127 об.
[28] Там же, л. 128.
[29] Там же, л. 126 об.

Юсуп, вместе с ним было доставлено несколько и других башкир. Поместив Юсупа вместе с аманатами и создав ему привилегированные условия пребывания в Екатеринбурге, В. Н. Татищев остальных заключил в тюрьму и подверг секретному и строгому допросу с применением пыток, чтобы собрать необходимые сведения и о Юсупе, и о его советниках.

Допрашивали троих — Сабана Севергулова, Бокшургу Назарова и абыза Махмута Мемеделина, состоявшего писарем при Юсупе. Первый вопрос, который интересовал В. Н. Татищева — кто и по чьему совету начал восстание в пределах Сибирской дороги. Допрошенные порознь башкиры тем не менее согласно показали, что восстание поднял Юсуп Арыков, «когда начали строить Верхояицкую пристань, для того, чтоб той пристани строить не допустить, объявляя, что она строится на их земле». При этом допрашиваемые подчеркнули, что Юсуп принял это решение, «советуя волости Кубаканской с абызом Бепенею Трупбердиным».[30]

Второй вопрос, который был предложен допрашиваемым, касался авторства письма, присланного башкирами В. Н. Татищеву 2 августа 1736 г. у озера Кызылташ.

Летом 1736 г. В. Н. Татищев поехал во главе войска в башкирские кочевья, чтобы добиться повинной от башкир. Прибыв к озеру Кызылташ, он построил там крепость и обратился к башкирам с призывом принести повинную. Часть башкир во главе с тарханом Кара-Табынской волости Таймасом Шаимовым, который был противником башкирского восстания, принесла повинную. Приехал к Кызылташу и Юсуп, но с повинной не явился. Вместо этого он прислал В. Н. Татищеву письмо, а сам, не дожидаясь ответа, уехал. А. И. Тевкелев, первый ознакомившийся с содержанием письма, пришел к выводу, что «оное де письмо самое плутовское»[31] и перевод этого письма он не может доверить никому из абызов, а сам лично должен его перевести. Это письмо начиналось с упоминания о добровольном подданстве башкир и о том, что московские государи держали башкир «не под саблею». Дальше автор письма переходит к характеристике положения башкир в составе Русского государства. Башкирам были даны земли, а они «в знак того, что подданные, платили ясак». До самого последнего времени на башкирских землях «городы не строены», а их самих «под саблею не содерживали». Теперь все переменилось, и отсюда вопрос к В. Н. Татищеву: «ныне чего ради оная обещания нарушены, и всякое утеснение чинит и немилосердие показует?» Далее следовало условие башкир:

---

[30] По Оренб. губ., кн. 8/139, л. 134.
[31] По Кабинету, кн. 56/1133, лл. 400—412.

ежели же она дела отказана [отставлена] не будут, и нам то не любо. А ежели попрежнему содержаны будем, то мы раби попрежнему». А если нет, «то хотя пропасть, хотя смерть принять готовы». Башкиры прекрасно понимают безвыходность своего положения: «в другие места иттить нам некуда». Башкирские феодалы лишены возможности воспользоваться правом свободного отъезда, хотя и не прочь это сделать. После принятия казахами русского подданства башкиры оказались внутри Российской империи. Оставалось только искать справедливости у русской администрации, но они ее не нашли. Эту мысль и подчеркивает автор письма: «Мы приехали было затем, чтоб разсмотрено было, кто виноват, а ныне без всякого разсмотрения положена вина на нас». Поэтому они отказываются от принесения повинной. Кончается письмо пожеланием многолетия государыне и сомнением в подлинности присланного к ним указа о явке с повинной. «Государыня бы так не учинила», по мнению автора письма, это дело местных администраторов.[32]

Это письмо и возмутило и задело В. Н. Татищева. Ему очень хотелось узнать автора. Этот вопрос и был предложен башкирам, захваченным вместе с Юсупом.

Сабан Севергулов и абыз Махмут прямо ответили: «то письмо при Кызылташе складывал и писал Куваканской волости абыз Бепеня Трупбердин». Они только не могли сказать, с кем он советовался при написании этого письма. Бокшурга Назаров во время первого допроса отозвался незнанием автора письма. Но при втором допросе он назвал Бепеню и при этом прибавил: «советывали с ним брат ево двоюродный Ака мулла,[33] Айлинской волости Алажиянгул, Табынской волости Жиянбай». После пытки он выдал еще одного советника — Сабана Севергулова, который вместе с ним был доставлен в Екатеринбург.[34]

В. Н. Татищева интересовало слово «отказ», которое было в письме Бепени. Ему хотелось выяснить, в каком смысле употреблено это слово. Повидимому, В. Н. Татищев заподозрил здесь намек на феодальный отказ вассала от своего сюзерена. Не совсем ясный текст этого места письма не исключал возможности такого понимания. Поэтому абызу Махмуту Мемеделину при розыске (пытке) был поставлен вопрос: «в поданном при Кызылташе от Юсупа письме написан отказ. Что то за отказ и не он ли то слово научил

[32] По Кабинету, кн. 56/1133, лл. 423—423 об. Квадратные скобки в документе.

[33] Акка мулла Камакаев был не братом, а дядей Бепени. (По Кабинету, кн. 106/1183, л. 423 об.).

[34] По Оренб. губ., кн. 8/139, лл. 134—134 об.

написать?» Махмут отозвался полным незнанием содержания письма. Он только еще раз повторил, что писал его Бепеня и прибавил, что «Сабан при том был же и советовал».[35]

Едва ли есть основание сомневаться в этих показаниях. Они подтверждаются достаточно авторитетным свидетельством самого Юсупа, от имени которого было отправлено письмо. После явки Юсупа с повинной к А. И. Тевкелеву осенью 1736 г. последний беседовал с Юсупом об авторе этого письма и о результатах своей беседы сообщил В. Н. Татищеву в доношении от 11 октября, отправленном из Челябинской крепости. «При отъезде на Кызылташе,— писал А. И. Тевкелев,— пришло вашему превосходительству башкирское письмо, якобы от Юсупа. О том мне Юсуп в розговорах объявил, что оное письмо составляли воры Бепеня и Сабан».[36]

Все собранные материалы приводили В. Н. Татищева к убеждению, что Бепеня — крупный вождь движения, и это заставляло его настойчиво стремиться к его поимке. В. Н. Татищев принял решение казнить Бепеню и других вождей и известил об этом М. С. Хрущова.[37] Но это решение пока не могло быть приведено в исполнение — Бепеня находился на свободе.

Администрация Оренбургского края не без тревоги ждала весны. Еще в декабре 1736 г. И. К. Кириллов и М. С. Хрущов приняли решение отправиться с наступлением весны внутрь Башкирии и «оставших воров, ежели не придут в надлежащее послушание и лошадей не отдадут, искоренить».[38] Правда, в марте 1737 г. И. К. Кириллов уступил в вопросе о взимании штрафных лошадей. Он в это время ожидал указа, «ежели по всеподданейшим ево доношениям не повелено будет с башкирцами для желаемого ныне спокойства жестоко поступать, то надлежит указами о штрафе публиковать, что оной для раззорения и крайняго голоду башкирского ныне отложен до другого времяни, как в состоянии будут платить».[39] Но вопрос о посылке воинских команд не снимался.

В. Н. Татищев предложил еще один способ борьбы с башкирским восстанием. Ему казалось целесообразным найти другой выход для боевой энергии башкир, и он еще в июле 1736 г. обратился к первому начальнику Комиссии Башкирских дел А. И. Румянцеву с предложением нарядить весной

---

[35] По Оренб. губ., кн. 8/139, л. 134 об.

[36] ЦГАДА. Дела Правит. Сената по Заводской Комиссии, кн. 12/1534, л. 173 об.

[37] По Кабинету, кн. 87/1164, лл. 102 об.— 103.

[38] Там же, лл. 72 об.— 73.

[39] Там же, л. 311.

1000 башкир на службу под Азов.[40] Это предложение было принято, и 10 января 1737 г. состоялся сенатский указ «послать к башкирцам из Сената во все дороги грамоты о наряде их для нынешней с турками войны 3000 лутчих и вооруженных».[41] Получив такой указ, И. К. Кириллов предложил созвать в крупные населенные пункты — Уфу, Мензелинск, Табынск, Екатеринбург и Чебаркуль башкир из окрестных волостей и объявить им «высочайшую милость». Он только рекомендовал не называть точной цифры, сколько башкир нужно послать, а потребовать «с двух или трех дворов человека, вооруженного, на лошади..., обнадежа жалованьем и правиантом на проход, дабы голодом не отговаривались».[42]

В. Н. Татищев подошел к этому вопросу иначе. Он не поступал с прямотой, свойственной И. К. Кириллову. Поэтому, получив указ о наряде башкир на службу, он собрал 25 февраля 1737 г. башкирских старшин и сотников Сибирской дороги и объявил им царский указ о немедленной доставке 1800 штрафных лошадей, годных под драгун. Старшины ответили, что они готовы выполнить любое приказание, но только «со слезами просили, что им такого числа годных под драгун лошадей собрать никак в скорости невозможно, и просили сроку до травы». В. Н. Татищев отказал им в просьбе. После этого он призвал к себе влиятельнейшего из «верных» старшин Сибирской дороги тархана Таймаса Шаимова и предложил ему: «если они будут просить, чтоб их послать к Азову на службу, то, может, они штрафу избавятся». Посоветовавшись между собой, старшины на следующий день подали челобитную, чтобы вместо уплаты штрафных лошадей послать их на службу, куда будет указано. Эту челобитную В. Н. Татищев отправил в Сенат, и 31 марта 1737 г. Сенат решил ходатайствовать перед Кабинетом об удовлетворении просьбы башкир.[43] Практически это не дало никакого результата, так как Сенат вошел с ходатайством в Кабинет только 8 мая 1737 г., когда обстановка в Башкирии уже резко изменилась.[44] Да едва ли башкиры и могли выступить в поход ранней весной. Они не имели лошадей, годных для такого похода. И. К. Кириллов это понял и незадолго до своей смерти, 14 апреля 1737 г., прислал В. Н. Татищеву «универсал, каков он намерен был объявить башкирцом, чтоб штрафа с них не спрашивать и на службу не нарежать, а жита на семена им продавать допустить». И. К. Кириллов желал знать мнение

[40] По Оренб. губ., кн. 8/139, л. 235.
[41] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 314.
[42] Там же, лл. 314 об.— 315.
[43] По Оренб. губ., кн. 8/139, лл. 235—239.
[44] Там же, лл. 240—244 об.

В. Н. Татищева по этому вопросу. Посоветовавшись с А. И. Тевкелевым и А. Ф. Хрущовым, В. Н. Татищев нашел, что «такую милость ныне им (башкирам.— *Н. У.*) вдруг показать не полезно, ибо воры могут возмнить, что то учинено за страх, и впредь более упрямиться причину иметь будут». Поэтому В. Н. Татищев и его советники предлагали объявить, что сложена только половина штрафа и притом с «верных» башкир. Те же, которые до сих пор не принесли повинной, обязаны платить штрафных лошадей. Вторая половина штрафа сложится только тогда, когда все принесут повинную. Поход отменяется из-за башкирского разорения. Против разрешения продавать хлеб на семена В. Н. Татищев не возражал. [45]

Сами башкиры в это время продолжали изъявлять готовность «Е. И. В-ву служить так, как отцы и деды» их служили. Характерно, что на письме башкир с изъявлением такой готовности, поданном В. Н. Татищеву в начале апреля 1737 г., имеются тамги старшин, еще не принесших повинной, а самое письмо писано Бепеней и имеет его подпись. [46]

Настолько сложной была обстановка в Башкирии к весне 1737 г., когда началось новое восстание.

---

[45] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 414 об.
[46] Там же, л. 377.

3. ПРИЧИНЫ ВОССТАНИЯ 1737—1739 гг.

При выяснении вопроса о причинах восстания 1737—1739 гг. следует различать три рода причин, вызывавших недовольство башкир. Прежде всего нужно отметить постоянно действовавшие причины, обусловленные гнетом феодально-крепостнического государства и злоупотреблениями местной администрации. Затем необходимо указать на причины, связанные с активизацией правительственной колониальной политики в 30-х годах XVIII в. Наконец, следует остановиться на обострении борьбы внутри башкирского общества между отдельными группами феодалов, борьбы, вызванной различием их отношения к правительственной политике.

Башкиры платили в казну ясак. Ясачным сбором облагались земли и другие угодья. В среднем на плательщика в переводе на деньги приходилось в середине XVIII в. 40 коп. в год.[1] Сам по себе этот сбор был не велик, он был меньше подушной подати, сбиравшейся с русского населения, и башкиры не возражали против ясака, как такового, потому что считали платеж ясака знаком подданства. Они возражали лишь против его произвольного повышения и злоупотреблений при его взимании. Опасались они и замены ясака подушной податью, которую совершенно справедливо считали более тяжелым сбором. Кроме ясака, башкиры платили по лошади с каждой свадьбы. Русское правительство, особенно в XVIII в., стремилось к сближению размеров ясака с подушной податью, но подходило к этому вопросу очень осторожно, опасаясь вызвать возмущение ясачного населения. Обсуждался этот вопрос и в 1737 г., когда уже началось башкирское восстание. В. Н. Татищев, назначенный 10 мая 1737 г. главным начальником Оренбургского края на место умершего И. К. Кириллова, созвал в июле 1737 г. в Мензелинске совещание представителей местной администрации. В секретном заседании, происходившем 17 июля 1737 г., обсуждался вопрос и о воз-

[1] По Кабинету, кн. 90/1167, л. 177 об.

можности замены ясака подушными деньгами. Но было решено от этой меры пока воздержаться: «о положении их, башкирцов, в подушной оклад ныне оставить. А довольно быть зборам ясака и з женитьбы лошадей, которое близ того же придет». На повышение сборов, по мнению участников совещания, можно решиться только после полного успокоения Башкирии. Тогда можно будет положить на башкир «ясак такой, чтоб с поголовным мало разнствовал. А и то называть ясаком, а не подушной оклад, понеже они подушного окладу и слышать не хотят».[2]

Местная администрация не имела точных списков плательщиков ясака. Царское правительство знало только феодалов, которые отвечали за сбор ясака со своих подвластных. Когда на том же июльском совещании 1737 г. было решено приписать башкир по платежу ясака к отдельным крупным населенным пунктам края — Уфе, Мензелинску, Осе, Красноуфимску и Чебаркульской крепости, и потребовались точные списки ясачного населения, таких списков в Уфе не оказалось. Уфимский воевода С. В. Шемякин в своем рапорте в Сенат от 8 ноября 1737 г. следующим образом мотивировал отсутствие точных сведений о количестве ясачного населения: «в Уфинской правинцы по душам иноверцом описи издревля не бывало и ныне нет. А хотя зборные ясашные книги по дорогам, волостям и деревням имеютца, но по оным познать никак нельзя, для того, что писано в тех книгах — подлежит взять, например, с такой волости с ымрака (имярека.— *Н. У.*) с товарыщи 300 или 400 куниц, или лисиц, а порознь по имяном не росписано».[3]

За сбор ясака отвечали феодалы, и они должны были его привозить, тем не менее местная администрация посылала специальных сборщиков в башкирские волости. По существу эти сборщики — дворяне и казаки — действовали совершенно бесконтрольно. Когда В. Н. Татищев, прибывший в Уфу зимой 1737—1738 гг., ознакомился с организацией ясачных сборов, он нашел ее неудовлетворительной и в доношении, отправленном императрице 22 января 1738 г., отметил недостатки во взимании ясака, жалобы башкир на допускавшиеся при этом злоупотребления, указал на невыгодность такой организации для правительства и предложил новый порядок ясачных сборов.

Ясачные сборщики, не имевшие точных сведений о количестве плательщиков, собирали ясак «токмо по скаскам жителей». Тут открывалось широкое поле для злоупотреблений,

---

[2] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 591 об.

[3] По Оренб. губ., кн. 3/134, лл. 813—813 об.

невыгодных в первую очередь для казны, так как сборщики «могут, взяв ясак, не записывать и, в казну не отдавая, сами корыстоваться». От такой бесконтрольности страдала не только казна, но и ясачное население — сборщики «берут излишнее с ясака по гривне и более». К В. Н. Татищеву, когда он прибыл в Уфу, «немало челобитчиков явилось» с жалобами на такое правонарушение.

Казна несет убыток, население выражает недовольство — порядок сбора явно неудовлетворителен. Поэтому В. Н. Татищев предлагает коренное изменение. По его мнению, следует отказаться от посылки специальных сборщиков и возложить сбор ясака на старшин и сотников. Чтобы заинтересовать старшин в исправности поступления ясака, следует разрешить им взимать в свою пользу по 1 или 2 копейки с каждого плательщика.[4]

Таким образом, накануне восстания порядок сбора ясака вызывал протесты и жалобы населения, и законность этих претензий была признана самим главным начальником Оренбургского края.

Не лучше обстояло дело и со взиманием косвенных налогов — таможенных сборов. В отличие от обычной практики, принятой в городах Российской империи, в Башкирии XVIII в. таможенные пошлины собирались не на торгах. Ежегодно уфимские воеводы посылали «толмачей и целовальников для сбора по деревням пошлин с продаж скота и протчего, что башкирцы междо собою друг другу продают». Такие поездки были выгодны прежде всего для целовальников, которые «накупались» на них, т. е. уплачивали воеводе ту или иную сумму за право собирать таможенные пошлины. Если злоупотребления допускались при сборе ясака, то здесь они имели безграничный простор. Приехав в деревню, целовальники каждого допрашивали, «кто что продал». Так как эти вопросы задавались не в момент продажи, то случалось, что продавец забывал о своей продаже, иногда, может быть, и скрывал состоявшуюся сделку, чтобы не платить пошлин. И если на помощь приходили соседи и напоминали целовальнику о такой сделке, то это грозило очень тяжелыми последствиями для забывчивого или скрытного продавца. За такую провинность целовальники его «немилостиво бьют, и не токмо цену проданного, но вдвое и более правят и берут». Казна от таких повышенных сборов ничего не выигрывает, выигрывает лишь целовальник, который «в казну... записывает, что хочет, через что в казну, может, и четвертой части взятого не придет, а народу разорение». При такой организации таможенных сборов не может

[4] По Кабинету, кн. 90/1167, л. 176 об.

быть и речи о нормальном развитии торговли, которая находится в упадке. Населению же причиняются значительные убытки. Башкиры это прекрасно понимали и ходатайствовали перед Сенатом, чтобы суммы, собираемые в качестве таможенных пошлин, были причислены к ясаку.

В. Н. Татищев, ознакомившись с порядком взимания таможенных сборов и посоветовавшись с уфимским воеводой С. В. Шемякиным, принял решение — «такой вредительной порядок и посылку целовальников, яко во всем государстве неупотребляемое, отставить, а собирать пошлину на торжищах». Одновременно с этим он в своем доношении императрице поставил вопрос об удовлетворении башкирского ходатайства о замене таможенных сборов определенной прибавкой к ясаку, «через что в казну В. И. В-ва доход более исправнее будет». [5]

Нет надобности останавливаться на всякого рода насилиях и злоупотреблениях, которые допускались представителями местной администрации. Такие факты общеизвестны. Достаточно отметить, что во время башкирского восстания 1737—1739 гг. правительство было вынуждено предать суду и уфимского полицмейстера Михаила Жукова и уфимского воеводу С. В. Шемякина. Тот и другой обвинялись в грабежах, взятках и насилиях, чинимых башкирскому населению. [6]

Следует сказать еще о земельных захватах, которые время от времени усиливались и вызывали вполне понятное беспокойство, а иногда и возмущение башкир. Инициатор и главный вождь башкирского восстания 1735—1736 гг. абыз Кильмяк Нурушев показывал 19 февраля 1737 г. в Мензелинске, что начало восстания «воспоследовало в прошлом 732-м году (1732.— *Н. У.*), когда Алдар башкирец отдал камисару Утятникову для соленого промыслу вотчины своей лес, в котором лесу был спор Кипчатской волости з башкирцами, потому что оные называли своим. И для того де кипчатцы, поставляя себе в обиду, посылали во все волости ззывать для совету, каким образом оного не уступить». [7] Башкирские старшины, съехавшиеся на этот совет, постановили, «чтоб того лесу Утятникову к соляному заводу не давать, також ежели и другия кто приедут строить на их землях заводы ж и городы, до того не допущать». [8]

Фискальный гнет, земельные захваты и разного рода злоупотребления были постоянными причинами недовольства

---

[5] По Кабинету, кн. 90/1167, л. 176.

[6] По Оренб. губ., кн. 5/136, лл. 61—68 об.; по Кабинету, кн. 87/1164, лл. 980—987; кн. 90/1167, лл. 29 об., 142—142 об., 218—218 об.

[7] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 183; кн. 106/1183, л. 167.

[8] Там же, кн. 106/1183, л. 167 об.

башкир политикой правительства. Однако активный протест возникал только тогда, когда фискальный гнет чрезмерно усиливался (как, например, в начале 60-х годов XVII в.) или когда злоупотребления местных агентов власти переходили всякие границы и становились совершенно нетерпимыми (как было накануне восстания 1705—1711 гг.).

Чтобы вызвать активное выступление башкир, нужны были такие мероприятия царского правительства, которые еще более чувствительно задели бы интересы башкир. Таким мероприятием явилась Оренбургская экспедиция, предпринятая в 1734—1736 гг. Она вызвала резкий протест со стороны башкир, потому что строительство крепостей, сопровождаемое изъятием башкирских земель, непосредственно задевало насущные экономические интересы широких масс башкирского народа, земли находились во владении не отдельных лиц, а целых волостей. Сопротивление постройке Оренбурга выросло в крупное башкирское восстание 1735—1736 гг., которое И. К. Кириллову удалось подавить. Восстание не помешало постройке Оренбурга и ряда других крепостей в Башкирии и по ее границам, но башкиры с этим не могли примириться и, добиваясь уничтожения новопостроенных крепостей, готовились к продолжению восстания.

В письме, поданном В. Н. Татищеву 2 августа 1736 г. у озера Кызылташ, Бепеня вспоминал старые времена башкирского подданства русским государям, когда на башкирских землях «городы не строены», и требовал, чтобы местная администрация возвратилась к прежним порядкам. [9] Вождь башкир Сибирской дороги, восставших в 1735—1736 гг., батырь Юсуп Арыков упорно не желал принести повинную, потому что «Верхояицкой город на его земле построен был». [10] Башкирские старшины Сибирской дороги, во главе с Елдашем муллою, писали уфимскому воеводе 22 мая 1737 г. о своем недовольстве правительственной политикой и при этом отметили, что на их вотчинах, с которых они платят ясак, «зделали городы..., Е. И. В-ва указ не прочитаючи», т. е. без предварительного объявления царского указа и без получения согласия башкир на это. [11] Летом 1738 г., когда представители местной администрации рассылали призывы принести повинную, башкиры Сибирской дороги, во главе с Бепеней, считали отказ правительства от постройки городов на башкирских землях одним из условий принесения повинной. [12]

---

[9] По Кабинету, кн. 56/1133, л. 423.

[10] Там же, л. 407 об

[11] По Оренб. губ., кн. 8/139, л. 596 об.

[12] По Кабинету, кн. 90/1167, л. 650 об.

Постройка городов на башкирских землях, получившая широкое распространение в 30-х годах XVIII в., явилась одной из основных причин восстания 1737—1739 гг.; постройка Оренбурга вызвала восстание Кильмяка абыза.

И. К. Кириллов совместно с А. И. Румянцевым, А. И. Тевкелевым и М. С. Хрущовым жестоко подавил башкирское восстание 1735—1736 гг. В методах и приемах подавления этого восстания были заложены причины нового выступления башкир.

Как уже упоминалось, И. К. Кириллов стремился не только подавить восстание оружием, но и создать для башкир такие условия, которые раз и навсегда отбили бы у них охоту выступать против мероприятий царского правительства. Поэтому он не довольствовался принесением общей повинной, а требовал индивидуальной присяги от каждого участника восстания и уплаты штрафной лошади.

Эти новые условия принесения повинной вызвали острое недовольство в Башкирии. Особенно неприемлемым для башкир было взимание штрафных лошадей. Участники движения 1737—1739 гг. выставляли в качестве непосредственной причины восстания требование штрафа лошадьми. Башкир Мухаммед Елдашев, захваченный в плен драгунами Сибирского полка, показывал 18 августа 1737 г.: «начали наши башкирцы воровать с весны сего года для того, что спрашивает с нас государыня штраф людьми и лошедьми». Башкирские старшины Сибирской и Ногайской дорог собрались в верховьях реки Уфы «человек со 100 и больши и советовали, что такого штрафа не давать, а лутче власти российской отложитца и русских людей раззорять». [13] И. К. Кириллов сообщал императрице 14 марта 1737 г., что башкиры Сибирской дороги, живущие по реке Ай, между собою «сговорились, чтоб им штрафу не платить, хотя и помрут». [14] Упоминание о нежелании, а иногда и о невозможности платить штрафных лошадей постоянно встречается в документах, относящихся к восстанию 1737—1739 гг. Требование штрафных лошадей являлось одним из главных препятствий, задерживавших явку башкир с повинной, когда восстание уже пошло на убыль. Летом 1738 г. башкиры Сибирской дороги, руководимые старшинами Бепеней, Аккузей, Мандаром и Тюлкучурой, говорили, что если «с них лошадей в штраф править и городов на их земле строить не будут, то хотят притти в подданство Е. И. В-ву. А ежели де штраф будут править и городы на их земле строить, то

---

[13] Материалы по истории Башкирской АССР, ч. I, М.—Л., 1936 (в дальнейшем цитируется «Материалы, ч. I»), № 148, стр. 325.

[14] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 311.

хотят все быть в противности и бунтовать до последняго человека».[15]

Требование штрафных лошадей было второй причиной возобновления восстания в 1737 г.

Самая жестокость подавления восстания порождала желание противиться той власти, которая так сурово поступает со своими подданными. С наибольшей остротой это недовольство выражено в письме Елдаша муллы и других старшин Сибирской дороги, отправленном уфимскому воеводе 22 мая 1737 г. Обращая внимание воеводы на жестокость расправы с башкирами, Елдаш мулла напоминал обстоятельства подавления восстания 1735—1736 гг.: «Казанской дороги людей всех Румянцов вырубил, и добрых и худых людей не розделяя, а Нагайскую дорогу вырубил Иван Кирилович, добрых с худыми не розделяя, а Сибирскую дорогу вырубил мурза,[16] добрых и худых людей не росмотря»; старшин, которые после принесения повинной приезжали в Уфу, «не роспрося и не розыскав, которых обвесили (т. е. повесили.— *Н. У.*), а иных сослали в ссылку... малых людей, которые платили ясак, вырубили».[17]

В. Н. Татищев и сам признавал, что суровость мер по отношению к башкирам вызвала восстание. В своем проекте мероприятий по умиротворению Башкирии, отправленном императрице 22 января 1738 г., он вспоминал, как в 1736 г. отпустил некоторых из захваченных старшин: «тогда все, покоряся, шли с повинною без опасения». Когда же он, «послушав других (В. Н. Татищев имеет в виду И. К. Кириллова и М. С. Хрущова.— *Н. У.*), забрав главных под караул, двух казнил, то немедленно новой бунт начался».[18] Здесь важно лишь признание В. Н. Татищевым факта, что жестокость наказания влечет за собой новое восстание. Однако от казней, как меры борьбы с восстанием, он не отказывался. В декабре 1737 г., совещаясь с другими представителями местной администрации о путях ликвидации башкирского восстания, он считал казнь главных вождей движения необходимым условием подавления самого движения.[19] По его личному распоряжению и в его присутствии был казнен крупнейший из вождей восстания в пределах Ногайской дороги батырь Кусяп Салтангулов.[20] А когда в руки царского правительства попал

[15] По Кабинету, кн. 90/1167, л. 650 об.

[16] Мурза — полковник А. И. Тевкелев — до крещения мурза Мамет Тевкелев, переводчик Коллегии Иностранных дел, помощник главного командира Оренбургской экспедиции.

[17] По Оренб. губ., кн. 8/139, л. 596 об.

[18] По Кабинету, кн. 90/1167, л. 177 об.

[19] По Оренб. губ., кн. 3/134, л. 823.

[20] Там же, лл. 1061—1062.

главный вождь всего движения Бепеня Трупбердин, В. Н. Татищев распорядился предать его наиболее мучительной казни — колесовать. [21]

Эти казни производили впечатление на башкир, но как раз не то, какое было нужно царским администраторам. Они озлобляли башкир и обостряли их желание продолжать борьбу. Жестокость расправы в известной мере служила причиной продолжения сопротивления.

Наконец, следует остановиться еще на одном следствии суровой расправы с башкирским восстанием — голоде, который тоже вызывал брожение среди башкир. О том, что карательные экспедиции разорили Башкирию и население голодало, уже упоминалось. Была дана и характеристика двойственного отношения местной администрации к голоду и его возможным последствиям. Представители власти считали, что голодное и обессиленное население легче принудить к покорности, но в то же время администрация опасалась, что башкиры, доведенные голодом до полного отчаяния, вступят на путь открытой борьбы с правительством. Поэтому В. Н. Татищев и его помощники стремились найти среднюю линию — с одной стороны, не дать возможности башкирам окрепнуть и усилиться, а с другой — не привести их к полному отчаянию и безнадежности. А голод в Башкирии достиг грандиозных размеров. В марте 1737 г. В. Н. Татищев, советуясь со своими помощниками А. И. Тевкелевым и А. Ф. Хрущовым, настаивал на необходимости разрешить башкирам покупку хлеба на семена. Свое предложение он мотивировал именно голодом, «ис которого не только пользы нет, но видимой вред и впредь опасность, ибо ис того легко может опасная болезнь родиться, и ближних невинных погубить, или они (т. е. башкиры.— *Н. У.*) от крайней нужды к воровству понудятся». [22] Представители башкир Сибирской дороги, прибывшие в марте 1737 г. в Екатеринбург за разрешением на покупку хлеба, отметили, что башкиры «не только скот, но и обувь с ног поели и помирают многие». [23]

Голодающие башкиры либо обращались к местной власти за разрешением приобрести хлеб в русских слободах, либо совершали вооруженные нападения на слободы или деревни мишарей (мещеряков) [24] и других нерусских народностей края с тем, чтобы добыть себе хлеба. В феврале 1738 г.

[21] По Кабинету, кн. 106/1183, л. 9.

[22] Там же, кн. 87/1164, л. 279.

[23] Там же, л. 348 об.

[24] Мещеряки, или как они сами себя называли — мишари, татарское племя, жившее на башкирских землях и платившее башкирам оброк за пользование землей.

«верный» башкир Слыкай Сеитов, посланный В. Н. Татищевым к старшинам Сибирской дороги с призывом принести повинную, встретил на пути вождей восстания — Тюлкучуру и Мандара, отправившихся грабить мишарские деревни. Тюлкучура и Мандар, узнав о цели поездки Слыкая Сеитова, сказали ему: «мы де идем по задору месчереков разорять и хлеба достать, понеже нам есть нечего, а ты де поезжай к другим старшинам».[25]

Таким образом, постройка крепостей на башкирских землях, взимание штрафных лошадей, жестокость подавления восстания, проявившаяся в избиениях населения, казнях, ссылках и разорении жилищ, и, наконец, голод, как следствие деятельности карательных экспедиций — все это настолько озлобило башкир, что возобновление восстания стало неизбежным.

Но были причины обострения борьбы и внутри самого башкирского общества. Восстание Кильмяка абыза охватило все дороги, но тем не менее оно не было всеобщим. Некоторая часть старшин и рядовых башкир не примкнула к восставшим и продолжала сохранять верность правительству.

Еще с XVI в. царское правительство в своей политике по отношению к нерусским народностям стремилось найти опору в социальной верхушке этих народностей. Оно привлекало местных феодалов к себе на службу, сулило и давало им всякие привилегии и льготы. Это не могло не производить соответствующего впечатления. Местные феодалы находили общий язык с правящими классами Русского феодально-крепостнического государства. Первоначально таких «верных» сторонников царского правительства было мало. Самая их «верность» постоянно находилась под сомнением, они часто ее нарушали, вступая в сношения с соседними кочевыми феодалами, враждебно настроенными к царскому правительству. Но с течением времени связи местных феодалов с царскими феодалами крепли. Твердая и последовательная в этом вопросе политика московского правительства делала свое дело, и в первой половине XVIII в. у царской администрации было в Башкирии достаточное число сторонников среди местных феодалов. И. К. Кириллов, прибывший в 1734 г. в Уфу с тем, чтобы отправиться к устью Ори для постройки Оренбурга, продолжал эту традиционную политику укрепления связей башкирских старшин с царизмом. Он призывал башкир, и в первую очередь старшин, на службу по охране будущей крепости и щедрой рукой раздавал тарханские звания, освобож-

[25] По Кабинету, кн. 90/1167, лл. 219—219 об.

давшие их носителей от платежа ясака. Некоторая часть башкир охотно откликнулась на этот призыв. Были и такие, как тархан Кара-Табынской волости батырь Таймас Шаимов, которые своей предшествовавшей службой прочно связали себя с царским правительством. Таймас Шаимов — участник посольства А. И. Тевкелева в Младший Казахский жуз в 1731—1732 гг. Он оказал большие услуги Тевкелеву, за это императрица пожаловала его тарханским званием.

Мишари также были привлечены И. К. Кирилловым на службу. Тептяри и бобыли,[26] платившие башкирам оброк, были использованы на работах по постройке Оренбурга.

Эти группы населения Башкирии, т. е. часть башкирских старшин, мишари, тептяри и бобыли, не принимали участия в восстании. Если башкирские старшины и мишари были заинтересованы своей службой, то у тептярей и бобылей, находившихся в известной зависимости от башкир-вотчинников, не было больших оснований бороться за башкирские интересы, и они сохранили верность правительству. Правительственная администрация использовала службу «верных» старшин и мишарей не только для охраны вновь построенных крепостей, но и для борьбы с башкирским восстанием. «Верные» старшины и мишари оказывали вооруженную помощь царским войскам, и, кроме того, их посылали для разного рода переговоров с восставшими. Это разделение башкирских старшин на два лагеря дало возможность старшинам сводить счеты друг с другом, и не раз старшины — участники восстания жаловались русской администрации на притеснение и обиды со стороны «верных». Наибольшее количество нареканий в этом отношении вызывал «верный» старшина Кущинской волости Сибирской дороги Козяш Рахмангулов. Один из вождей восстания 1737—1739 гг., старшина Дуванской волости Мандар Карабаев, равным образом и другие башкиры Дуванской и соседних волостей, были склонны главную причину своего участия в движении видеть в насилиях со стороны Козяша, «верного» старшины Дуванской волости Мендиара Аркаева и сотника Упейской волости Кадрали Байкишина.

В письме коменданту Красноуфимской крепости капитану Петру Афанасьевичу Батову, полученном в Красноуфимске

[26] Тептяри и бобыли — представители нерусских народностей Поволжья — татары, чуваши, мари, удмурты, которые бежали в Башкирию и устроились на башкирских землях. Тептярями назывались те из пришельцев, которые селились на основании письменных условий с башкирами-вотчинниками. Бобыли поселялись без таких условий, на основе устной договоренности. Таким образом, это категории не национальные, а социальные.

18 июня 1737 г., Мандар Карабаев изложил все претензии, какие он и его товарищи имеют к Козяшу, Мендиару и Кадрале. Как «верный» старшина, Козяш Рахмангулов прибыл в Дуванскую волость в 1736 г. с поручением от местной администрации принять присягу от башкир, приносящих повинную. По свидетельству Мандара, приведение к присяге проводилось довольно своеобразно. Козяш и Мендиар сначала задерживали богатых и влиятельных башкир и грозили их «на каторгу сослать», а затем, взяв с них лошадей, деньги и другое имущество, отпускали. Иногда они совершали вооруженное нападение на старшин, принимавших участие в восстании, и угоняли лошадей. С рядовых башкир нельзя было получить крупных сумм, поэтому Козяш не пренебрегал и мелкими сборами: «со многих народных людей, как х Курану приводил, брал по 3 копейки». Описав все эти притеснения и насилия, Мандар задает П. А. Батову вопрос: «вышеописанных ли воров, трех человек, государыня будет сохранять, или весь народ?», и делает свой вывод о причинах, вызвавших новое выступление башкир: «от ых раззорения у нас стало помешательство». [27]

Поведение Козяша внушало подозрение и П. А. Батову. Во-первых, татары и мишари, приезжавшие из башкирских волостей в Красноуфимскую крепость, согласно утверждали, что «нынешнему башкирскому метежу причина есть от него, Козяша», так как «начел он от Мандара и от других башкирцов скот и лошадей грабить». Во-вторых, Козяш упорно уклонялся под разными предлогами от свидания с капитаном П. А. Батовым. В-третьих, Козяш мог показать свою верность, напав на Мандара в то время, когда последний «оставался с малыми людьми в своем жилище», а большинство его сторонников отправилось в поход за Уфу, между тем Козяш этого не сделал. Сопоставив эти данные, П. А. Батов пришел к выводу, что «верность ево, Козяшева, состоит сумнительно». [28]

С известиями о неблаговидных поступках «верных» старшин не могли не считаться и представители местной администрации. Правда, они не всему верили, и имели для этого основания: старшины противоположных партий часто возводили друг на друга обвинения, не подтверждавшиеся при проверке. Но совершенно игнорировать такие обвинения тоже нельзя было,— это подрывало авторитет местных властей. Вот почему на совещании В. Н. Татищева с другими местными администраторами в июле 1737 г. было принято решение

[27] По Оренб. губ., кн. 3/134, лл. 644—644 об.
[28] Там же, лл. 643 об.— 644.

«накрепко смотреть, чтоб те верные для своей корысти напрасно не затевали и людей не раззоряли. Если же где явитца, то таких, яко нарушителей покоя и преступников указа, наказывать, чтобы другие, на то смотря, казнились, а воры, видя правосудие и невинным оборону, скоряе к покорению пришли».[29]

Восставшие башкиры отвечали на насилия со стороны «верных» вооруженными нападениями на них и захватом их имущества. Тот же Козяш Рахмангулов жаловался А. И. Тевкелеву 1 мая 1737 г.: «нам от воров жить уже худо, и как жить, не знаем», и далее он продолжал: «а как нынешним летом от Е. И. В-ва на них, воров, гнева не будет, то они нас вовсе разорят». Козяш просил разрешения поселиться вблизи Красноярской крепости (Красноуфимска), так как жизнь стала нестерпимой: «в домех нам жить никак не можно».[30]

Кроме того, царское правительство использовало национальную рознь между народностями, населявшими Оренбургский край, поощряло набеги казахов на восставших башкир. И. К. Кириллов в своем доношении императрице от 22 февраля 1737 г. прямо писал: «Кайсаки к наибольшему на воровских башкирцов приходу были от меня, нижайшего раба, поощрены и немало вреда им наделали».[31] Экипажный советник А. Ф. Хрущов, участник совещания, созванного В. Н. Татищевым в ноябре 1736 г. в Екатеринбурге, говоря о взаимных набегах казахов и башкир, отметил: «добро бы оным народам жить в покое, а не хуже, чтоб временем и бранилися»,[32] так как взаимная борьба ослабляла оба народа.

Кроме казахов, местные администраторы использовали и другое нерусское население края в борьбе с восставшими башкирами. На усмирение восстания посылались мишарские команды. Ясачные татары, жившие в Башкирии, выступали в роли правительственных агентов, иногда просто шпионов. Башкиры это понимали и относились отрицательно к такому посредничеству татар. Батырь Айлинской волости Сибирской дороги Кыдряс Кильдышев писал в начале июля 1737 г. капитану П. А. Батову: «наша государыня милостива буде подлинно нас пожалует, чтоб к нам выехал хорошей дворенин, подьячей, толмачь, а чтоб к нам татар не присылали, а они нам не поверенны».[33]

---

[29] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 588 об.
[30] Там же, л. 419.
[31] Там же, л. 169 об.
[32] По Оренб. губ., кн. 8/139, л. 149.
[33] Материалы, ч. I, № 140, стр. 314.

В ходе восстания царские администраторы неоднократно использовали татар, мишарей, чуваш, мари и русских крестьян для борьбы с башкирами, создавали из них отряды для обороны населенных пунктов и преследования повстанцев.

Политика и тактика правительства и в этот период полностью соответствовали характеристике, данной товарищем Сталиным: «Самодержавие лишает их («чужие» национальности.— *Н. У.*) необходимых гражданских прав, притесняет со всех сторон, фарисейски сеет между ними недоверие и вражду, подстрекает их к кровопролитным столкновениям...», чтобы «рассорить нации, населяющие Россию, обострить между ними национальную рознь, укрепить национальные перегородки...» [34]

Таким образом, накануне восстания 1737—1739 гг. к общему недовольству башкир политикой царского правительства — его фискальными мероприятиями, земельными захватами и злоупотреблениями местной администрации — присоединилось возмущение, вызванное активизацией этой политики в 30-х годах XVIII в. и жестокой расправой с участниками восстания 1735—1736 гг. Кроме того, обострилась взаимная рознь многонационального населения Башкирии, осложненная борьбой между отдельными группами башкирских феодалов.

---

[34] И. В. Сталин. Как понимает социал-демократия национальный вопрос? Соч., т. 1, стр. 36.

4. ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ВОССТАНИЯ 1737—1739 гг.

Башкирское восстание 1737—1739 гг. явилось широким движением башкирского народа, возглавленным местными феодалами. Предшествующие башкирские восстания также проходили под руководством старшин-феодалов.[1] Главные вожди восстания 1735—1736 гг.— абыз Кильмяк Нурушев, Акай Кусюмов и Юсуп Арыков были крупнейшими и влиятельнейшими старшинами в пределах своих дорог: Кильмяк — Ногайской, Акай — Казанской и Юсуп — Сибирской. Когда башкирские старшины Ногайской дороги в 1732 г. приняли решение оказать сопротивление передаче леса комиссару Утятникову для его соляного промысла и другим земельным захватам в Башкирии, они, по словам Кильмяка, записали это решение, «в чем и подписались все. И то письмо оставили для содержания (т. е. для хранения.— *Н. У.*) у него, Кильмяка».[2] После того как Кильмяк в 1736 г. совершил неудачное нападение на лагерь генерал-лейтенанта А. И. Румянцева, и отряды Кильмяка разбежались, сам он спрятался в камышах у озера Кандар, а затем перебрался на реку Усень, башкиры Кир-Иланской волости, Казанской дороги позвали его к себе. Опасаясь засады, Кильмяк не пошел. Но после третьего приглашения он все же отправился к ним. Башкиры обрадовались его прибытию и просили, «чтоб он принял их к себе, а они де желают со всеми домами быть в согласии с ним». На возражение Кильмяка, что «ему охранить будет их не с кем, потому что остался малолюден», башкиры ответили: «довольно де им и одного ево, и им де имя ево служит за тысячу человек».[3] Башкиры Кир-Иланской волости тем самым

[1] Об этом см. в моей работе «Башкирское восстание 1662—1664 гг.», «Исторические записки», кн. 24, М., 1947, стр. 30—110, а также в статье В. И. Лебедева «Башкирское восстание 1705—1711 гг.», «Исторические записки», кн. 1, М., 1937, стр. 81—102.

[2] По Кабинету, кн. 105/1183, л. 167 об.

[3] Там же, лл. 173—173 об.

показали, каким влиянием пользовался Кильмяк среди башкир не только Ногайской, но и Казанской дороги.

Акай Кусюмов был, можно сказать, наследственным руководителем башкирских восстаний. Его дед Тюлекей был повешен за участие в Сеитовском восстании 1682—1683 гг., его отец Кусюм Тюлекеев являлся одним из главных руководителей восстания 1705—1711 гг. Сам Акай возглавил сопротивление башкир Казанской дороги в восстании 1735—1736 гг.[4]

О влиянии Юсупа Арыкова на башкир Сибирской дороги можно судить хотя бы по тому факту, что летом 1736 г. батырь этой дороги Кутукай, принесший повинную В. Н. Татищеву у озера Кызылташ, считал повинную со стороны Юсупа необходимым условием успокоения всей Сибирской дороги: «наша де покорность без Юсупа спокойности не зделает».[5]

В восстании 1737—1739 гг. руководящая роль старшин прослеживается очень четко. Об этом говорят сами башкиры, это прекрасно понимают и представители администрации края. Рядовым башкирам порой были совершенно неясны цели восстания. Они покорно следовали за своими старшинами. Башкир Сибирской дороги Карсак Алатинов, «союзник», т. е. приверженец, старшины Тюлкучуры Алдагулова, показывал 5 октября 1739 г. в Мензелинске: «начало сего бунта от чего воспоследовало, не знает. Только слышал от старшин, что башкирцы, не хотя до строения города Оренбурха допустить, взбунтовали». Тем не менее он принимал активное участие в восстании. «В воровском собрании и на всех воровствах з главными бунтовщиками — Тюлкучюрой, Бепенею, с Стамгулом и с протчими он был».[6] Другой башкир, тоже из собрания Тюлкучуры, Турунтай Юлсурин, доставленный в Мензелинск вместе с Карсаком Алатиновым и одновременно с ним допрошенный, показал, что не знает, почему началось восстание, «точию тому года с четыре Сибирской дороги главные воры башкирцы Мандар Карабаев, Тюлкучюра Аллагулов, Бепеня и протчие, человек с 900, приехав в их деревню, и взяли ево, Турунтая, с товарыщи в свое собрание под неволею». Не зная цели восстания, невольный его участник, он, однако, вместе со своими однодеревенцами «со оными главными ворами всегда ездил в разные времена для раззорения мещеряцких и черемиских деревень и под крепость Богдан-Коши и в Осинской уезд и тамо раззоряли руских и иноверческих жилищ, и людей били до смерти многое число».[7]

[4] По Кабинету, кн. 106/1183, л. 161.
[5] Там же, кн. 56/1133, л. 405 об.
[6] Там же, кн. 106/1183, лл. 561—561 об.
[7] Там же, лл. 559 об.— 560.

В приведенных показаниях самих участников восстания руководящая роль старшин выступает очень ярко. Не вызывало это сомнения и у администрации края. В. Н. Татищев, беседуя 9 января 1738 г. с башкирскими представителями, прибывшими к нему в Уфу для переговоров о принесении повинной, назвал старшин «вождами и главными советниками» восставших башкир.[8] Еще резче руководящую роль старшин он подчеркнул в своем письме к кабинет-министрам графу А. И. Остерману и князю А. М. Черкасскому от 29 марта 1738 г. Говоря о том, что он прилагает «крайнюю ревность и старание» к подавлению башкирского восстания и взысканию штрафных лошадей, В. Н. Татищев в то же время отмечает, что «беспутного того народа (т. е. башкир.— *Н. У.*) безумные мнении много тому воспрепятствовали, наиболее всего, что с них требуются страфные лошади, ибо воры главные то разными образы к подлости (т. е. простому народу.— *Н. У.*) толкуют и от покорности удерживают. Иногда сказывают им, что то будет на них кождогодная дань, иногда прибавливают, что якобы к тому в прибавок требуют по быку да по мальчику з двора. А подлость сами указов читать не умеют и в том главным верят».[9]

На совещании в Самаре в декабре 1737 г. В. Н. Татищев, назвав несколько видных старшин Сибирской и отчасти Ногайской дорог, настаивал на их поимке и казни и мотивировал это свое требование тем, что башкирские старшины «весною, как лошади оправятся, паки ту свою злость возмусчением подлости возобновить могут».[10]

Как уже было указано, А. И. Тевкелев на совещании 1736 г. в Екатеринбурге называл старшин «великими тайными простого народа возмутителями».[11]

Действительно, внимательное изучение документов восстания показывает, что вождями крупных и небольших отрядов восставших башкир были старшины. В этом отношении интересны показания двух шпионов, присланных командиром Казанского полка полковником Усовым в Комиссию Башкирских дел. Эти шпионы, допрошенные в Мензелинске 11 марта 1738 г., насчитали 7 отрядов повстанцев численностью от 250 до 480 человек, действовавших в смежных районах Осинской и Сибирской дорог. Каждый из отрядов имел своих командиров — старшин. Но действовали эти отряды не разрозненно. Они подчинялись единому руководящему центру. «Объявлен-

---

[8] По Кабинету, кн. 90/1167, л. 183.
[9] Там же, л. 415.
[10] По Оренб. губ., кн. 3/134, л. 823.
[11] Там же, кн. 8/139, л. 152 об.

ные воры все в одном согласии з главными бунтовщиками Пепеней, Мандаром, Толкучюрой и Кусяпом, имеют намерение, чтоб итти для раззорения верных башкирцов и мещеряцких деревень, а потом нападение чинить на российское войско».[12]

Старшины-феодалы действительно располагали отрядами подвластных им башкир. В документах не раз встречаются указания, что башкирские старшины приглашаются на совместные съезды и совещания: «каждой старшина с своим собранием».[13] Когда речь идет о жилищах старшин, то обычно указывается, в каком количестве дворов они живут или кочуют.[14] Решения, касающиеся или всего башкирского народа, или какой-либо из башкирских дорог, принимаются на съездах старшин. Один из главных вождей восстания 1737—1739 гг., в пределах Сибирской дороги, старшина Кудейской волости Тюлкучура Алдагулов показывал в Мензелинске в сентябре 1739 г., что летом 1738 г. еще до принесения повинной «был у них съезд в Тарнаклинской волости у Ямангузи Кадаева, где их было человек с 1000 и все знатные их старшины».[15]

Но тем не менее восстание 1737—1739 гг. не было движением только феодалов. Без активной поддержки широких народных масс феодалы не смогли бы организовать сильного сопротивления царским войскам. Та активизация колониальной политики царизма, которая приходится на 30-е годы XVIII в., задевала интересы не только феодалов. Постройка крепостей и связанные с ней земельные захваты отражались на хозяйстве и рядовых башкир. Взимание штрафных лошадей с каждого участника восстания, вне зависимости от степени его участия в движении, разорение Башкирии карательными экспедициями и голод как следствие разорения — все это непосредственно отражалось на рядовых башкирах. Тяжесть фискального гнета тоже в первую очередь ощущалась рядовыми башкирами, так как на их долю приходилась основная сумма ясачных платежей.

Следовательно, протест против царской политики, поднятый башкирскими феодалами, должен был найти и действительно нашел живой отклик в среде рядовых башкир.

---

[12] Материалы, ч. I, № 169, стр. 370.— «Экстракт о башкирских обращениях ис полученных из разных мест известей сего года». Этот экстракт напечатан А. П. Чулошниковым по копии, снятой в Военной Коллегии. Датирован приблизительно: «1738 г. мая 21 — июня 17». Подлинник находится в «Делах Правит. Сената по Кабинету» (кн. 90/1167, лл. 595—599), точная дата — 28 мая 1738 г.

[13] По Кабинету, кн. 106/1183, л. 550.

[14] Там же, кн. 90/1167, л. 16.

[15] Там же, кн. 106/1183, лл. 487 об.— 488.

То обстоятельство, что рядовые башкиры в самом ходе движения были как бы заслонены старшинами-феодалами, отодвинуты на второй план, объясняется самим характером кочевого феодализма. В башкирском обществе XVIII в., при наличии феодальных отношений, были еще очень сильны пережитки патриархально-родового быта. Старшины — феодалы XVIII в. являлись потомками родовых старшин, распоряжавшихся когда-то членами своего рода. Пережитки этих патриархальных отношений в быту обусловили «послушание» рядовых башкир своим старшинам-феодалам.

К тому же каждый старшина был начальником вооруженного отряда, состоящего из подвластных ему башкир. Воин обязан был подчиняться своему вождю и послушно следовать его указаниям.

Зависели рядовые башкиры от старшин и в экономическом отношении. Старшина распоряжался кочевьем, территорией, находящейся во владении племенной волости. От него зависел отвод участков земли отдельным башкирам для пастьбы скота, для посева хлеба (хлебопашеством башкиры уже достаточно широко занимались в XVIII в.). Оказывали старшины и продовольственную помощь рядовым башкирам. В этом отношении очень интересно замечание, сделанное А. Ф. Хрущовым во время екатеринбургского совещания 1736 г. Характеризуя экономическое положение башкир Сибирской дороги в конце 1736 г., А. Ф. Хрущов подчеркнул, что из них «не всякой богат, имеет много лошадей, но больше между ими убогих, которые ждут себе от богатых пропитания». [16]

Старшины-феодалы были руководящей силой в башкирском обществе XVIII в., и в таком важном событии в жизни башкирского народа, как восстание против царского правительства, они повели за собой массы рядовых башкир.

Уже упоминавшиеся шпионы, присланные полковником Усовым в Мензелинск, назвали главными вождями движения Бепеню, Мандара, Тюлкучуру и Кусяпа. Трое первых — старшины разных волостей Сибирской дороги, Кусяп Салтангулов — батырь и старшина Тангаурской волости Ногайской дороги.

Шпионы не ошиблись, назвав именно этих лиц. Действительно, они являлись главными руководителями движения. Только список главных вождей восстания нужно дополнить еще тремя именами — старшиной Кудейской волости Сибир-

---

[16] По Оренб. губ., кн. 8/139, л. 146 об. Более подробно о социальных отношениях в башкирском феодальном обществе см. в моей работе: «Башкирское восстание 1662—1664», «Исторические записки», кн. 24, М., 1947, стр. 37—43.

ской дороги муллой Елдашем Сюярымбетевым и двумя старшинами Ногайской дороги: Тамьянской волости — Сеит-баем Алкалиным и Бурзянской волости — Рысай-баем Игимбетевым.

Крупнейшим из вождей восстания 1737—1739 гг. является абыз Куваканской волости Сибирской дороги Бепеня (Пепеня) Трупбердин. Иногда он в источниках называется муллою. По своему происхождению он принадлежал к наиболее знатным башкирам. По собственному свидетельству Бепени, его дед Камакай был тарханом. И дед и отец Бепени — Трупберда «в Алдаровской бунт в одном согласии с ворами и бунтовщиками башкирцами были», т. е. активно выступали против правительства. Сам он не принимал участия в этом восстании: «в то время был в малых летех».[17] В докладной выписи о притеснениях и обидах башкирам со стороны казанского комиссара Александра Сергеева, приведших к башкирскому восстанию 1705—1711 гг., упоминается Трукберда батырь, один из «лучших» башкир Сибирской дороги.[18] Возможно, что речь идет именно об отце Бепени.

Сам Бепеня принял активнейшее участие в восстании 1735—1736 гг. Правда, он не выступал в качестве главного руководителя движения. Таким в пределах Сибирской дороги был Юсуп Арыков. Но Бепеня был главным советником Юсупа и, как абыз, рассылал от его имени письма.

А. И. Тевкелев в своем доношении В. Н. Татищеву, отправленном из Челябинской крепости 11 октября 1736 г., дает следующую характеристику Бепене и его участию в восстании 1735—1736 гг.: «А самой на Сибирской дороге главной вор и всему простому народу возмутитель и великой лукавец, которой многими своими злыми язвительными хитростьми оной простой народ привел в такое бунтовское состояние, а свое имя никогда не славил — Куваканской волости Бепеня-вор». А. И. Тевкелев подчеркивает, что Бепеня, являясь действительным идеологом и руководителем восставших башкир Сибирской дороги в 1735—1736 гг., предпочитал оставаться в тени, уступая внешнее руководство движением батырю Юсупу Арыкову. Даже тогда, когда Юсуп уже сложил оружие и принес повинную, Бепеня продолжал упорствовать в своем враждебном отношении к царской администрации и придумывал различные мотивы, якобы препятствующие ему явиться с повинной. В том же доношении А. И. Тевкелев сообщал В. Н. Татищеву об этих уловках Бепени: «Я за ним, Бепенею, нарошно посылал башкирцов, но оной злым своим

[17] По Кабинету, кн. 90/1167, л. 798.
[18] Материалы, ч. I, № 21, стр. 119.

пронырством от того весьма лукаво отшел — стретяся с теми моими посланными башкирцами сказал им, что якобы он едит на озеро Чебели для соли, а как с солью возвратится, то с повиннюю к присяге ко мне хотел быть».[19] Ни осенью 1736 г., ни зимой 1736—1737 гг. Бепеня с повинной не явился. Хотя его поддерживало всего около 20 человек, тем не менее он продолжал упорствовать.[20] Естественно было ожидать, что инициатива нового выступления будет исходить именно от него. Действительно, в мае 1737 г. местной администрации стало известно, что «Пепеня мулла на Сибирской и Нагайской дорогах по волостям пишет и розсылает письма к возмущению для войны на руских».[21] В течение 1737 и 1738 гг. Бепеня все время выступает и как главный идеолог движения и как его практический вождь. В. Н. Татищев называет его «пусчим возмутителем».[22] На совещании в Самаре в декабре 1737 г. он подчеркивает роль Бепени, ставя его на первое место среди вождей восстания.[23] Намереваясь в сентябре 1738 г. казнить Кусяпа батыря, В. Н. Татищев сейчас же вспоминает Бепеню и отмечает, что пока Кусяп и Бепеня «кажнены не будут, то никогда совершенного спокоя надеяться не можно».[24] Требуя от главных вождей восстания личной явки с повинной в Уфу, В. Н. Татищев первым среди этих вождей называет Бепеню.[25]

«Верные» старшины Сибирской дороги, отмежевываясь от старшин — участников восстания, среди вождей движения тоже первым называют Бепеню.[26] Бухарец Утяган Жулунбетев, проехавший по Башкирии осенью 1737 г., получил сведения о том, что основное собрание восставших башкир, так сказать, центральный пункт движения, «имеетца в Яицких вершинах, и оттоль де они, воры, на воровство выходят. А в означенном де собрании начальные воры — Бепеня и Мандар».[27] Опять Бепеня назван на первом месте. Когда летом 1737 г. началось движение башкир Осинской дороги, руководители этого движения — Адзимас Абдалов и Арякгул Чурюсин, не чувствуя себя достаточно сильными, «пошли на Ай для подзыву и приводу Бепени и Мандара для раззорения руских

[19] ЦГАДА. Дела Правит. Сената по Заводской Комиссии, кн. 12/1534, лл. 173—173 об.
[20] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 128.
[21] Материалы, ч. I, № 136, стр. 309.
[22] По Оренб. губ., кн. 8/139, л. 103.
[23] Там же, кн. 3/134, л. 823.
[24] Там же, лл. 1061—1062.
[25] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 971 об.
[26] По Оренб. губ., кн. 3/134, л. 828.
[27] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 950 об.

жилищ в тулвенцов (т. е. ясачных татар, живущих по реке Тулве.— *Н. У.*), кои с ними итти на воровство не хотят». [28]

Таким образом, сведения, идущие из разных источников, согласно подтверждают, что главным руководителем восстания 1737—1739 гг. был абыз Куваканской волости Сибирской дороги Бепеня Трупбердин. В этом мнении сходятся и главный начальник Оренбургского края, и «верные» старшины, и посторонние наблюдатели, и сами участники движения.

Бепеня, как уже указывалось, был не только главным вождем восстания, но и его идеологом. Другим крупным идеологом движения был старшина Кудейской волости Сибирской дороги Елдаш мулла Сюярымбетев.

Как и Бепеня, Елдаш мулла рассылает письма по башкирским волостям, переписывается он и с местной администрацией края, причем достаточно четко формулирует причины недовольства башкир царским правительством. В. Н. Татищев в конце 1738 г. подводил итоги своей борьбы с башкирским восстанием. В это время Бепеня был уже пойман, а остальные вожди движения принесли повинную и были отпущены по домам. Не было еще объявлено общего указа о прощении восставших башкир. Подготовляя материал для составления этого указа, В. Н. Татищев доносил императрице 9 декабря 1738 г., что некоторых из вождей восстания все же следует казнить. Среди этих вождей он называет Елдаша муллу, «которой с Бепенею лживые указы составлял и народ возмусчал». [29]

Елдаш мулла выступает и как практический организатор движения. Еще в декабре 1736 г., когда башкиры Сибирской дороги решали вопрос, приносить ли им повинную, Елдаш мулла созвал собрание старшин в Кудейской волости, на котором было решено не итти к присяге, если будут требовать штрафных лошадей. Считаясь с тем, что, быть может, башкирам все-таки придется принести повинную, Елдаш мулла тем не менее подчеркнул, что они «хотя де 9 куранов примут, а в верности быть не хотят», т. е. отметил, что их повинная не будет искренней. [30] В начале 1737 г. Елдаш мулла принес повинную, [31] а в мае того же года он руководит собранием башкирских старшин в дер. Васькиной Мурзаларской волости, где было принято решение о возобновлении восстания. [32] Но, очевидно, чтобы усыпить бдительность В. Н. Татищева, Елдаш мулла в мае же 1737 г. отправляет ему письмо о том,

---

[28] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 840.
[29] Там же, кн. 106/1183, лл. 53—53 об.
[30] Там же, кн. 87/1164, лл. 103—104.
[31] Там же, л. 125.
[32] Там же, л. 440.

что башкиры Сибирской дороги приняли решение принести повинную, «и той верности не переменим», добавляет он. Это письмо писано им собственноручно.[33]

В сентябре 1737 г. капитан Голчин, командир одного из карательных отрядов, вел бой с восставшими башкирами в районе Калиновской крепости, причем «главным» у этих повстанцев был Елдаш мулла.[34] Осенью 1738 г. башкиры принесли повинную, но когда весной 1739 г. местная администрация предприняла перепись башкирского населения, башкиры не допустили переписчиков и созвали съезд старшин, «на котором присоветовали, чтобы в перепись не писаться». По показанию старшины Тюлкучуры Алдагулова, «главной больше зачинщик ко оному собранию Елдаш мулла».[35]

Кроме Бепени и Елдаш муллы, видную роль в движении башкир Сибирской дороги играли старшины Дуванской волости — Мандар Карабаев и Кудейской волости — Тюлкучура Алдагулов. Мандару и Тюлкучуре принадлежало руководство вооруженными выступлениями восставших башкир. Это — военные вожди движения. Именно эту сторону их деятельности постоянно подчеркивают документы восстания. Мандар, как и Бепеня, не принес повинной в 1736 г.[36]

Бепеня, Елдаш мулла, Мандар и Тюлкучура — главные вожди восставших башкир Сибирской дороги. Восстанием башкир Ногайской дороги, как уже упоминалось, руководили батырь и старшина Тангаурской волости Кусяп Салтангулов, старшины Тамьянской волости — Сеит-бай Алкалин и Бурзянской — Рысай-бай Игимбетев. Башкиры Сугун-Кипчакской волости Ногайской дороги батыри Козяк Кулумбетев и Икбай Кудайкулов, сообщавшие 3 мая 1737 г. в канцелярии Оренбургской экспедиции о начале брожения среди башкир Ногайской дороги, назвали «главными к воровству завотчиками» ряд старшин Ногайской дороги. Этот перечень возглавляют Рысай-бай, Кусяп батырь и Сеит-бай.[37] 14 июня 1737 г. тархан Бурзянской волости Алдар Исекеев, руководивший восстанием 1705—1711 гг., но сохранявший верность правительству в 30-х годах XVIII в., писал А. И. Тевкелеву, что вожди восстания Ногайской дороги, в том числе и вышеназванные лица, «злым своим намерением простых людей возмучают, якобы им из российских народов никогда добра не будет».[38] Кусяп батырь, пойманный весной 1738 г., показывал 20 апреля

---

[33] По Кабинету, кн. 87/1164, лл. 491—491 об.
[34] Там же, лл. 909 об.—910.
[35] Там же, кн. 106/1183, л. 488.
[36] Там же, кн. 87/1164, л. 125.
[37] По Оренб. губ., кн. 8/139, л. 440 об.
[38] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 640 об.

в Оренбурге, что с 1736 г. он «с изменниками вместе при всех нападениях на российские войски и городы был и верноподданных башкирцов и иноверцов разорял. А где имянно, о том всем известно». Подчеркнул Кусяп и свою роль в движении: «и был при тех изменниках я главным старшиною».[39]

До 30-х годов XVIII в. царское правительство очень мало вмешивалось во внутреннюю жизнь башкирского народа. Оно проводило свои мероприятия через башкирских старшин-феодалов. Поэтому всякое недовольство политикой правительства исходило в первую очередь от старшин. Они же возглавляли и все активные выступления против царского правительства.

В 1557 г. башкиры приняли русское подданство. В представлении башкирских старшин это был обычный для кочевых феодалов отказ от прежних сюзеренов и добровольный переход на службу к новому сюзерену. Свободный переход к новому сюзерену предполагал такой же свободный отказ от вассалитета, если бы условия пребывания под властью сюзерена оказались по каким-либо причинам неприемлемыми для вассала. Эти политические представления, характерные для периода феодальной раздробленности, мало вязались со всем строем централизованного Русского государства. Все конфликты, не раз возникавшие между башкирами и правительством на почве недовольства колониальной политикой царизма, обычно облекались к форму политического протеста — отказа от русского подданства и поисков других ханов. Башкирские восстания XVII и первых лет XVIII вв. были наиболее острыми проявлениями таких конфликтов. Политические представления периода феодальной раздробленности были еще живы в сознании башкирских феодалов, и они их сохранили почти в полной неприкосновенности до 30-х годов XVIII в. Наличие именно таких представлений можно отметить в идеологии вождей башкирского восстания 1737—1739 гг. Всего ярче эту мысль выразил главный идеолог и вождь всего движения — абыз Куваканской волости Бепеня Трупбердин. В своем письме, отправленном В. Н. Татищеву 2 августа 1736 г., Бепеня писал: «Мы, башкирские народы, наши отцы, деды и прадеды, великому государю в подданство пришли своими волями, оставя своих ханов. А великие государи нас содержали по нашей воле, а не под саблею. И даны нам земли, за которые положены на нас ясаки. И в то время, что государи дали нам землю, а мы в знак того, что подданные, платили ясак. И нам на оные земли даны от государей крепости и за платеж ясака отписи (т. е. расписки в получении ясака.— *Н. У.*). А мы для того присягали — понеже из означенных древних времян до

[39] По Кабинету, кн. 90/1167, л. 541 об.

сего времяни никакого утеснения не учинено, и на землях наших городы не строены, и самих нас под саблею не содерживали». [40]

В этом письме очень четко обрисован характер башкирского подданства в представлении башкирских феодалов. Оставя своих ханов, они добровольно перешли в подданство к московскому царю. Царь пожаловал им земли и обложил их ясаком. Они, как подданные, обязаны платить ясак и платят. Но они добровольные подданные, и царь их держит по их воле, как вольных слуг, а не «под саблею».

Ту же мысль проводит в своих письмах и Елдаш мулла. Он, кроме того, подчеркивает, что башкиры, принявшие русское подданство, несут службу в пользу Русского государства: «против посторонних неприятелей ходят на службу» и за это пользуются царскою милостью. [41]

Эти взаимоотношения между русскими царями и башкирскими феодалами носят мирный характер, пока обе стороны довольны друг другом. Если вассал недоволен своим сюзереном, то он, по праву периода феодальной раздробленности, может «отказаться» от своего сюзерена и «отъехать» к другому. Об этом праве отказа башкирские феодалы знали и к нему прибегали, когда были недовольны политикой царского правительства. Бепеня, указав В. Н. Татищеву на суровость его политики по отношению к башкирам и на те новые приемы подавления башкирских восстаний, какие применялись в 30-х годах XVIII в., потребовал возврата к старым порядкам. При этом он подчеркнул недовольство новыми порядками: «нам то не любо» и поставил свои условия: «ежели же попрежнему содержаны будем, то мы раби попрежнему, а ежели попрежнему содержаны не будем, то хотя пропасть, хотя смерть принять готовы». [42] Здесь есть намек на феодальный отказ, но еще нет его четкой формулировки. В письме, врученном В. Н. Татищеву 19 марта 1738 г., содержался такой отказ, выраженный от башкир всех четырех дорог. Письмо не имеет подписи, не приложены к нему и тамги. В начале его поименовано несколько старшин Сибирской, Ногайской и Осинской дорог, в том числе и Кусяп батырь. «Мы все вышеписанные 4-х дорог народ со всеми своими братьями — большими и малыми,— писали башкиры,— верную совесть свою объявляем — онаго штрафа (речь идет об уплате штрафных лошадей.— *Н. У.*) на себя не желаем и, откладываяся, оставя

[40] По Кабинету, кн. 56/1133, л. 423.

[41] Там же, кн. 90/1167, л. 12. См. также по Оренб. губ., кн. 8/139, лл. 112—112 об.

[42] Там же, кн. 56/1133, л. 423.

свои жилисча, казацким образом (т. е. как свободные люди.— *Н. У.*) отъедем. Потом объявляем сие свое желание — хотя куды поедем, ея величеству государыне будем объявлять, чтоб, не объявя нашего желания, после бы вам не остаться в остуде». [43] В этом письме мысль о феодальном отказе выражена с предельной четкостью. Вольные слуги, недовольные своим государем, отказываются от подданства. Они это делают совершенно открыто, так как хотят использовать свое право отказа. Они нисколько не сомневаются в своем праве так поступить и заботятся лишь о том, чтобы это своевременно было известно тем, кто должен об этом знать.

С такой же четкостью обосновало свое право на свободный отъезд к другому государю собрание башкирских старшин Ногайской и Сибирской дорог, состоявшееся в Кубеляцкой волости Ногайской дороги в октябре 1737 г. Это было многолюдное собрание: на нем присутствовало до 400 старшин. Поводом к созыву собрания явилось прибытие сотника Аминя Апкина, присланного из Табынска призывать башкир принести повинную. Руководили собранием старшины Ногайской дороги Сеит-бай Алкалин и Рысай-бай Игимбетев. Указывая Аминю Апкину на неприемлемость условий принесения повинной, поставленных местной администрацией (личная явка всех к присяге и уплата штрафных лошадей), старшины заявили, что они нашли себе другого хана — казахского, и тут же подчеркнули свое право переменить государя: «они, бакширцы, у Е. И. В-ва люди вольные: хотят де — служат, а хотят де — не служат, куды де они, башкирцы, служить захотят, туды де они и пойдут». При этом старшины напомнили, что «и у прежних де государей они, башкирцы, служили волею, и в подданство де пошли волею, а не войною их, башкирцов, руские люди взяли». [44]

Башкирские феодалы называли всякое свое выступление против правительства войной, а принесение повинной — миром. Все это вполне согласуется с их политическими представлениями, с их взглядами на свое подданство, как на свободный вассалитет. Феодальные войны — обычное явление для периода феодальной раздробленности. Войны кончаются миром, закрепленным в соответствующем договоре. Принося повинную, башкиры обычно ставили свои условия.

Разумеется, такая трактовка понимания башкирского подданства была совершенно неприемлема для В. Н. Татищева, официального представителя Российской империи XVIII в., в

---

[43] По Кабинету, кн. 90/1167, л. 406 об.

[44] ЦГАДА. Дела Канцелярии Следственных Комиссий Правит. Сената, кн. 98/114, л. 6.

которой глава государства — монарх, облеченный абсолютной властью.

В. Н. Татищев не признавал за башкирами права предъявлять какие-либо условия и называть повинную миром и готов был применить любые репрессии, чтобы заставить башкир разговаривать иначе. 1 июля 1736 г., когда В. Н. Татищев находился у озера Кызылташ, к нему прибыл Таймас тархан Шаимов и сообщил, что «Кутукай и другие знатные башкирцы, лучшие люди, прибыли и велели де объявить, что они мириться хотят». Такая формулировка задела В. Н. Татищева, и он потребовал от Таймаса, «чтоб он, как верной Е. И. В-ву раб, такого слова неприличного и чести Е. И. В-ва вредительного отнюдь не употреблял и всем объявил, чтоб они не миром, но повинною и просчением именовали». За нарушение этого требования В. Н. Татищев угрожал суровым наказанием. «А ежели кто предо мною на словах или письме употребит (слово «мир».— *Н. У.*), то, яко явного нарушителя Е. В-ва чести, без упусчения повешу».[45] 6 ноября 1737 г. к В. Н. Татищеву в Самару прибыл «верный» старшина Ногайской дороги Мряс Юлумбетев с просьбой отпустить сына одного из вождей восстания 1735 г., Акая Кусюмова, Абдуллу для уговаривания башкир принести повинную. Абдулла вместе с другими вождями восстания — Кильмяком, Акаем и Юсупом в это время находился в Уфе. В. Н. Татищев согласился. Разрешил он башкирам, намеревающимся принести повинную, подать и челобитную, но при этом поставил условие: «токмо б во оной никаких договоров не писали и на прежние с ними милостивые поступки не ссылались, понеже они воровством все оное сами потеряли и не достойными милости себя учинили».[46]

В пылу борьбы с башкирским восстанием В. Н. Татищев был даже готов отрицать добровольность башкирского подданства, вопреки русским и башкирским источникам (русским летописям, башкирским шажерэ и летописям отдельных родов). В своем указе башкирам Сибирской дороги от 27 июня 1736 г. он писал: «известно всему Российскому государству и всем окрестным народам, что вы под власть и державу Российскую не вашею доброю волею, ни добровольными договоры, но силою оружия российского приведены и милостию вечно достойныя памяти их величеств, российских государей, немногих ваших преждебытных вольностей сподоблены».[47]

---

[45] По Кабинету, кн. 56/1133, л. 403 об.
[46] Там же, кн. 87/1164, л. 971 об.
[47] По Оренб. губ., кн. 3/134, л. 177.

Но тем не менее башкирские старшины-феодалы продолжали считать, что они вольные слуги русских государей и в любой момент могут отказаться от своей службы. Отказ от сюзерена в период феодальной раздробленности очень часто сопровождался войной против бывшего владыки. В условиях кочевого феодализма это влекло за собой грабеж имущества государя и его подданных, угон скота, захват пленных и убийство людей, сопротивлявшихся такому набегу. Кочевой феодал, перешедший к новому государю, должен был приехать к нему с богатой добычей.

Но обстановка для такого вольного отъезда в 30-х годах XVIII в. была явно неблагоприятной. Если в XVII в. в непосредственном соседстве с южной и юго-восточной границей Башкирии кочевали калмыцкие тайши и сибирские царевичи — Кучумовичи, которые охотно принимали к себе башкирских феодалов, отказавшихся от подданства московскому царю, то в 30-х годах XVIII в. условия были уже иными. У границы Башкирии кочевали казахи Младшего и Среднего жузов (государств). Казахские ханы и султаны тоже были кочевыми феодалами и могли принять вассалитет башкирских старшин. Но внешнее и внутреннее положение самих Казахских жузов в это время было непрочно. Жузы раздирались внутренними смутами, и в то же время им угрожала серьезная внешняя опасность со стороны Джунгарии. Джунгарский контайша Цеван-Рабтан в 20-х годах XVIII в. нанес страшное поражение казахам, и им пришлось откочевать из Средней Азии к границам Российской империи, к берегам Яика, Тобола и Иртыша. А затем хан Младшего жуза Абулхаир решил принять русское подданство и в 1731—1732 гг. принес присягу в верности русской императрице. Таким образом, и за внешней границей Башкирии оказались русские подданные. Вот почему в письмах и устных высказываниях вождей башкирского восстания постоянно проскальзывает мысль о том, что им некуда отъехать. Бепеня в своем письме от 2 августа 1736 г., указав на тяжесть условий русского подданства, тем не менее отметил: «и в другие места иттить нам некуда».[48] В феврале 1737 г., когда Бепеня, беседуя с послом В. Н. Татищева, башкиром Кара-Табынской волости Азнаем Кусюккуловым, упорно отказывался принести повинную, его собеседник задал ему вопрос: «разве де ты сыскал себе, кроме государыни, другова хана?» Бепеня ответил на этот вопрос отрицательно: «другова хана, кроме государыни, не имею. И как де государыня станет спрашивать, для чего я с повинною к присяге не иду, тогда отвечать буду».

---

[48] По Кабинету, кн. 56/1133, л. 423.

Бепеня требовал освобождения Юсупа, без этого не соглашался итти с повинной и готов был отправиться на суд самой императрицы для разрешения своего спора с местной администрацией, т. е. использовать свое право вассала потребовать личного суда сюзерена. [49] Но тем не менее, когда началось восстание 1737 г., мысль о переходе в подданство к казахам или о приглашении одного из казахских султанов в качестве самостоятельного башкирского хана стала популярной среди башкирских старшин-феодалов. Может встать вопрос, почему башкирам, если они решили «российской власти отложитца», понадобилось обращаться к казахским ханам и султанам с просьбой дать им хана. Разве они не могли избрать себе хана из среды своих наиболее влиятельных старшин? Повидимому, это объясняется тем, что среди тюркских и монгольских племен, входивших когда-то в состав Монгольской империи, слишком велик был авторитет Чингиса и его рода. Считалось, что хан мог быть только из рода Чингиса. [50]

Казахские ханы и султаны возводили свой род к Джучи, старшему сыну Чингиса. Следовательно, их право на ханское достоинство было несомненно. И башкирские старшины обращаются к казахским ханам и султанам с просьбой либо оказать военную помощь в борьбе с русскими, либо прислать одного из казахских султанов в качестве хана для Башкирии, либо принять к себе для совместной кочевки башкир, покинувших старые жилища.

Башкирам казалось, что, подчинившись казахам или получив от них хана, они приобретут такую свободу, какой не имеют, пока они находятся под властью России. Эта мысль очень ярко выражена в письме мишарского старшины Яныша Абдуллина, полученном капитаном Федором Сунгуровым в Бирске 14 июля 1737 г. Яныш Абдуллин рассказывал о вооруженном столкновении между восставшими башкирами и командами «верных» старшин и мишарей. Во время боя восставшие призывали сторонников правительства присоединиться к ним и перейти под власть казахского хана. При этом они не

---

[49] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 128.

[50] Самый яркий пример такого отношения к ханскому достоинству дал Тимур. Создав огромную империю, Тимур тем не менее никогда не принимал ханского титула. Он назывался лишь ханским зятем, так как был женат на принцессе из дома Чингиса Сарай Мульк-ханым, дочери Казана, последнего хана Мавераннахра. Зато он держал при себе подставных ханов — Чингисидов — сначала Суюргатмыша (1370—1388), а затем его сына Султан-Махмуд-хана (1388—1402). Эти ханы не вмешивались в распоряжения Тимура, но главой государства считались они, и Тимур, например, чеканил монету от их имени (А. Ю. Якубовский. Тимур. Опыт краткой характеристики, «Вопросы истории», 1946, № 8—9, стр. 71).

только угрожали: «в три недели (т. е. через три недели.— *Н. У.*) будем опять и раззорим вас, которые служите рускому государю — холопи», но и соблазняли широкой вольной жизнью, которая наступит с переходом под власть казахского хана. «Ежели станете нашего хана смотреть, и вы будете таковы, что и мы — вольны, и станете видить дни вольные». [51] В мае 1737 г. Елдаш мулла на собрании башкирских старшин в деревне Васькиной Мурзаларской волости говорил: «что де нам скрывать? Послали де мы к киргис-кайсакам искать себе хана». [52] Башкиры Ногайской дороги тоже послали от себя башкира Юрминской волости Султан-Мурата к казахам за помощью. [53]

Но казахи относились очень осторожно к таким посольствам. Они либо давали уклончивый ответ, либо отказывали в просьбе. Сторонник царского правительства ахун [54] Мансур Абдрахманов сообщал В. Н. Татищеву в июле 1737 г., что по сведениям, полученным от батыря Среднего жуза Тюлеба, казахи не очень склонны принимать башкир, хотя и не все одинаково смотрят на это. «Наши де братья киргисцы,— говорил Тюлеб батырь,— оным башкирцам сказали — мы де вас не призывали, а как приедете, не отгоним. А протчие киргисцы сказывают — ежели де они приедут, то пожитки их и скот разграбим, а самих, поимав, отдадим руским людем». [55] Резко отрицательно отнесся на первых порах к откочевке башкир в Казахские степи и султан Среднего жуза Барак. Башкиры Ногайской дороги, посылавшие в Средний жуз своих послов, рассказывали о неудаче этого посольства. По их словам, султан Барак и влиятельный батырь Среднего жуза Джанибек им сказали: «мы де (башкирцы) им не надобны, для того что мы в государевой земле воровали, и, своровав, хотим к ним ехать, а они де Е. И. В-ва верные слуги. И ежели де мы чрез Яик реку переедем, то де они нас, башкирцов, всех перерубят, и им де такие воры не надобны». [56] 2 июня 1737 г. В. Н. Татищев доносил императрице о получении известия «чрез старшин, что ездившие воры в Казачью орду (жуз.— *Н. У.*) для призывания хана возвратились ни с чем, ибо в ханы к ним никто не поехал». [57] Таким образом, казахские ханы, султаны и феодалы на первых порах

---

[51] По Оренб. губ., кн. 3/134, л. 608 об.

[52] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 440.

[53] По Оренб. губ., кн. 8/139, лл. 440 об.— 441.

[54] Ахун — старший мулла, вроде благочинного у русского духовенства.

[55] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 639 об.

[56] Там же, лл. 195—195 об. Скобки в подлиннике.

[57] Там же, л. 533 об.

отнеслись отрицательно к просьбе башкир. В дальнейшем отмечались колебания. Казахские феодалы, опасавшиеся ссоры с Россией, искали таких путей, которые могли бы удовлетворить обе стороны. Наиболее подробные сведения о таких колебаниях сообщил геодезист Иван Шишков, побывавший в Казахских степях весной и в начале лета 1737 г. Один из биев Среднего жуза, Албек сообщил И. Шишкову, что к султану этого жуза Абулмаметю приехало 40 человек башкир, которые «жаловались, что их Россия раззоряет, старых рубят и казнят, а молодых в салдаты пишут, детей их бояре к себе берут и крестят насильно». Башкиры просили, «чтоб им иметь вместе сообсчение и разорять российской народ, и жить бы им вместе кочевкою». Султан Абулмаметь, «сотворя молитву по своей вере, дал им сроку на 20 дней, чтобы они приехали кочевать с 2000 кибитки», т. е. согласился принять их к себе. [58]

В конце мая — начале июня 1737 г. башкиры вернулись и убеждали казахских султанов оказать им военную помощь. Они ссылались на то, что русские «сдружились с калмыками» и разоряют их, и предлагали казахам союз, чтобы «раззорять Россию и калмык». Башкиры были настроены очень воинственно: «хотя мы все помрем, а воевать будем есче 7 лет». Но эта агитация не имела успеха. Султаны Среднего жуза думали в это время о другом. Влиятельнейшие из них — Барак, Абулмаметь и Аблай решили принять русское подданство и «иттить ныне кочевьем к Оренбургу». В конце июня состоялось совещание казахских феодалов, в котором приняли участие хан Абулхаир и султаны, батыри, бии и старшины Младшего и Среднего жузов. На этом совещании Абулхаир был избран общим ханом обоих жузов. Хан сам сообщил И. Шишкову о результатах этого совещания и подчеркнул свою верность России. В отношении башкир было принято компромиссное решение: «а башкирцам усоветовали,— говорил хан,— и сказали им, чтоб оне принесли свою вину к Е. И. В-ву и попрежднему б жили в подданстве. А ежели вам Е. И. В-во вину не отпустит и в подданство к себе попрежнему не примет, то я вас к себе приму и дам вам от себя салтана». [59]

Сведения, сообщенные И. Шишковым, очень ярко показывают бесперспективность союза башкир с казахами. Казахские феодалы в это время искали укрепления своих связей с Россией. В. Н. Татищев в своей беседе 9 января 1738 г. с представителями башкир, явившимися просить о повинной,

---

[58] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 657.
[59] Там же, лл. 658—659.

с предельной ясностью показал экономическую невыгодность и политическую бессмысленность перехода башкир в подданство казахов. Отмечая намерение башкир откочевать к казахским ханам и султанам и «с ними равномерно по степи шататься», В. Н. Татищев взывает к здравому смыслу башкир и предлагает им обратить внимание на то, что «под властию русских государей и последней междо вами в лучшем благополучи, покое и довольстве, нежели ханы киргиские пребывали». Он сравнивает экономическое положение тех и других и приходит к выводу, что все преимущества на стороне башкир. «Вы имели покойные домы,— говорил В. Н. Татищев,— довольство скота, пчел, жит и протчего, а оные ничего того, почитай кроме скота, не имеют и с нуждою в зимние времена, переходя с места на место, питаются, а вашему довольству завидуют и ревнуют». Но дело не в одной экономике, доказывал В. Н. Татищев, башкиры ничего не выигрывают и в политическом и социальном отношениях. В настоящее время они подданные русской императрицы, такие же, как он, В. Н. Татищев, хан Абулахаир и другие многочисленные подданные. Среди этих подданных есть и такие, которые не имеют личной свободы, зависят от других подданных, являются их холопами. Свободные превосходят своих холопов «честью». «Вы же,— убеждает В. Н. Татищев,— естьли бы коему-либо хану в рабство отдалися, то б сами, свою честь потеряв, равными с рабами нашими себя учинили».

Ничего не даст башкирам и получение самостоятельного хана. В. Н. Татищев предлагает вспомнить «преждние... отцов и дедов бунты и измены». Восставшие башкиры пробовали призывать себе ханов, но какова их судьба? — «или в заточении в Москве померли, или казнены, или, потеряв своих людей, едва бегом спаслись». [60]

Рассуждениям В. Н. Татищева нельзя отказать в логической стройности и внутренней правоте.

Современный исследователь, оценивающий положение Башкирии в 30-х годах XVIII в. с точки зрения перспектив ее дальнейшего экономического, политического и культурного развития, не может не признать, что подчинение Русскому государству, даже несмотря на гнет колониальной политики царизма, было исторически прогрессивным явлением, так как содействовало развитию производительных сил края, ускоряло процесс перехода к земледелию — более интенсивной форме хозяйства по сравнению со скотоводством, повышало культурный уровень населения. Уже к 30-м годам XVIII в. земле-

[60] По Кабинету, кн. 90/1167, л. 182 об.

делие достигло в Башкирии значительных успехов. Переход в подданство к казахским ханам и султанам означал возвращение к кочевому скотоводству, что в экономическом отношении было бы шагом назад. Ничего не выигрывали башкиры и в политическом отношении. Казахские ханы и султаны незадолго до этого приняли русское подданство, следовательно сами утратили политическую независимость и, конечно, никакой независимости обеспечить башкирам не могли, если бы этого даже и хотели. Некоторые башкирские старшины прекрасно понимали, что борьба с Россией не под силу ни башкирам, ни казахам, даже если они объединятся друг с другом. В начале мая 1737 г. Кильмяк абыз советовал башкирам притти с повинной и при этом подчеркивал: «ежели вы все не придете с повинною, то все вы з женами и з детьми погибнете. И сами вы можете знать, что некуды бежать от такой сильной Е. И. В-ва руки».[61] Да и вожди восстания, принимавшие решение о подданстве казахам, едва ли твердо рассчитывали на успех. Это было просто отчаянной попыткой найти хотя бы какой-нибудь выход. Мириться с теми условиями, какие ставило царское правительство при принесении повинной, они не хотели. Несколько уклончивое поведение и колебания казахских феодалов в отношении к башкирскому движению сулили им некоторую надежду. Ссылки на казахскую поддержку и помощь постоянно встречаются в документах, относящихся к восстанию. Возможно, что это использовалось как агитационный прием, чтобы поддержать сторонников восстания в их борьбе с царским правительством. Именно на такое значение ссылки на казахскую помощь указывал В. Н. Татищев. В своем доношении императрице от 19 июля 1737 г. из Мензелинска он писал: «хотя в бытность мою в Екатерининске башкирцы на реке Ае — воры Тюлкучюра, Мандар, а наипаче Бепеня и Иолдаш мулла, возмусчая других, розглашали, якобы Каказчья орда в 4000 с ханом Шемякою (Среднего жуза.— *Н. У.*) и салтаном Бараком пришли к башкирцом на помосчь. Но верные старшины, оное воровство зная, уверяли меня, что напрасно розглашают и собираются».[62]

Тем не менее в ходе восстания башкирские вожди попытались использовать казахского хана и феодалов и достигли в этом некоторого успеха.

Казахов использовал и В. Н. Татищев для подавления башкирского восстания. Но его успехи были более чем скромны.

---

[61] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 455.
[62] Там же, л. 638.

Таким образом, руководящей силой восстания 1737—1739 гг. явились башкирские старшины — феодалы, опиравшиеся на поддержку широких масс. Видя усиление колониальной политики царизма в 30-х годах XVIII в. и возмущаясь жестокой расправой с башкирским восстанием 1735—1736 гг., они подняли новое восстание. И так же, как участники предшествующих башкирских восстаний, облекли его в форму феодального отказа от подданства русской императрице, сделав попытку найти себе нового хана. В отличие от более ранних восстаний, восстание 1737—1739 гг., как и предшествующее движение 1735—1736 гг., не было всеобщим. Башкирские старшины раскололись на два лагеря — «верных» старшин, поддерживавших царское правительство, и старшин — руководителей и участников восстания. Рядовые башкиры поддерживали своих старшин — и восставших и «верных». Между двумя этими лагерями разгорелась острая борьба, осложненная к тому же национальной розныю. Мишари (мещеряки), татары и другие нерусские народности края, жившие на башкирских землях, были на стороне правительства, за это башкиры разоряли их поселения и грабили имущество.

5. ВОССТАНИЕ БАШКИР В 1737 г.

Восстание 1737—1739 гг. не охватило всех башкирских дорог. Казанская дорога не принимала в нем участия. На это были свои причины. На ее территории, в Мензелинске, была ставка начальника Комиссии Башкирских дел. Сначала этот пост занимал генерал-лейтенант А. И. Румянцев, в 1736 г. он был заменен бригадиром и гвардии майором М. С. Хрущовым. Указом от 25 января 1737 г. М. С. Хрущов был произведен в генерал-майоры и переведен в действующую армию, а на его место назначен астраханский вице-губернатор генерал-майор Леонтий Яковлевич Соймонов.[1] Основной задачей начальника Комиссии Башкирских дел было подавление башкирского восстания. Для этого он имел в своем распоряжении несколько армейских полков, которые использовал для организации карательных экспедиций.

Поскольку все крупные карательные экспедиции посылались из Мензелинска, то они в первую очередь захватывали именно Казанскую дорогу, и башкиры этого района всего более пострадали от жестоких расправ в 1735—1736 гг. По доношению И. К. Кириллова императрице от 16 января 1737 г., башкиры Казанской и Осинской дорог изъявили к началу 1737 г. полную покорность. Они «сверх содержания на винтер-квартирах (т. е. на зимних квартирах.— *Н. У.*) полков и отдачи лошадей приняли новое учреждение о себе, каким образом у них быть волостным старшинам [то есть старостам], соцким и в деревнях десяцким».[2] Кроме того, население Казанской дороги в этот период очень страдало от голода. Близость Мензелинска, размещение полков среди волостей Казанской дороги, разорение многих поселений и голод ли-

[1] По Оренб. губ., кн. 8/139, лл. 36, 41; по Кабинету, кн. 87/1164, лл. 47—49 об.

[2] По Кабинету, кн. 87/1164, лл. 72—72 об. Квадратные скобки в подлиннике.

шили башкир этой дороги возможности вновь поднять восстание, и движение 1737—1739 гг. прошло без их участия. Правда, отдельные столкновения и стычки были и в пределах Казанской дороги, но массового движения здесь не было.

Первые известия о намерении башкир вновь поднять восстание поступили в конце зимы 1736—1737 гг. 27 февраля 1737 г. кунгурский воевода Евстигней Мазовский уведомил В. Н. Татищева, что «Гайнинской волости башкирцы паки забунтовали и все собираются». В. Н. Татищев не придал этому серьезного значения и в своем доношении в Сенат писал: «оные ведомости за правильные не признаваю, затем что подлинных обстоятельств к бунту в том известии не показано».[3] Об этом движении башкир Осинской дороги в марте 1737 г. узнал и И. К. Кириллов. Ему были сообщены и некоторые подробности движения. Башкиры деревни Кистеевой Гайнинской волости отказались платить штрафных лошадей. Присланного для этого сбора «выслали вон и хотели бить. А деревни Барды не заплатили за штрафных лошадей денег 1242 рублев, муки 650 пуд, круп 43 пуда [может быть, что по нынешнему голоду взять негде], и якобы ис той волости побежало 72 человека вдаль, в другую волость, и собралось там с 300 человек». Полковник Бардукевич, находившийся с войсками в том районе, принял свои меры. Он послал вооруженный отряд с тем, чтобы «завотчиков забрать, а буде противитца станут, раззорить».[4] И. К. Кириллов, как и В. Н. Татищев, не считал это возобновлением восстания, а лишь сопротивлением башкир сбору, которого они не были в состоянии заплатить. Об этом свидетельствует его примечание, данное в квадратных скобках. Действительно, в доношении от 13 марта 1737 г. полковник Бардукевич уведомил И. К. Кириллова, что «бежали башкирцы только ис 37-ми дворов з женами и з детьми в лес, ис которых сами ж гайнинские ж башкирцы, поимав, привезли в Осу 49 человек, а 15-ти человек пойманных скоро ожидают... В протчем во всей Гайнинской волости никакого возмущения и бунту не видно».[5]

Таким образом, это была лишь небольшая вспышка недовольства, свидетельствующая о тревожном настроении башкир Осинской дороги.

Но в течение зимы велась подготовка. Башкиры Сугун-Кипчакской волости Ногайской дороги батыри Козяк Кулумбетев и Икбай Кудайкулов показывали 3 мая 1737 г., что «в вершинах Яика реки, между Сибирской и Ногайской

---

[3] По Оренб. губ., кн. 8/139, л. 236.
[4] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 311. Квадратные скобки в подлиннике.
[5] Там же, л. 356 об.

дорог, при реках трех Кызылах собираются башкирцы Нагайской дороги». Главными руководителями этого намечающегося движения они назвали уже упоминавшихся Кусяпа батыря, Рысай-бая, Сеит-бая и других. С общего согласия они «по последнему пути прошлою зимою» послали от себя башкира Юрминской волости Казанской дороги Салтан-Мурата к казахам с просьбой о помощи. Без такой помощи они не решаются выступать. В начале мая Султан-Мурат еще не вернулся. [6]

Не была спокойна и Сибирская дорога. «Верный» старшина Кущинской волости Козяш Рахмангулов сообщил В. Н. Татищеву, что «Айские народы намерение имеют к воровству и на Красной Яр ехать хотят и по Таныпу реке месчеряков раззорять ехать хотят же. И говорят де меж собою, что из Казачьей орды идет Шемеки хан, и отдадимся де ему». Эти сведения очень тревожат верных старшин, и Козяш Рахмангулов делится с В. Н. Татищевым своими опасениями и сообщает о тех мерах, какие они принимают для своей защиты: «И мы уже не знаем, что делать с нашею Кусчинскою волостью и з другими такими же верными рабы Е. И. В-ва, в одном месте собравшись, в осаде сидим при реке Аю в крепком месте». [7]

Но до весны никаких активных выступлений не было. На это имелись свои причины. Зимой башкиры не воевали, их лошади слабели от бескормицы, а без лошадей, по выражению А. И. Тевкелева, «никакому супротивлению не действительны, понеже башкиры пешие хуже всякого народа». [8] Что башкиры руководствовались именно этими соображениями, рассказал в начале мая в Чебаркульской крепости чуваш Бектемир Русаев, живший у башкира Исмаила в дер. Кизнекеевой Кара-Табынской волости. В апреле 1737 г. он подслушал, что «между собою говорят они, башкирцы — ныне де мы хоша с рускими людьми не деремся, все де их проводим. А как де будет трава, и кони отъедятся, то де пойдем для разорения руских слобод и деревень». [9]

Башкиры не ограничивались только такими частными разговорами. Накануне активного выступления был съезд старшин Сибирской и Ногайской дорог в верховьях реки Уфы, в котором приняли участие и главные вожди движения Бепеня и Мандар. На съезде было принято решение не платить штрафных лошадей, «а лутче власти российской отложитца

---

[6] По Оренб. губ., кн. 8/139, лл. 440 об.— 441.
[7] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 417.
[8] По Оренб. губ., кн. 8/139, л. 157 об.
[9] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 487.

и русских людей раззорять, для того с киргис-кайсаками сообщитца».[10]

Движение направлялось не только против русских, но и против «верных» старшин. Об опасениях Козяша Рахмангулова уже упоминалось. 5 мая 1737 г. башкир Пушмас-Кипчакской волости Ногайской дороги Бердегул тархан извещал сакмарского казачьего атамана Василия Яковлевича Выровщикова о том, что старшины Ногайской дороги Рысай-бай, Сеит-бай, Кусяп и др. готовятся к восстанию и угрожают напасть на Алдара, Бердегула и других «верных» старшин. Бердегул просил о защите.[11]

Сведения о брожении среди башкир и о подготовке нового восстания доходили и до уфимского воеводы С. В. Шемякина. 5 апреля 1737 г. в Казанской губернской канцелярии было получено его доношение о том, что «воры башкирцы Сибирской и Осинской и Ногайской дорог зачинают в злодействе третично бунтовать».[12]

Но данных об активных выступлениях башкир в начале апреля нет. Повидимому, активная борьба началась в конце апреля и с нападения на «верных» старшин. 4 мая 1737 г. В. Н. Татищев доносил императрице, что 1 мая к нему поступило письмо от «верных» старшин — Кущинской волости Козяша Рахмангулова и Дуванской — Мендиара Аркаева с известием, что «воры Тюлкучюра, Мандар и другие, собрався в 300 человеках, на верных В. И. В-ву башкирцов напали и 2 дома разграбили». «Верные» старшины, «собрався, учинили с ними бой и оных воров далее не пустили». Нападавшие «возвратились в домы».

В. Н. Татищев не считал это выступление началом восстания; он склонен был рассматривать его как обычное столкновение между старшинами, враждебно настроенными по отношению друг к другу. По его мнению, столкновение «по старой злобе учинилось... которое междо ими скоро не угаснет, но большого предприятия опасаться, видится, причины нет, и оным старшинам самим верить не можно, ибо часто друг на друга затевают». Тем не менее В. Н. Татищев послал распоряжение мишарям и русским войскам, расположенным в Кунгурском уезде, оказать помощь «верным» старшинам.[13]

Спокойно отнесся к этому известию и А. И. Тевкелев. В своем доношении в Кабинет от 10 мая 1737 г. он отмечал, что от башкир, живущих по Сибирской стороне Урала, «ника-

---

[10] Материалы, ч. I, № 148, стр. 325.

[11] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 514.

[12] По Оренб. губ., кн. 8/139, л. 353. Двумя первыми «бунтами» С. В. Шемякин считал восстания башкир в 1735 и 1736 гг.

[13] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 414.

ких шалостей не видно». Правда, он не доверяет башкирам и считает необходимым наблюдать за ними. Но столкновение между айскими башкирами он рассматривает как их частное дело: «токмо ныне по реке Аю некоторые воришки объявляются и чинят междуусобие».[14]

Но в мае 1737 г. башкирские старшины Сибирской и Ногайской дорог уже стали съезжаться на собрания, где обсуждали вопрос о будущем выступлении против царского правительства. Единства во взглядах не было. Среди старшин были и сторонники и противники движения.

6 июня 1737 г. служилый мишарь (мещеряк) мулла Карача Урмаев рассказал В. Н. Татищеву в Екатеринбурге, что в середине мая состоялся съезд старшин Куваканской волости Сибирской дороги. На съезде присутствовали старшины Бепеня, Аиткул, Акка мулла, Аккучук и Козя со своими собраниями, т. е с подвластными им людьми — всего около 200 человек. Мнения старшин разделились. Акка мулла, Аккучук и Козя «советовали взятое от руских (т. е. имущество и вооружение, захваченное башкирами во время восстания 1735—1736 гг.— *Н. У.*) отдать возвратно и Е. И. В-ву служить верно». Противоположную точку зрения представляли Бепеня и Аиткул. Им удалось увлечь за собой половину собравшихся. Они «советовали иттить на воровство». Аиткул тотчас же перенес это решение и на практическую почву: «взяв 100 человек, пошел вниз по Миасу для воровства». Причем Карача Урмаев видел, как отправился этот отряд. «Бепеня же поехал в свои юрты», а затем вместе с батырем Кудейской волости Тюлкучурой Алдагуловым стал рассылать письма к башкирам Ногайской дороги, «чтоб они шли с ними вместе воровать».[15]

Такое же расхождение во взглядах обнаружилось и на другом собрании старшин Сибирской дороги, которое состоялось в начале мая в деревне Васькиной Мурзаларской волости. Там в качестве главного руководителя выступал Елдаш мулла. Когда он сообщил собравшимся о намерении призвать хана от казахов, зауральские старшины, присутствовавшие на собрании, ему возразили: «когда де такой хан будет, то де мы, собравшись, можем поимать и отвесть к Е. И. В-ву».[16]

Подобные же собрания происходили и среди башкирских старшин Ногайской дороги. 6 мая 1737 г. уфимский воевода С. В. Шемякин уведомил начальника Комиссии Башкирских дел Л. Я. Соймонова, что башкиры разных волостей Ногай-

---

[14] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 401 об.
[15] Там же, л. 536 об.
[16] Там же, л. 440.

ской дороги съезжаются и советуются между собой о возобновлении восстания. В частности, один сбор был на Шишане реке в горах, другой в Тамьянской волости у Сеит-бая, причем на последнем собрании присутствовали Кусяп батырь и Рысай-бай. [17]

В конце мая — начале июня представители местной администрации стали получать сведения об активных, но пока еще не очень крупных, выступлениях башкир Сибирской и Ногайской дорог. 28 мая сотник Упейской волости Кадраля Байкишин известил В. Н. Татищева, что Мандар, Тюлкучура и другие намерены поднять восстание, причем их выступление в первую очередь направляется против «верных» старшин. Было принято решение убить Козяша Рахмангулова и Мендиара Аркаева. [18] 2 июня В. Н. Татищев уже знал, что Мандар «собранием (т. е. отрядом.— *Н. У.*) [которого показуют иногда в 1000, иногда в 500 и меньше] пакости делает и, на верных башкирцов нападая, разоряет». Правда, больших успехов ему достичь не удалось. Козяш Рахмангулов организовал отпор. В. Н. Татищев послал Козяшу порох и свинец и, кроме того, направил ему на помощь «верных старшин» Зауральской Башкирии с отрядом в 300 человек. [19] Сакмарский казак Федор Кочемасов, участник весеннего похода 1737 г. против башкир Ногайской дороги, еще не принесших повинную, сообщил А. И. Тевкелеву 5 июня 1737 г., что старшины Сеит-бай и Кусяп батырь во главе отряда в 500 человек разорили деревни чуваш и татар, недавно поселившихся в верховьях реки Белой в 40 верстах от Табынска. Нападение было совершено во второй половине апреля. («После праздника пасхи с неделю»). [20] 8 июня 1737 г. комендант Елдяцкой крепости капитан Гаврила Андреевич Марков получил письмо от «верного» старшины Унларской волости Сибирской дороги, Якупа Чинмурзина с известием, что Тюлкучура, собрав отряд в 1300 человек, «хотел ехать доброжелательных башкирцов и татар рубить». [21] Крупные боевые операции начались в середине июня. В это время большие скопления восставших башкир под начальством Бепени, Мандара и Тюлкучуры совершили нападения на русские, мишарские, чувашские и марийские поселения в районе Красноуфимска, Кунгура и Бирска, а также по реке Таныпу. В сведениях, которые поступали к местной администрации,

[17] По Кабинету, кн. 87/1164, лл. 444—444 об.

[18] По Оренб. губ., кн. 8/139, лл. 746 об.— 747.

[19] По Кабинету, кн. 87/1164, лл. 533—533 об. Квадратные скобки в подлиннике.

[20] Там же, л. 520 об. Пасха в 1737 г. была 10 апреля ст.ст.

[21] По Оренб. губ., кн. 8/139, лл. 743—744.

был большой разнобой. Сообщалось, что отряды башкир достигали 4200 человек, назывались и другие цифры, менее значительные — 2500, 2000, 1300, 1000 человек.[22] К этим цифрам нужно относиться с большой осторожностью, так как восставшие башкиры обычно распускали слухи о больших скоплениях войска с целью напугать своих противников. Этот прием башкирских вождей был хорошо известен еще И. К. Кириллову, который в своем доношении императрице от 17 октября 1735 г. отмечал, что «такия воровския разглашения прежде им, ворам, удавались и приводили тем простых людей в страх. Но ныне самовидец, что, где сказывают тысячю, то только найдется сто, а когда тысяча человек соберетца, то десятью тысячами стращают».[23] Вождь восстания Бепеня во время допроса в Мензелинске, рассказывая о своем походе под Кунгур и в Гайнинскую волость, назвал цифру только 1300 человек.[24]

Инициатива восстания принадлежала башкирам Айских волостей Сибирской дороги. Восставшие не ограничились разорением поселений в северной Башкирии. Отряд башкир под командой Тюлкучуры и сына Мандара Мавлюта ходил в это время под Уфу, и, по свидетельству красноуфимского коменданта П. А. Батова, «удача была им, ворам, немалая».[25]

Первый отпор восставшие встретили со стороны «верных» старшин и служилых мишарей. 11 июня 1737 г. повстанцы в количестве 2500 (по другим сведениям — 4200) человек во главе с Бепеней, Елдашем муллой, Тюлкучурой, Мандаром и другими вождями осадили Богданову крепость. Они сделали 6 (по другим сведениям — 7) подвижных щитов, под защитой которых намеревались взять крепость. Навстречу осаждавшим вышли «верный» старшина Унларской волости Якуп Чинмурзин со своим собранием и отряды служилых мишарей. Двое суток длился бой. Победа осталась на стороне отрядов, сохранивших верность правительству. Понеся значительный урон и потеряв свои щиты, повстанцы отступили, разорили все окрестные деревни и отправились к Бирску, опустошая все на своем пути.[26]

В этом выступлении восставших, охватившем территорию Сибирской и Осинской дорог, принимали участие башкиры только Сибирской дороги. По свидетельству капитана Голчина, командира одного из русских отрядов, «гайнинские баш-

---

[22] По Оренб. губ., кн. 3/134, лл. 504, 561 об., 579, 607—609, 645 об., кн. 8/139, л. 743—744.

[23] Там же, кн. 3/134, л. 36.

[24] По Кабинету, кн. 90/1167, л. 800 об.

[25] По Оренб. губ., кн. 3/134, л. 643 об.

[26] Там же, лл. 579—579 об.; по Кабинету, кн. 87/1164, л. 541.

кирцы (Осинской дороги.— *Н. У.*) не бунтуют», в их волости действуют отряды башкир Сибирской дороги. [27]

Одновременно с повстанцами Сибирской дороги выступили и башкиры Ногайской дороги. В конце мая «немалое собрание» восставших напало на «верных» старшин Абдрака и Рабая, которые в страхе прибежали в Сакмарский городок с просьбой о помощи. [28] В середине июня двухтысячный отряд восставших напал на Табынск. [29] В это же время 700 повстанцев разорило деревни тептярей около Уфы. Башкир Сюлейман Араслангулов, захваченный тептярями в плен, показал в Уфе, что общее количество восставших достигает 10 000 человек. [30] В начале июля Кусяп батырь повторил набег на Табынск и отогнал лошадей и скот. Были нападения и на другие населенные пункты, в частности на Воскресенский медеплавильный завод. [31]

В начале июля восстание охватило и Зауральскую Башкирию. Повстанцы, под начальством Бепени, Мандара и Аипа, двинулись против русских зауральских слобод. Мандар с отрядом в 1500 человек шел по реке Синаре, Бепеня с 2000 человек — к Катайской слободе. По пути они разоряли русские и мишарские поселения. «Верные» старшины — Таймас Шаимов, Козяш Рахмангулов и другие, пытались им противодействовать, но успеха не имели. Бепеня и Мандар захватили с собой «под неволею» даже сына и племянника Таймаса. Сын ушел от них, а племянника отпустили только по возвращении из похода. Мандар при этом сообщал В. Н. Татищеву, что движение направлено не против русских, а главным образом против «верных» старшин, так как вожди восстания «отмсчают якобы токмо тем, которые их напрасно раззоряют». [32]

В конце июля — начале августа заволновались башкиры и Осинской дороги. Они не чувствовали себя достаточно сильными для самостоятельного выступления, и руководитель восставших Адзимас Абдалов ходил на реку Ай «для подзыву и приводу Бепени и Мандара». Вожди восстания откликнулись на этот призыв, и когда пришли в Гайнинскую волость, «гайнинцы все к ним пристали и с ними, ворами, поехали». Разорив русские и татарские деревни под Осой и по реке Танып, Бепеня и Мандар вернулись на Ай. [33] От этого набега

[27] По Оренб. губ., кн. 8/139, л. 736.
[28] Там же, кн. 3/134, лл. 512—512 об.
[29] Там же, л. 492 об.
[30] Там же, лл. 641—642.
[31] Там же, л. 609 об.
[32] По Кабинету, кн. 87/1164, лл. 563 об.— 564, 576, 638—638 об.; Материалы, ч. I, №№ 143—145, 149, стр. 318—320, 328—329.
[33] По Кабинету, кн. 87/1164, лл. 840—841.

пострадал не только Осинский, но и Кунгурский уезд, в частности были разорены села Рождественское (Кунгурского у.) и Крылово (Осинского у.), принадлежащие Строгановым.[34]

В августе восстание продолжалось и в Зауралье. Отряд повстанцев, насчитывавший около 500 человек, напал на Чебаркульскую крепость, башкиры из собрания Бепени совершили набег на село Воскресенское на реке Миясе.[35]

На осень намечался более крупный поход. Башкир Ахмир Мурзаев показывал в Красноуфимской крепости в августе 1737 г.: «слышал де он от своей братьи, воров башкирцов, что намерение оных такое: как де сена руские люди и они, воры, поставят и хлеб выжнут, то, собравшись, Мандар, Кадрас в 2000 человеках пойдут на Красноуфимскую крепость и в Кунгурской уезд для раззорения жилищ и сена и хлеб у руских все хотят жечь».[36] Осенью были получены сведения, что Бепеня и Мандар, каждый с отрядом по 2000 человек, отправились в Зауралье.[37]

Продолжали восстание и башкиры Ногайской дороги. 5 июля «доброжелательный» башкир деревни Акбашевой, Каршинской волости Казанской дороги, Аит Умитев известил уфимского воеводу С. В. Шемякина, что башкиры Ногайской дороги «собрались з 10.000 человек и советуют, чтоб им раззорять жилища до самой Казани».[38] Безусловно, эта цифра значительно преувеличена, но тем не менее она свидетельствует о большом скоплении башкир. Во второй половине лета операции восставших башкир были значительно затруднены, генерал-майор Л. Я. Соймонов во главе своих войск вошел в пределы Ногайской дороги. Но и это не смутило восставших. В августе тысячный отряд повстанцев, предводительствуемый Кусяпом батырем, напал на лагерь Л. Я. Соймонова. Нападение было отбито, но башкирам удалось скрыться.[39] В сентябре Кусяп батырь разорил 20 деревень «верных» башкир Пушмас-Кипчацкой волости,[40] а в конце октября он совершил набег на деревни «верных иноверцов» под Уфой.[41] 14 сентября отряд повстанцев в количестве около 200 человек напал на Бузулукскую крепость.[42]

Таким образом, летом и осенью 1737 г. восстанием были

---

[34] По Кабинету, кн. 87/1164, лл. 769—770.
[35] Там же, лл. 907 об.— 909.
[36] Там же, л. 840 об.
[37] Там же, л. 950 об.
[38] По Оренб. губ., кн. 8/139, л. 828 об.
[39] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 868 об.—869.
[40] Там же, лл. 969 об.— 970.
[41] Там же, л. 987.
[42] Там же, л. 828 об.

охвачены Сибирская, Осинская и Ногайская дороги. Встречаются упоминания и об отдельных набегах на территорию Казанской дороги,[43] но в целом эта часть Башкирии не была захвачена движением.

Восставшие башкиры связывали свое дело с делом казахских ханов и султанов. «Верный» старшина Унларской волости Якуп Чинмурзин, участник июньских боев против восставших башкир, уведомлял уфимского воеводу С. В. Шемякина, что повстанцы во время боя «закрычали нам (т. е. «верным» башкирам.— *Н. У.*), что де они, спустя три недели, будут с ханом Шемяком да Бараком с сорокью тысячью человеки, и кореню вашего не оставим».[44] Мишарский старшина Яныш Абдуллин извещал капитана Ф. Сунгурова, находившегося в Бирске, что повстанцы призывали «верных» под покровительство казахского хана и соблазняли их перспективой «видить дни вольные», под властью хана Шемяки.[45]

О том, что казахские феодалы отказались на первых порах поддержать башкирское движение, уже упоминалось. Никакой помощи и никакого хана к башкирам не прибыло.

Башкир Муртаза Нуркеев, участник похода Тюлкучуры на реке Танып, показывал 18 июня 1737 г. в Красноуфимске, что когда стало известно об отказе казахов поддержать башкир, повстанцы были намерены «за неприездом из киргисцов хана выбрать в ханы оного Тюлкучюру».[46]

Едва ли это намерение было серьезным. Башкирские феодалы, отказываясь от подчинения царскому правительству, стремились призывать ханов со стороны. Некоторое подтверждение именно такого отношения к избранию хана из своей среды содержится в показании сторонника Мандара, башкира Мухаммеда Касимова, захваченного «верным» старшиной Козяшем Рахмангуловым. Мухаммед Касимов показывал 5 июля 1737 г., что повстанцы называли Мандара ханом, и при этом отметил: «Мандара называли мы ханом смехом и говорили ему, что ты будешь хан, также и он называетца ханом, смеяся».[47]

Но тем не менее мысль о собственном хане, полученном от казахов, или хотя бы о казахской помощи восстанию постоянно встречается в документах.

Башкир Смаил Аракаев, приведенный к Л. Я. Соймонову мишарским есаулом Мансуром, показал 9 сентября 1737 г., что «бунтующие воровские старшины — Пепеня, Зиянгул,

---

[43] По Кабинету, кн. 87/1164, лл. 909 об., 952.
[44] По Оренб. губ., кн. 3/134, л. 561 об.
[45] Там же, лл. 608—608 об.
[46] Там же, л. 646.
[47] Материалы, ч. I, № 145, стр. 320.

Мандар, Кулманай, Уразай Абызанов с товарыщи ныне тому недели з две, собрався на Аю, ...присоветовали послать в Киргис-Казачью орду к Абулхаир хану, к Шемяке просить себе в помощь силы для раззорения российских жилищ».[48] 12 ноября 1737 г. верный башкирский старшина Коджак батырь объявил А. И. Тевкелеву, что «Тюнгаурской волости Кусяп и другие послали в Среднюю Кайсачью орду к Абулмаметю и Аблаю салтанам башкирцов, чтоб их принели к себе на житье».[49] Если старшины Сибирской дороги просили лишь о военной помощи, то у старшин Ногайской дороги родилась мысль об откочевке в Казахские степи.

---

[48] По Кабинету, кн. 87/1164, лл. 950 об.— 951.
[49] Там же, л. 986 об.

6. МЕРОПРИЯТИЯ МЕСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПО БОРЬБЕ С БАШКИРСКИМ ВОССТАНИЕМ

Башкирское восстание в 1737 г. приобрело такой размах, что местной администрации нужно было принимать серьезные меры для борьбы с повстанцами. Между тем в это время в Оренбургском крае происходила смена властей, и некому было по-настоящему возглавить борьбу с восстанием. Как уже упоминалось, в ночь на 14 апреля 1737 г. скончался И. К. Кириллов.[1] Незадолго до его смерти, 25 января 1737 г., начальник Комиссии Башкирских дел М. С. Хрущов был переведен в действующую армию.[2] Назначенный на его место астраханский вице-губернатор генерал-майор Л. Я. Соймонов выехал из Астрахани в Башкирию только 10 марта 1737 г.[3] На место своей новой службы в Мензелинск он прибыл в мае.[4] Первое время он занимался лишь текущими делами и ожидал прибытия главного начальника Оренбургского края для выработки общих мероприятий по борьбе с восстанием. Именным указом от 10 мая 1737 г. В. Н. Татищев, начальник Казанских и Сибирских горных заводов, был произведен в тайные советники и назначен главным начальником Оренбургского края.[5] Этот указ был получен В. Н. Татищевым в начале июня,[6] а выехать из Екатеринбурга в Мензелинск для свидания с Л. Я. Соймоновым он смог лишь 25 июня.[7] Правда, и Л. Я. Соймонов, и В. Н. Татищев принимали некоторые меры по борьбе с башкирским восстанием, но это были лишь частные мероприятия. Единой и общей системы ликвидации восстания пока еще не было выработано. Л. Я. Соймонов

---

[1] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 362.
[2] Там же, лл. 47—48.
[3] По Оренб. губ., кн. 8/139, л. 207.
[4] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 439—441.
[5] Там же, лл. 372—374.
[6] Там же, лл. 531—534.
[7] Там же, лл. 569—572.

решил использовать авторитет вождя восстания 1735—1736 гг. Кильмяка абыза, находившегося в это время в Мензелинске. По его поручению, Кильмяк абыз посылал письма к башкирам, главным образом к башкирским старшинам Ногайской дороги, с призывом прекратить восстание, принести повинную и выдать башкира Юрминской волости Султан-Мурата, который в 1736 г. подговорил Кильмяка напасть на лагерь А. И. Румянцева, а в 1737 г. ездил в Казахскую степь призывать хана для башкир.[8] Одновременно с этим Л. Я. Соймонов принял и карательные меры. По его распоряжению, были из Уфы «регулярные и нерегулярные командированы достойные партии» для подавления восстания.[9] Участников восстания, попадавших в его руки, он предавал казни, и уже 18 июня 1737 г. он смог отправить в Кабинет поименную роспись казненных, где значилось 98 человек.[10]

Принимал свои меры и В. Н. Татищев, когда он еще находился в Екатеринбурге. 6 июня 1737 г. он доносил в Кабинет, что, получив известие о восстании башкир Ногайской и Сибирской дорог, он решил в первую очередь использовать «верных» старшин, которые, по его распоряжению, «уже собрались и пойдут немедленно».[11] Уезжая из Екатеринбурга, он отдал распоряжение советнику А. Ф. Хрущову, к которому перешло управление горными заводами, чтобы он, «собрав заводских мужиков до 3000 и с заводов офицеров с маиором Угрюмовым (Угримовым.— *Н. У.*), велел поставить у крепостей по границе и партиями над ворами чинить поиски». Полковник Арсеньев, по этому же распоряжению, должен был охранять границу с Сибирской губернией, а сибирскому губернатору В. Н. Татищев написал, чтобы он «людей, сколько можно, к ним прибавил».[12]

В первой половине июля В. Н. Татищев прибыл в Мензелинск, и 14 июля состоялось его совещание с Л. Я. Соймоновым и другими представителями местной администрации. По характеристике П. И. Рычкова, это был «генеральный консилиум, на котором не только к прекращению башкирских замешаний постановлен надлежащий план, но и к содержанию башкирского народа в надлежащем страхе и в подданническом послушании довольные учреждения учинены».[13]

Этот «план» и «довольные учреждения» сводились к следующему: 1. Л. Я. Соймонов должен был со своими войсками

[8] По Кабинету, кн. 87/1164, лл. 451—455 об.
[9] Там же, лл. 541 об.— 543.
[10] Там же, лл. 545—550 об.
[11] Там же, л. 535.
[12] Там же, лл. 576—576 об.
[13] П. И. Рычков. История Оренбургская, стр. 30.

пройти до Табынска «для учинения над ворами башкирцами поиску, и верных защищения, чтоб воров нынешним летом привесть ко усмирению». 2. Вместо полковника Арсеньева, который «стар и слаб», назначить начальником карательных отрядов в Зауральской Башкирии полковника Бардукевича. 3. Вождей восстания 1735—1736 гг.— Кильмяка абыза, Акая с сыном и Юсупа перевести из Мензелинска в Уфу и разрешить им видеться с башкирами, но в присутствии уфимских толмачей, «токмо б тайно ничего не говорили». Этим путем рассчитывали добиться умиротворения башкир: «чтоб башкирцы, видя их живых и в довольстве содержанных, надеялись, что они содержатся токмо для того, пока они покорны явятся». 4. С башкир и татар, живущих в районе Кунгура, не требовать полной уплаты штрафных лошадей, «объявя им — ежели они в службе верную услугу покажут, то им, по рассмотрению Е. В. В-ва, высочайшая милость показана будет». 5. Город Осу выделить в особое ведомство с воеводой, назначаемым Сенатом, и приписать к Осе Гайнинскую волость Осинской дороги. 6. Красноуфимскую крепость сделать пригородом Уфы и приписать к ней близлежащие башкирские волости и деревни. Красноуфимскому и Осинскому воеводам быть под ведением Уфимской провинциальной канцелярии. 7. Образовать особую Исетскую провинцию с центром в Чебаркульской крепости, в составе уездов Исетского, Окуневского и Шадринского. К этой провинции приписать башкир, живущих по р. Аю, верховьям Яика и всех зауральских. Исетской провинции определили «быть в ведении к Оренбурху так, как и Уфинская правинция, понеже оная правинция для Оренбурга весьма способна». 8. Пермского провинциального воеводу было решено перевести из Соли Камской в Кунгур для удобства борьбы с башкирским восстанием.[14]

Таким образом, наиболее существенными из этих определений было решение отправить крупные карательные экспедиции и заменить единое управление Башкирии распределением башкир (по управлению) между отдельными населенными пунктами края.

13 августа 1737 г. эти решения были утверждены центральной властью,[15] и 22 сентября В. Н. Татищеву был направлен сенатский указ о проведении в жизнь тех мероприятий, которые были намечены на совещании 14 июля.[16]

Еще до получения этого указа местные власти присту-

---

[14] По Оренб. губ., кн. 8/139, лл. 889—892.
[15] Полн. Собр. Зак., т. X, № 7347.
[16] По Оренб. губ., кн. 8/139, лл. 906—912.

пили к осуществлению неотложных мероприятий. 26 июля Л. Я. Соймонов выступил из Мензелинска по направлению к Табынску.[17] Разосланные Л. Я. Соймоновым вооруженные партии разорили 7 деревень, убили 86 человек мужчин и женщин и 13 человек захватили в плен. Пленники показали, что «их в тех деревнях было только для жатия хлеба означенное число, а протчия все кочюют во отдалении в гарах з женами и з детьми и со всем их пажитком». Л. Я. Соймонов разослал к башкирам «универсалы», чтобы они шли с повинной, но сам должен был признать, что «чрез немалое время ни один не явился, да и явитца не надеюсь». Поэтому он отправил вооруженные партии в разных направлениях.[18]

В сентябре 1737 г., когда Л. Я. Соймонов находился в 101 версте от Табынска, Кусяп батырь во главе отряда в 400 человек (по показанию Соймонова, и в 1000 человек — по словам пленных) напал на его лагерь, «токмо никакой себе здобычи получить не могли, но едва сами в лес, которой был под самым лагерем, могли убратца, и несколько их побито и ранено». Отправившись в горы вслед за нападавшими башкирами, Л. Я. Соймонов не обнаружил скопления восставших, но его карательные отряды прошли по всей территории Ногайской дороги.[19]

Посылались карательные экспедиции и в пределы Осинской дороги. Капитан Голчин, отправленный уфимским воеводой для борьбы с повстанцами в этой части Башкирии, доносил воеводе 7 сентября 1737 г., что он у дер. Сулмашевой Гайнинской волости «на башкирцов напал в лесу, где их было 150 человек». Во время боя было убито 24 повстанца и 29 захвачено в плен. Из этих пленных капитан Голчин «повесил 17 в тех же местах для страху, да выжет 7 деревень, где оные воры пристанище имели».[20]

18 сентября капитан Голчин у крепости Калиновской имел бой с крупным отрядом повстанцев, которыми предводительствовал Елдаш мулла. Победа осталась за Голчиным, хотя отряд Елдаша муллы, насчитывавший 1500 человек, имел численный перевес. Потеряв 81 человека убитыми и имея много раненых, повстанцы отступили к Бирску.[21]

В этом же районе развивал энергичную деятельность и кунгурский воевода Евстигней Мазовский. В. Н. Татищев в своем доношении императрице от 17 октября 1737 г. отмечал «ревность» Мазовского и видел в нем человека, «к искоренению

---

[17] По Оренб. губ., кн. 8/139, л. 882.

[18] По Кабинету, кн. 87/1164, лл. 768—768 об.

[19] Там же, лл. 868—873.

[20] Там же, л. 843 об.

[21] Там же, лл. 909 об.—910.

воров многих других командиров прилежнейшего», т. к. еженедельно получал от него известия, что «он какого-либо вора поймал, или, посылая, в покорность воров привел и о воровских при границе Кунгурской собраниях и намерениях, уведывая, точно пишет, которое многократно с последуюсчим действом согласовало». В частности, в сентябре 1737 г. ему удалось разгромить главный очаг движения башкир Осинской дороги — группу повстанцев, руководимую Адзимасом Абдаловым и скрывавшуюся в окрестных лесах. Мазовский, не имея в своем распоряжении никакого войска, «собрал иноверцов и мужиков надежных з 200 человек, послал тайно, не объявляя никому, куда и зачем, обводною дорогою». Этот отряд разыскал башкир, перебил большую их часть, а 52 женщин и детей привез в качестве пленных в Кунгур. Сам Адзимас не попал в руки этого отряда. После такого разгрома башкиры Гайнинской волости, «кои в лесах жили, идут с повинною непрестанно и живут в домех своих». В. Н. Татищев ходатайствовал перед императрицей о повышении майора Мазовского в чине. [22]

Менее успешно для правительственных войск шла борьба с повстанцами Сибирской дороги. Здесь находились главные вожди движения, и было наибольшее число восставших. Полковник Бардукевич, назначенный главным командиром в этом районе, действовал вяло и нерешительно. Сам он отсиживался в Теченской слободе, а майора Угримова перевел от заводской границы на реку Уфу, где тот напрасно дожидался прибытия Бардукевича. Башкирские вожди, видя нерешительность русских командиров, «паки стали чинить раззорение». Сам Бардукевич в письме к В. Н. Татищеву объяснял свою бездеятельность тем, что «дожидаетца ис Тобольска в прибавок людей». Хотя Бардукевич находился в подчинении Л. Я. Соймонова, тем не менее В. Н. Татищев, «опасаясь большаго вреда, писал к нему с выговором и генерал-маиору (Л. Я. Соймонову.— *Н. У.*) о том дал знать». [23]

Но некоторое сопротивление повстанцам оказывалось и здесь. Приказчик села Воскресенского Израилев, собрав 80 крестьян, выступил 11 августа 1737 г. против башкир, подходивших к этому селу. Он «ходил в погоню за Миясом рекою в степь до озера Кривого, где башкирцы были на кошу». При приближении отряда Израилева башкиры разбежались. Израилев вернулся. Когда он находился в пути, на него напали башкиры из собрания Бепени в количестве 500 человек. Израилев со своими людьми укрылся в неболь-

---

[22] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 896.
[23] Там же, лл. 895 об.— 896.

шом лесу («колке»). Целые сутки длился бой с потерями с обеих сторон. На следующий день башкиры осадили село Воскресенское, и бой длился с обеда до вечерни.[24] На выручку осажденным пришел полковник Арсеньев, находившийся в Иккульской (Еткульской) крепости. Собрав 1300 человек, он вышел на «сакму» (след) повстанцев и трижды имел с ними бой — 13, 14 и 15 августа. Башкиры потерпели поражение. Осада с села Воскресенского была снята.[25]

17 сентября отряд Ямбургского полка под командой майора Фишера встретился с главными силами восставших на р. Уфе. Правительственный отряд был разбит. Майор Фишер умер от ран, полученных в этом бою.[26] Бепеня впоследствии показывал в Мензелинске, что, возвращаясь из Гайнинской волости и Кунгурского уезда, «на дороге бой чинили с Ямбурским полком, а сколько российских людей побито и казенного ружья, мундиру и аммуницы и пушек и артиллерийских припасов взято, того не упомнит».[27]

В. Н. Татищев решил использовать казахов для подавления башкирского восстания. Первыми выступили отряды Среднего жуза под командованием Шемаметя мурзы, всего до 1000 человек. Направив большую часть своего войска разорять Тамьянскую волость Ногайской дороги, сам Шемаметь мурза с отрядом в 300 человек двинулся в Кара-Табынскую волость Сибирской дороги. Он встретил отпор со стороны Аккузи батыря. Собрав тысячный отряд, башкиры напали на казахов и нанесли им поражение. В этом бою погибли сам Шемаметь и другой знатный казах Кошкалак. Остатки казахского отряда бежали.[28]

Это поражение повлекло за собой новое выступление казахов. В начале ноября Абулхаир хан, батырь Среднего жуза Джанибек и другие знатные старшины, «вооружася, с войски пошли на Сибирскую дорогу для искоренениа бунтующих воров башкирцов».[29]

Между тем приближалась зима — то время, когда башкиры обычно прекращали военные действия. Представители местной администрации это хорошо знали и стали рассылать призывы принести повинную. В качестве послов использовались, главным образом, «верные» башкирские старшины.

Еще в сентябре 1737 г. майор Угримов отправил тархана Таймаса Шаимова к Мандару с таким призывом — указом,

---

[24] По Кабинету, кн. 87/1164, лл. 842 об.—843.
[25] Там же, лл. 907—908.
[26] Там же, лл. 910—910 об.
[27] Там же, кн. 90/1167, л. 800 об.
[28] Там же, кн. 87/1164, лл. 984 об.— 985.
[29] Там же кн. 87/1164, л. 984.

написанным на татарском языке. Указ содержал обычное требование — принести повинную и уплатить штрафных лошадей. Прочитав указ, Мандар ему не поверил. «Етот де указ,— сказал он,— знатно, писал старшина Козяш, и нам де он не годен». Собрав старшин Дуванской и соседних волостей, Мандар два дня с ними совещался. Таймаса на этот совет не пускали. Затем Мандар и его сторонники вынесли свое решение: «ежели б де был такой к ним милостивой Е. И. В-ва указ, то б де они готовы в подданстве быть и с повинностью притти и милостивого прощения просить, а татарскому их письму не поверят, а рускова читать нихто не умеет». Мандар не поверил указу и заподозрил, что Таймас приехал за ним «подсматривать». Но тем не менее Мандар и поддерживавшие его старшины написали ответное письмо майору Угримову, в котором сообщали о своей радости по поводу милостивого указа императрицы, но в то же время ставили и свои условия: «чтоб такой милостивой указ, собрав народов башкирских четырех дорог под Уфою городом на Чесноковке речке, вычли, для которого прислали б и дворянина». При этом условии старшины соглашались принести повинную и изъявляли готовность «попрежнему быть слугами».[30] Иными словами, Мандар требовал возвращения к старой практике принесения повинной восставшими башкирами, когда правительство удовлетворялось общей повинной, выраженной представителями всех четырех дорог. Как уже упоминалось, эта практика была резко осуждена И. К. Кирилловым и в 30-х годах XVIII в. не применялась.

Другой посол майора Угримова, «верный» сотник Кара-Табынской волости Такыр отправился с таким же указом к айским башкирам. У одного из старшин Куваканской волости — Аккучука Анекеева собрались старшины айских волостей. Поехал было на этот совет и Бепеня, но раздумал и «возвратился з дороги назад». На съезд собралось до 500 человек, но в то же время «многие, приезжая, тот указ посмотря, паки уезжали, а более полагались во всем на тех старшин». Такыра, как и Таймаса, на совет не пускали и продержали четверо суток под караулом. После совещания старшины Алландзиангул (Зиянгул), Яметь, Аккузя и Акай (Акка) мулла написали письмо и вручили Такыру. Это письмо написано в более резких тонах по сравнению с письмом Мандара. В указе, присланном от майора Угримова, содержалось требование выдать башкир, которые, «оставя свою присягу, воровать начали». Старшины ответили на это категорическим отказом: «того они не возмогут». Как и

[30] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 951—951 об.

Мандар, они припомнили старый порядок принесения повинной и сравнили его с современным, отметив неудовлетворительность последнего: «а при нынешней государыне всех отцов их, старых и малых приводят к присяге и тут не верят [и за то мы пеняем]». Старшины упрекают императрицу в нарушении обещания освободить вождей восстания 1735—1736 гг.— Юсупа, Кильмяка, Акая и других — и указывают, что «ныне они стали бунтовать за то, что взятых старшин не отпустили». Старшины подчеркивают свое недоверие к царским указам: «и ныне, хотя бы сколько их государыня жаловала, то тому верить не будут, для того что к Булхаир хану указ послала, чтоб их искоренять и кормитца». Кончается письмо предъявлением условия, на котором старшины согласны вступить в переговоры о повинной: «и ежели ис тех старшин (т. е. вождей восстания 1735—1736 гг.— *Н. У.*) одного к ним с милостивым письмом не пришлют, и их в глаза они не увидят, то верить не будут». Отдавая свое письмо Такыру, старшины, как и Мандар, упрекнули посла, что «верные» старшины «к ним воровски шпионами своими татарскими письмами подъезжают», на самом же деле переговоры с восставшими башкирами должны вестись иначе, и тогда и результат будет иной: «надобно прислать к ним для объявления такого указу з дворянином, подьячим и толмачем, как прежде присылывали,— то бы де, может быть, с повинною оне и пришли». [31]

Таким образом, попытки местной администрации добиться повинной от башкир Сибирской дороги пока не давали результата. Башкиры готовились к зиме и выбирали для зимовки такие места, «где кто сена для корму скота заготовил, а для пищи себе заготовляют в зиму сарану». [32] Правда, некоторую склонность к повинной можно было заметить, но не у старшин, а у рядовых башкир. Башкир Смаил Аракаев, захваченный мишарским есаулом Мансуром, показал, что «из воров немногие и то только которые подлые, поговаривали, чтоб принести Е. И. В-ву повинность и просить в вине своей милостиваго прощения и впредь не воровать; токмо явитца никуда не ездили». [33]

Не удалось осенью 1737 г. добиться повинной и от башкир Ногайской дороги. Башкир Тамьянской волости Абдулла Курмаев, пойманный «верными» башкирами и доставленный

---

[31] По Кабинету, кн. 87/1164, лл. 951 об.— 952. Квадратные скобки в подлиннике.

[32] Там же, л. 950 об. Сарана — горная лилия. В пищу употреблялись ее луковицы, имеющие сладковатый вкус.

[33] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 950 об.

ми в Сакмарск к А. И. Тевкелеву, показал на допросе октября 1737 г., что «с повинною к присяге Тюнгаурской Кусяп Салтангулов, Тамьянской — Сеит-бай Алкалов и другие, итти не хотят и намерены против войск Е. И. В-ва противиться».[34] Кусяп и некоторые другие старшины предпочли отправить посольство к султанам Среднего жуза Абулмаметю и Аблаю с просьбой принять их «к себе на житье».[35] Но и это решение не было единодушным. Башкиры, ранее откочевавшие к казахам, приехали к старшинам Сеит-баю и Рысай-баю с предложением, чтобы они «со своими родственниками шли к ним в Кайсачью орду на житье». Сеит и Рысай отвергли это предложение, заявив посланным, что «на житье в ту орду (жуз.— *Н. У.*) не едут для того что де они (казахи.— *Н. У.*) и прежде ушедших их братью, башкирцов, на житье всех ограбили и розобрали по рукам. И хотя де они перед Е. И. В-ом, всемилостивейшей государыней всероссийской, чрез меру погрешили, и воля ее — что изволит, то с ними творит. И нам де лутче помереть в своем жилисче, нежели к ним в орду ехать».[36] Сеит-бай и Рысай-бай, таким образом, предпочли ожидать дальнейшего развития событий, находясь у себя дома.

Некоторые же из башкир Ногайской дороги сделали и следующий шаг. 26 октября 1737 г. А. И. Тевкелев доносил В. Н. Татищеву, что некоторые из башкир Усерганской, Бурзянской и Кипчацкой волостей. т. е. самой южной части Ногайской дороги, «стали приходить с повинною» к нему в Сакмарск. А. И. Тевкелев собирал с таких башкир «з двора по лошеди». Всего у него набралось уже 30 штрафных лошадей.[37]

В. Н. Татищев считал, что лишь «голод и крайняя бедность» принуждают башкир обращаться с повинной. Но в искренность этой повинной он не верил, потому что приходят лишь рядовые башкиры, а главные вожди восстания пока еще не изъявляют такого желания, и весной движение может вспыхнуть вновь.[38]

Некоторую инициативу в деле примирения восставших башкир с правительством проявили «верные» старшины Ногайской дороги. Они обратились к Л. Я. Соймонову с просьбой отпустить под их поручительство Абдуллу, сына Акая, чтобы уговорить вождей восстания принести повинную. Сам Л. Я. Соймонов был склонен удовлетворить эту просьбу, но не решался это сделать без согласия В. Н. Татищева.

[34] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 969 об.
[35] Там же, л. 986 об.
[36] Там же, л. 984 об.
[37] Там же, л. 970 об.
[38] Там же, л. 966 об.

Поэтому он направил «верного» старшину Уршак-Минской волости Мряса Юлумбетева с соответствующим письмом к В. Н. Татищеву. В. Н. Татищев согласился. 6 ноября, в день получения письма Л. Я. Соймонова, он написал и ответ. Свое согласие он мотивировал тем соображением, что он не видит никакой опасности в посылке Абдуллы, потому что «хотя он, Абдулла, воров и возмусчать захочет, то один такой плут возмутить всех не может, ибо таких плутов у воров и без него много». Мряс Юлумбетев, отправляясь в Уфу, просил В. Н. Татищева, чтобы он от себя послал указ к вождям восстания, а Абдулла этот указ отвез бы. Но В. Н. Татищев в этом отказал, заявив, что руководители движения «посылки указов недостойны», потому что еще весной обещали притти с повинной, а вместо этого — «не дождався травы, паче стали воровать». Но на словах он предъявил свои требования, выполнение которых считал непременным условием примирения. Он потребовал, чтобы главные вожди восстания — Бепеня, Мандар, Султан-Мурат и Тюлкучура, а также по одному знатному от каждого рода, лично явились для принесения повинной. Если же побоятся ехать все сразу, то В. Н. Татищев соглашался и на то, чтобы из главных вождей явился один или двое в сопровождении нескольких знатных башкир и при этом подали челобитную о помиловании, но без всяких условий: она должна содержать лишь просьбу о прощении. При этом В. Н. Татищев предупредил, что если главные вожди «ехать с повинною, а народом, переловя их, отдать не похотят, то б не иного, как крайней погибели на себя и своих безвинных жен и детей ожидали, которое они от войск Е. И. В-ва, конечно, вскоре над собою и увидят, и тогда никая их прозьба принята не будет». С этим напутствием Мряс Юлумбетев и отправился 7 ноября 1737 г. из Самары, где находился В. Н. Татищев, в Уфу.[39]

21 ноября 1737 г. Л. Я. Соймонов подвел первый итог своей борьбе с башкирским восстанием 1737 года. В своем доношении в Кабинет он писал: «Казанской и Ногайской дорог ближния волости в спокойство пришли, токмо некоторая часть осталась, которыя от меня бежали за Уральския горы. Но и те, по известиям надеюсь, нынешней зимы повинные В. И. В-ву приносить будут, понеже командою моею, как хлеб, так и сена и деревни их все вызжены. Токмо по Сибирской дороге еще не все успокоено».[40]

Таким образом, по мнению Л. Я. Соймонова, полное разорение края, осуществленное его войсками, является гарантией

---

[39] По Кабинету, кн. 87/1164, лл. 970 об.— 971 об.

[40] Там же, л. 1017.

принесения повинной — голод и холод заставят башкир покориться.

И действительно, с наступлением зимы башкирские вожди начали проявлять некоторую склонность вести переговоры о повинной. Л. Я. Соймонов не только подавлял восстание вооруженной рукой, но и рассылал призывы принести повинную. Табынский казак Иван Пономарев, сотник Аминь Апкин и тезик Илишев, отправившиеся в октябре 1737 г. к вождям восставших башкир Ногайской дороги — Кусяпу батырю, Сеит-баю, Рысай-баю и другим, по возвращении сообщили, что башкиры их «приняли честно и подводы везде давали безобидно и милостивому Е. И. В-ва указу обрадовались». Они назначили восьмидневный срок, чтоб, «съехався в Табынску, с повинною быть всем». [41]

Такую же склонность принести повинную показали вожди повстанцев и Сибирской дороги, но они поставили свои условия, от которых не собирались отказываться. 28 ноября 1737 г. к кунгурскому воеводе подполковнику Мазовскому поступило письмо от Елдаша муллы и других вождей Сибирской дороги с выражением готовности принести повинную. Напомнив добровольность подданства башкирских предков московскому царю и подчеркнув добровольность последующей службы башкирских старшин русским государям, Елдаш мулла отмечает, что «ныне же от их бездельных людей они ис под неволи раззорились, от домов своих и вотчин отстали, и от того куран свой (т. е. присягу в верности.— *Н. У.*) потеряли и правды лишились, о чем ныне тужат». После этого предисловия Елдаш мулла сообщает, что в разговорах, какие ведутся между башкирскими старшинами, высказывается сомнение в возможности получить прощение. Елдаш мулла считает нужным напомнить, что их прадедам отпускались вины без всяких стеснительных условий. Поэтому и они хотят, чтоб «и они так без розыску и допросов помилованы были». Это было первое условие повстанцев. В расчете на то, что оно будет принято, «они о себе просят, о своих винах, чтоб их Е. И. В-во изволила простить и помиловать». Но вожди восстания желают получить гарантию, что они действительно будут прощены, и ставят свое второе условие: «Юсупа батыря, Кильмяка муллу з дворянином и з подьячим вместе с указом к ним прислать, которые им вычли б оной указ, чтоб из их народа дураки от своего дурачества унялись». Если будет принято это условие, то они все поедут — «для житья попрежнему в свои домы. И хотя они вконец раззорились, однако ж

[41] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 1019 об. Тезик — бухарский купец, таджик.

желают быть попрежнему в подданстве Е. И. В-ва». Кончается письмо обещанием сохранить верность и на будущее время: «а после от них никакого другого дела не будет».

Мазовский, отвечая на это письмо, потребовал, чтобы старшины послали кого-либо из лучших людей в Уфу или Мензелинск для свидания с Юсупом и Кильмяком, а сами безбоязненно шли с повинной в Кунгур. Если они на это согласны, то «он, подполковник Мазовской, за них, куда надлежит, доброе предстательство иметь будет». Одновременно с этим он запросил соответствующих инструкций от В. Н. Татищева. [42]

Получив 9 декабря доношение Мазовского, В. Н. Татищев послал ему проект указа, которым следовало ответить на письмо старшин. [43] Этот указ Мазовский отправил башкирским старшинам 28 декабря 1737 г. В. Н. Татищев не принял условий башкир и требовал принесения повинной без всяких условий, так как башкиры не имеют права их ставить, они могут лишь просить о милости. Государыня может им оказать милость, но для этого вожди восстания должны лично явиться с повинной и просить о прощении, а остальные дать подписку в беспрекословном выполнении всех распоряжений местной администрации. Отказал В. Н. Татищев и в просьбе отпустить Кильмяка и Юсупа для переговоров о принесении повинной. Местная администрация имела в этом некоторый опыт: в 1736 г. А. И. Румянцев отпускал Султан-Мурата для уговаривания Кильмяка, а В. Н. Татищев Исенгула и Сабана для призыва к повинной Юсупа. Результат был один и тот же: послы «вместо усмирения паче народ возмутили и большую беду зделали, за что те генералы от Е. И. В-ва гнев понесли». В. Н. Татищев уступил только в одном: он соглашался допустить, чтоб в Уфу предварительно прислали с прошением человек двух разумных людей, которые получат прощение и вернутся с милостивым указом. [44]

Таким образом, в начале зимы повстанцы прекратили активные действия и начали переговоры о повинной. Следовало подумать о мерах, при помощи которых можно было бы добиться полного успокоения Башкирии. Для обсуждения этих мероприятий В. Н. Татищев созвал в декабре 1737 г. в Самаре специальное совещание, на которое пригласил Л. Я. Соймонова, А. И. Тевкелева, уфимского воеводу С. В. Шемякина, экипажного советника А. Ф. Хрущова и командиров воинских отрядов — полковника И. Н. Татищева

---

[42] По Кабинету, кн. 90/1167, лл. 12—12 об.
[43] Там же, лл. 12 об.— 14 об.
[44] Материалы, ч. I, № 158, стр. 350—353.

(своего старшего брата), Андрея Усова, князя Ивана Еделева, Бориса Останкова и Петра Бахметева.

Это совещание В. Н. Татищев назвал «Генеральным собранием к разсуждению и обсчему определению о прекрасчении бунта башкирского и предосторожности впредь от смятения и на верных Е. И. В-ва подданных нападения».[45] В этом названии сформулированы основные задачи совещания — добиться прекращения башкирского восстания и сделать невозможным его возобновление.

Ставя вопросы, подлежавшие обсуждению совещания, В. Н. Татищев отметил, что большинство повстанцев Ногайской, Казанской и Осинской дорог «с повинною идут и штрафных лошадей платят, а и Сибирская (дорога.— *Н. У.*) надеюся, вскоре им последовать будет». Но в то же время он подчеркивал ненадежность этой повинной, «ибо ныне зимой чинят то от глада и крайней нужды, наипаче же для того, что киргизы (казахи.— *Н. У.*) не токмо с ними от согласия удержаны, но и на раззорение их, воров, подвигнуты». Радикальной мерой, которая может совершенно прекратить восстание, он считал поимку и казнь вождей, в первую очередь Бепени. Было бы хорошо организовать зимний поход против повстанцев, «чтобы разорением по Аю жилисчь их, воров, к повинности принудить». Отдавая себе отчет в большой трудности этого похода, В. Н. Татищев предлагал полумеру — направить вооруженные отряды на Ай, «чтоб тамо хотя юрты и заготовленные сена пожечь». С такой же целью следовало послать войска и в верховья Тобола. В этих мерах, с его точки зрения, был определенный смысл: таким путем можно башкир «или к совершенной покорности принудить, или, до весны совсем бездействительных их учиня, самим в безопасности остаться».

Но В. Н. Татищев не отвергает мысли и о том, что от башкир можно добиться общей повинной без этих карательных мер. Он предлагает послать к восставшим «универсалы за подписанием главных командиров, объявя, чтоб главные (т. е. вожди восстания.— *Н. У.*) если хотят от Е. И. В-ва какую либо милость себе и своим родам получить, сами конечно в генваре (т. е. январь назначается в качестве последнего срока.— *Н. У.*) в крепости командирам, кому куда ближе явились. Ежели же они не похотят, то другие тех волостей и родов, если не хотят равно с ними погибать, оных главных, поимав или убив, головы в крепости привести. Ежели же того не учинят, то никакая их повинность за правильную принята не будет, но все тех волостей и родов, без

---

[45] По Оренб. губ., кн. 3/134, л. 823.

всякого помилования, от войск Е. И. В-ва огнем и мечем сокрушены, и дети их в русские городы развезены будут». Рядовые участники восстания тоже должны принести личную повинную, уплатить каждый по штрафной лошади, получить соответствующие документы от местной администрации и спокойно возвращаться к себе домой.[46]

Совещанию предстояло решить еще один частный вопрос, поставленный уфимским воеводой С. В. Шемякиным и имеющий непосредственное отношение к общему вопросу о принесении повинной восставшими башкирами. От «верных» башкирских старшин Мряса Юлумбетева, Кидряса Муллакаева и других С. В. Шемякин получил известие о совещании повстанцев, на котором было принято решение просить местную администрацию освободить Кильмяка и других вождей восстания 1735—1736 гг. При этом повстанцы говорили: «ежели де оные Кильмяк с товарысчи освобождены ис под караула будут, то де они, воры башкирцы, от воровства престанут и в спокойство придут и положенные на них по указом штрафы и протчие платежи исполнять станут без всякого медления. А буде ж де реченныя Кильмяк с товарысчи свобождены ис под караула и выпусчены не будут, то де они, воры, от воровства своего не престанут и намерены бунтовать до тех пор, пока все помрут, даже до последняго человека».

Сам С. В. Шемякин считал возможным выполнить эту просьбу. Он не видел большого смысла в казни Кильмяка и других вождей. Ему казалось более целесообразным отпустить «из них кого пристойно или всех..., дав милостивые им указы с подтверждением, чтоб они свою братью, оставших в воровстве башкирцов, от воровства отврасчали и в спокойство приводили». Кильмяку и другим нужно назначить срок для возвращения обратно. Если же они обманут, ничего не сделают для умиротворения Башкирии и сами не вернутся, то тогда следует отправить карательную экспедицию и расправиться с повстанцами без всякой пощады.[47]

На совещании обсуждались и другие вопросы, касающиеся управления краем.

По основным вопросам совещание приняло следующие решения: 1. Отказаться от посылки зимней карательной экспедиции, так как это невозможно из-за изнурения лошадей и отсутствия провианта и фуража. 2. Послать «универсалы» с призывом принести повинную, только в этих универсалах не называть поименно главных вождей восстания, обязанных

[46] По Оренб. губ., кн. 3/134, лл. 823—823 об., 827—827 об.
[47] Там же, лл. 829—829 об.

лично явиться с повинной, чтобы не напугать вождей и явных и скрытых. Универсалы дополнить указанием, что если вожди сами не явятся с повинной, то тот, кто их поймает и привезет, не только получит прощение за участие в восстании, но и сам он и его ближайшие родственники — до 10 человек — будут освобождены от уплаты штрафных лошадей. Если не удастся вождей захватить живыми, можно их убить и привезти головы. Тогда освобождение от платы штрафных лошадей дается в половинном размере. 3. Для умиротворения Башкирии необходимо самому В. Н. Татищеву отправиться в Уфу. 4. По вопросу об освобождении вождей восстания 1735—1736 гг. было принято очень осторожное решение: «по довольном разсуждении положили, что оного для многих обстоятельств учинить неможно и не надлежит, понеже бо то было со ущербом чести и пользы Е. И. В-ва. А понеже тайному советнику (В. Н. Татищеву.— *Н. У.*) необходимо нужно ныне вскоре в Уфу самому ехать, то может сам тамо обстоятельств разсмотреть и то не прежде, как воры к нему знатных от себя с прозьбою пришлют».[48]

15 февраля 1738 г. эти решения получили утверждение верховной власти, о чем В. Н. Татищеву был послан соответствующий указ.[49]

В конце декабря 1737 г. В. Н. Татищев выехал из Самары и в начале января 1738 г. прибыл в Уфу.

Еще до его приезда некоторые из вождей повстанцев стали изъявлять готовность принести повинную, хотя и не отказывались от попыток поставить местным властям свои условия. 26 декабря 1737 г. красноуфимский воевода князь Максим Иванович Путятин получил письмо от Тюлкучуры, Елдаша муллы, Мандара и других старшин Сибирской дороги, кроме Бепени, где они сообщали, что обрадовались указу с призывом принести повинную, готовы примириться с царскими властями и просят прислать к ним дворянина, который и объявил бы им милостивый указ. Вместе с тем они просят возвратить Юсупа и других пленных, захваченных карательными экспедициями. Если у них окажутся русские пленные, то они всех их соберут и возвратят. Но они просят не взыскивать с них тех пленников, которых уже нет, и разное имущество, захваченное во время восстания.[50]

Но полного единодушия в вопросе о повинной у восстав-

---

[48] По Оренб. губ., кн. 3/134, лл. 830—833.

[49] По Кабинету, кн. 90/1167, лл. 62—77, ПСЗ, т. X, № 7514, §§ 1—17, стр. 411—414.

[50] По Кабинету, кн. 90/1167, лл. 181—181 об.

ших башкир не было. Башкиры Муштай Юлумбетев и Аиткул Сюндюков, ездившие в конце декабря 1737 г. в волости Ногайской дороги, сообщили 2 января 1738 г. в Уфе, что в Кубеляцкой волости было собрание старшин Ногайской и Сибирской дорог, где подавляющее большинство присутствовавших высказало желание принести повинную, «только при том препятствовали главные воры — Сибирской дороги Куваканской волости Бепеня Труппердин, да Нагайской дороги Дуван-Табынской волости Салтан Арасланбеков и говорили: ежели де они дадут штрафных лошадей, то де будут платить повсягодно и дети их и внучеты». Когда Муштай и Аиткул поехали обратно, то на пути их догнал башкир и вручил письмо, адресованное Уфимскому судье Андрею Ивановичу Алфимову, сказав при этом, что письмо от Бепени. Письмо писано от имени всех старшин, но отражает точку зрения Бепени. В нем содержалось условие, на котором старшины (точнее Бепеня) согласны принести повинную: «ежели подлинно имеет быть Е. И. В-ва до нас милосердие, то чтоб отказала брать штрафных лошедей и Акая, Кильмяка, Абдуллу, Юсупа батыря свободить». В конце письма подчеркивалось, что если эти условия не будут приняты, то ни о какой повинной не может быть и речи: «именем Божиим проклинаемся (т. е. клянемся.— *Н. У.*): ей-ей-ей Богу юрт не утишится, и плуты не поверят, и добрые люди, подобные ж Кильмяку, Акаю, Абдулле и Юсупу батырю в город ездить не будут». [51]

Когда В. Н. Татищев прибыл в начале января 1738 г. в Уфу, к нему явилось пятеро представителей от восставших башкир с изъявлением готовности принести повинную. 9 января состоялась беседа В. Н. Татищева с башкирскими послами. По распоряжению В. Н. Татищева, были приведены вожди восстания 1735—1736 гг., чтобы послы их видели, и они присутствовали при беседе. В. Н. Татищев поинтересовался, почему до сих пор башкиры не являлись с повинной. Послы на это ответили жалобой на притеснения и обиды со стороны уфимского воеводы С. В. Шемякина: «для того де, что здесь пришедших с повинною грабят и в тюрьмах морят — итти не смели, и еслиб де ты не приехал, то б никто не пошел». [52] Во время беседы В. Н. Татищев постарался показать башкирским представителям, что у них нет другого выхода, как принести общую повинную и выполнить все

[51] По Кабинету, кн. 90/1167, лл. 179—180. Материалы, ч. I, № 135, стр. 307—308; № 161, стр. 355—356.

[52] По Кабинету, кн. 90/1167, лл. 142—142 об.

требования местной администрации. Общий ход его рассуждений был изложен выше, когда речь шла о движущих силах восстания. В. Н. Татищев подчеркнул, что казахский хан Абулхаир, на помощь и поддержку которого башкиры рассчитывали, выступил против них и сейчас «по посланному к нему указу» пришел с войском в Башкирию и принуждает башкир, чтобы они «образумились... и природной своей государыне покорились и с повинною шли».

Одобрив решение башкир принести повинную, В. Н. Татищев подал им надежду, что они получат прощение, но для этого нужно, чтобы руководители восстания явились лично в Уфу, а остальные могут приходить с повинною по крепостям, кому куда ближе. В. Н. Татищев прекрасно понимал, что вожди восстания «имеют причину более других бояться», но тем не менее и они могут рассчитывать на царское милосердие. Кильмяк, Акай и Юсуп были вождями восстания, но они не казнены, и есть все основания полагать, что после общего умиротворения Башкирии они будут отпущены на свободу. Но если бы даже «подлинно которой ведал, что он милости не достоин и смертной казни избавиться не уповает, то ему честнее для сохранения своих бедных и невинных детей и сродников на смерть поступить». В. Н. Татищев сравнивает положение такого руководителя восстания с положением воина, который во имя защиты родины умирает на войне. Но условия, в каких находится воин, более тяжелые: он не может рассчитывать на пощаду со стороны врага. У башкирских же вождей есть надежда, что императрица может их помиловать.

Эти доводы, повидимому, показались башкирским послам достаточно убедительными. Но если они с ними и не были согласны, то обстановка для спора была явно неблагоприятной. Поэтому они не возражали, только обратились с просьбой отпустить с ними одного из вождей восстания 1735—1736 гг. В. Н. Татищев отказал в этой просьбе, повторив свои соображения, какие он неоднократно высказывал и раньше — такие отпуски бывали раньше, но положительного результата они не дали. Эту мысль поддержал и Кильмяк, заявив башкирским послам: «правда, что мы хотя и поедем, да когда у них добраго намерения нет, то что я учинить могу? токмо я погибну и вас погублю. А естьли ум у них есть, то они сему поверят и с повинною придут».

После этой беседы В. Н. Татищев угостил башкирских послов пивом и медом и объявил им, что на следующий день они отправятся домой, а с ними вместе поедут верные старшины с «универсалами». Одновременно с этим он отдал распоряжение старшине Мрясу Юлумбетеву подобрать двух

надежных башкир для отправки одного к повстанцам Ногайской дороги, другого Сибирской.[53]

В универсалах, подписанных В. Н. Татищевым и Л. Я. Соймоновым, содержались следующие, далеко не новые, требования к повстанцам: 1. Башкиры должны без всяких оговорок признать свою вину и просить императрицу о прощении. 2. Все старшины, бывшие вождями движения, обязаны лично явиться в Уфу для принесения повинной и уплатить штраф по одной лошади с каждой семьи. 3. Рядовые башкиры могут являться с повинной и платить штрафных лошадей в ближайшие к их жительству крепости. Конечный срок явки — май 1738 г. 4. Башкиры обязаны немедленно отпустить всех русских и иноверцев, взятых ими в плен. Кроме того, В. Н. Татищев обещал расследовать все жалобы на уфимского воеводу С. В. Шемякина.[54]

Эти меры привели к некоторым положительным результатам, но чрезвычайно малым. 23 января 1738 г. В. Н. Татищев доносил императрице из Уфы, что один из старшин — повстанцев Ногайской дороги — явился к нему с повинной в сопровождении 16 своих людей. Получил он также известия и о том, что в Табынск стали приходить с повинной, но только рядовые башкиры. Главные вожди восстания не спешили со своей явкой — они предпочитали переписываться с главным начальником Оренбургского края и его подчиненными и договариваться об условиях повинной. В своих письмах они изъявляли готовность принести повинную, но от личной явки уклонялись.

Между тем вновь начались вооруженные выступления восставших башкир, не помешала этому и зима. Когда посол В. Н. Татищева Ислыкай (Слыкай) Сеитов прибыл к айским башкирам с универсалом о повинной, многие из старшин заявили о своем желании подчиниться требованиям администрации края, но Тюлкучура и Мандар не послушались, отправились в поход и разорили около 20 деревень, в этих деревнях «везде у верных хлеб и скот побрали, а людей не брали и не пленили, разве которые против них бились, то тех побивали, и назад возвратились».[55] Этот несколько необычный характер своего набега объяснили сами Мандар и Тюлкучура, когда встретились с Ислыкаем Сеитовым: они отправились «хлеба достать», так как им «есть нечего».[56]

11 февраля 1738 г. В. Н. Татищев получил известие о

---

[53] По Кабинету, кн. 90/1167, лл. 182—183 об.
[54] Там же, лл. 184—185.
[55] Там же, л. 213.
[56] Там же, лл. 219—219 об.

нападении двухтысячного отряда башкир на сибирские заводы.[57]

Старшины же, изъявившие готовность принести повинную, продолжали настаивать на своих условиях. Они находили поддержку и в среде «верных» старшин. 12 февраля к В. Н. Татищеву явились «верные» старшины и «со слезами» просили его, чтобы он «милость ко всем им показал и оное воровство единою сократил». Когда же он спросил, как это можно сделать, то они сказали, «чтоб Юсупа отпустить за их порукою». Вместе с тем «верные» старшины — Кир-Кудейской волости тархан Юнус Теперисев и Кара-Табынской — Азнай Кусюккулов соглашались остаться в Уфе в качестве заложников за Юсупа. В. Н. Татищев решил уступить. Посоветовавшись со штаб-офицерами, он «разсудил, что лучше на оное им позволить и надежду ко успокоению иметь, нежели в сумнительстве оставаться», и отпустил Юсупа, послав с ним брата одного из старшин. Уезжая от В. Н. Татищева, «верные» старшины спросили: «когда Бепеня, Тюлкучура, Мандар и другие главные воры явятся, смеют ли они обнадеживать, что отпусчены будут?» Вопрос был поставлен прямо и требовал прямого ответа, чего как раз не любил В. Н. Татищев. Он предпочитал уклончивые ответы. Нашелся он и на этот раз. «Разсудя, что лучше то обесчать, дабы успокоить, а потом случай и способ их прибрать не оскудеет», он заявил старшинам: «конечно, добровольно пришедших с повинною не удержу, если токмо могусчие по указу штраф с собою приведут (т. е. штрафных лошадей.— *Н. У.*)».[58]

Еще раньше отправления Юсупа, в конце января, В. Н. Татищев отпустил Абдуллу Акаева вместе с переводчиком Арасланом Бекметевым для уговаривания башкир Ногайской дороги.[59]

Но тут возникло новое осложнение, связанное с пребыванием хана Абулхаира в башкирских волостях. Еще в конце 1737 г. В. Н. Татищев с удовлетворением отмечал, что ему удалось привлечь казахского хана к участию в подавлении башкирского движения. Дело было, конечно, не в верноподданнических чувствах Абулхаира. Ханом руководил простой материальный расчет — он хотел извлечь выгоду для себя и для своих людей. В. Н. Татищеву очень хотелось захватить в свои руки главных вождей башкирского движения, и он рассчитывал, что при помощи казахов, быть может, это и удастся осуществить. Он был склонен удовлетворить

[57] По Кабинету, кн. 90/1167, л. 213 об.
[58] Там же, лл. 213 об., 217.
[59] Там же, лл. 227—228. Материалы, ч I, № 164, стр. 360—362.

материальные претензии хана, так как находил, что подавление восстания оружием обойдется дороже.

Когда подполковник Останков, по поручению В. Н. Татищева, вел переговоры с ханом в сентябре 1737 г., предлагая ему переловить вождей движения, Абулхаир прямо заявил, что он хочет, чтобы ему было уплачено за каждого пойманного по 9 вещей — сукно на кафтан, камка, черная лисица и др. Поймать Бепеню, Мандара, Елдаша муллу и других было очень важно для В. Н. Татищева, и он отдал распоряжение увеличить количество этих вещей, не останавливаясь перед тем, что поимка каждого из вождей обойдется в 60 или даже в 100 руб., и то «убыток меньше, нежели воевать, да и пресечь войну скоряе надежно».[60]

Поздней осенью 1737 г. Абулхаир хан прибыл в Башкирию в пределы Ногайской дороги. Около этого времени здесь же появился и султан Шигай, 12—15-летний сын султана Среднего жуза Барака, претендент в башкирские ханы. Большого войска не было ни у того ни у другого. Они прибыли с небольшими группами своих людей. Количество свиты Абулхаира в источниках указывается разное, от 20 до 50 человек. В течение всей зимы 1737—1738 гг. Абулхаир находился в Башкирии. По его собственным словам, обращенным к переводчику Араслану Бекметеву, цель его пребывания заключается в том, что «он обращает ныне бунтующих башкирцов на истинной путь попрежнему в подданство Е. И. В-ва».[61]

Абулхаир хан, по характеристике В. Н. Татищева, «человек степной, и кто что скажет, легко поверя, в свою пользу неразсудно употребить хочет».[62] Храбрый воин, неплохой полководец, прославившийся своими победами над степными соседями, Абулхаир не был силен в политике и легко поддавался чужому влиянию. Не только малокультурный, но и просто неграмотный, он не всегда мог отвечать за то, что писалось от его имени. Прибыв в Башкирию, он встретился с Бепеней. Умный и изворотливый, достаточно образованный для своей среды, убежденный противник царской колониальной политики, критикующий эту политику с позиций «вольного слуги» периода феодальной раздробленности, организатор, умеющий влиять на массы, Бепеня был таким руководителем башкир, тягаться с которым Абулхаир хану было явно не под силу. Бепеня сумел заставить Абулхаира стать на свою точку зрения. Сделано это было достаточно тонко.

---

[60] Материалы, ч. I, № 154, стр. 344.
[61] Там же, № 164, стр. 360.
[62] По Кабинету, кн. 90/1167, л. 681 об.

Абулхаир прибыл по царскому указу, он подданный русской императрицы, так же как и башкиры. Вот почему вожди восставших, не отказываясь в беседах с Абулхаиром от русского подданства, обратились к нему с жалобой на притеснения местной администрации в расчете получить от него защиту. По свидетельству башкира Гирейской волости Казанской дороги Аблагузи Байгузина, посетившего Абулхаира в конце февраля — начале марта 1738 г. в волостях Ногайской дороги, башкирские вожди жаловались Абулхаиру, что «русские судьи всеми их вотчинами и землями и всякими угодьями обидили и мирских их людей раззорили и побили». Они подчеркивали, что, по их мнению, про это «всемилостивейшая государыня и не ведает. А когда б де ведать про то изволила, то б, не распрося и не разсмотря, рубить не указала». Башкиры отмечали несоответствие между указами и делами местной администрации: «русские де судьи им пишут, что их государыня в винах простила, а сами де их раззоряют и рубят, и на их вотчинных землях и на урочисчах городы строят. Чего ради они на обнадеживание русских судей и не надеются». Эта просьба о защите не могла не производить известного впечатления на хана. Абулхаир обещал свою помощь, но требовал прекращения открытой вражды. [63]

Постепенно башкирским вождям удалось привлечь Абулхаира на свою сторону. Зимой 1737—1738 гг. велись переговоры о принесении повинной, и, как уже упоминалось, руководители повстанцев ставили свои условия, из которых главными было освобождение от платежа штрафных лошадей и освобождение вождей восстания 1735—1736 гг. Когда переводчик Комиссии Башкирских дел Араслан Бекметев прибыл к Абулхаиру, последний передал ему свою просьбу, адресованную В. Н. Татищеву, «чтоб со оных бунтующих башкирцов штрафных лошадей не требовать, также содержанных башкирцов под караулом — Кильмяка абыза с товарысчи — освободить». [64]

При этой беседе Араслана Бекметева с Абулхаиром присутствовали некоторые из вождей восстания. Они отрицали даже самое право местной администрации взимать штрафных лошадей и этот штраф считали главным препятствием к принесению повинной. По свидетельству Араслана Бекметева, «Сибирской дороги из бунтующих башкирцов самой главнейшей вор Куваканской волости башкирец Бепеня Трупердин» говорил: «ежели де будет требоватца с них штрафные лошади, бутто за вины их, то де они в подданство

[63] По Кабинету, кн. 90/1167, л. 409.
[64] Материалы, ч. I, № 164, стр. 360.

Е. И. В-ва с повинною не придут, понеже де оне на себя никакой вины не признавают, а в указех и в других письмах пишут их ворами, а зачем, того они не знают». [65]

Такие разговоры не могли не производить впечатления на кочевого феодала Абулхаира. За что налагается штраф? За то, что вольные вассалы отказались от своего сюзерена. По праву периода феодальной раздробленности, в этом нет никакого преступления. Следовательно, не должно быть и наказания.

Эту мысль Абулхаир хан усвоил и настойчиво ходатайствовал перед В. Н. Татищевым об отмене взимания штрафных лошадей.

С течением времени Бепене и другим старшинам удалось полностью подчинить Абулхаира своему влиянию. Сакмарский казак Кубек Байназаров, приехавший к Абулхаиру в марте 1738 г. в урочище Верхний Кызыл с письмами от В. Н. Татищева, установил, что хан целиком зависит от башкирских старшин, выполняет их волю. Кубек вручил Абулхаиру привезенные письма. «И того же часа несколько из воров башкирцов, старшины, приехав к нему, хану, объявили, чтоб он, хан, привезенные к нему письма, не роспечатав, им показал, а чтоб они сами, роспечатав, прочли». Хан подчинился и отдал письма. Тогда «Бепеня те письма, роспечатав, ему, Абулхаир хану, и всем башкирцам прочел». Кубек был очевидцем этого факта. Кроме того, ему удалось собрать сведения, что «воры башкирцы Абулхаир хану, чтоб без ведома их куда писал, воли не дают, а куда и писать захочет, то б писал Бепеня, которые он от него и пишет». Таким образом, вся переписка Абулхаира оказалась в руках Бепени. Зависел Абулхаир от башкир и в материальном отношении. Тот же Кубек отметил, что «хан при себе имеет только 20 человек и как себе, так и людем своим писчи не имеет, а кормится, ездя по башкирским старшинам поденно. И ежели где довольно писчею станут трактовать, то тут и по две ночи начует». [66]

Чтобы крепче привязать Абулхаира к себе, заставить его служить своим интересам, башкирские старшины женили Абулхаира на башкирке. Эти сведения сообщили В. Н. Татищеву старшины Карабай-князь и Юнус-тархан. [67] Женитьба хана казалась В. Н. Татищеву «не бес подозрения и опасности», и он рекомендовал Абулхаиру ехать в Оренбург, обещая его там «лучше довольствовать», так как в Башкирии

[65] Материалы, ч. I, № 164, стр. 360—361.
[66] По Кабинету, кн. 90/1167, л. 513.
[67] Там же, лл. 213—213 об.

он имеет «недостаток к пропитанию».[68] Но В. Н. Татищев действовал осторожно. В своем доношении императрице от 4 марта 1738 г. он, ссылаясь на показания переводчика Араслана Бекметева, видел в поведении хана «не столько коварства, сколько глупости... хотя сам видит, что его башкирцы только видом почитают, а ни в чем не слушают, и он принужден токмо для пропитания у них жить». Но тем не менее, «не хотя его оскорбить», В. Н. Татищев «послал ему и ханше молодой в гостинец рублей до ста товарами и чрез его посланных приказал, чтоб он немедленно ехал в Оренбург».[69]

Башкирским старшинам удалось убедить хана взять всех башкир под свое ведение и покровительство. Воеводы стали получать ханские письма, которые производили странное впечатление на представителей местной администрации. Так, в конце марта 1738 г., уфимский воевода получил письмо Абулхаира, в котором содержалось требование: «ездясчих в город Уфу и из города не держать и не останавливать, а чювашам, черемисам, месчерякам грабить и таскать воли не дазать и Е. И. В-ва подданных беречь и охранять, государства не раззорять». Это требование мотивировалось тем, что «он, хан, с тайным советником (В. Н. Татищевым.— *Н. У.*) и полковником Тевкелевым положил, чтоб для совету к весне съехаться в Оренбург». До получения известий из Оренбурга хан запрещает брать штрафных лошадей и задерживать людей за неплатеж этого штрафа, «понеже всех четырех дорог башкирцы пришли под его, хана, ведение». Абулхаир угрожал, что если воевода «приказ ево переменит, то б на нево, хана, не пенял». Вместе с тем хан обещал отпустить «с награждением» Юсупа батыря и других послов, приезжавших уговаривать башкир принести повинную. Абулхаир, кроме того, требовал свободного движения торговых караванов из Уфы в Среднюю Азию через Башкирию и Казахские степи и гарантировал им полную безопасность. Эту безопасность он выставлял как доказательство, что Башкирия успокоилась, и «башкирцы в верности».[70]

Такое же письмо от имени Абулхаира было отправлено и полковнику Арсеньеву, находившемуся в Теченской слободе. А «верным» старшинам Сибирской дороги Таймасу тархану и другим Абулхаир послал требование, чтоб все башкиры «между собою жили в согласии и помирились». Хан сообщал, что он послал распоряжение по всем четырем дорогам, что-

[68] По Кабинету, кн. 90/1167, л. 214.
[69] Там же, л. 225 об.
[70] Там же, л. 513 об.

бы не взыскивать убытков, причиненных во время восстания. Абулхаир подчеркивает, что это он делает, выполняя свою присягу императрице. В письме к Таймасу тархану это имело особый смысл, потому что Таймас батырь участвовал в посольстве А. И. Тевкелева в Младший Казахский жуз в 1731—1732 гг. и был непосредственным свидетелем присяги Абулхаира.[71]

Нетрудно видеть, что эти письма отражают точку зрения восставших башкир, в них содержатся как раз те требования, какие предъявляли башкирские вожди. Пребывание хана в Башкирии привело совсем не к тем результатам, на какие рассчитывал В. Н. Татищев. Теперь у него возникла новая забота — поскорее извлечь Абулхаира из башкирских волостей.

Не оправдались надежды В. Н. Татищева и на посылку вождей восстания 1735—1736 гг. для уговора башкир принести повинную. Правда, и Абдулла Акаев и Юсуп Арыков пытались честно выполнить возложенное на них поручение. Но обстановка для этого не была благоприятной. Вожди восстания приветствовали их появление в своих волостях, видели в этом освобождение их из-под ареста и возвращение на родину, но не спешили итти с повинной. Когда Абдулла Акаев, прибывший к башкирам вместе с переводчиком Арасланом Бекметевым, встретился с Бепеней, последний выразил свою радость по поводу его освобождения. Он сказал: «слава де Богу, что ныне ево, Абдуллу, бог выручил ис под караулу». Сделал Бепеня и дальнейший шаг: он приглашая Абдуллу «остаться и быть с ним в товарыществе, и протенул оной Бепеня к Абдулле свою руку и просил у него, Абдуллы ж, для соединения». Такое отношение к его посольству возмутило Абдуллу. «Не дав ему руки и осердяся на ево непотребные слова», Абдулла вскочил и в присутствии хана Абулхаира и собравшегося народа, «харкнув на руку, и на нево Бепеню плюнул и сказал ему: никак де ты, Бепеня, явился между народу сам сатана, и как де ты бога не боисся и людей не стыдисся и привлекаешь де ево, Абдуллу, к себе в товарыщество». Абдулла резко осудил позицию Бепени, не признававшего за собой никакой вины и потому отказывавшегося итти с повинной. Он разъяснил, что никакого освобождения нет, и прибавил: «прислан я к вам для показания себя, понеже вы нас живыми не признавали». Абдулла может получить свободу, но только после того, как местная администрация убедится в его верной службе. Обратившись затем к народу, Абдулла пытался убедить его в необходи-

[71] По Кабинету, кн. 90/1167, л. 514 об.

мости отказаться от поддержки Бепени: «и вы, народ, ведайте себе — явился сей Бепеня между вами и хочет привести вас к последней гибели. Были де и в нашей стороне не в ево пору народ, которые, послушая таких плутов, раззорились без остатку. Может де быть, и вы приходите к тому, ежели будете слушать таких плутов». [72]

Пропасть между взглядами Бепени и Абдуллы была настолько велика, что переговоры не привели ни к чему.

Не большего успеха добился и Юсуп Арыков. Уже упоминавшийся сакмарский казак Кубек Байназаров, ездивший, по поручению В. Н. Татищева, в марте 1738 г. к Абулхаиру, встретился у хана с Бепеней и Юсупом. Кубек был свидетелем беседы между Юсупом и Бепеней. Бепеня, как и в разговоре с Абдуллой, заметил, что «же де ему, Юсупу, Уфы не видать», намекая на то, что раз Юсуп приехал в волости восставших башкир, то возвращаться в Уфу нет никакой надобности. Юсуп, как и Абдулла, ответил Бепене достаточно резко. Он заявил: «ты о себе так думаешь, для того что твоего воровства несть конца, и всякой день, как гору, на себя прибавляешь. Уже де было пора приттить в разум и от воровства перестать и народа не губить. А он, Юсуп, к ним уже для их воровства не пристанет и в город Уфу поедет». Другие башкиры, присутствовавшие при этой беседе, посоветовали Юсупу возвращаться к себе домой, что он и выполнил. [73]

Таким образом, и эти переговоры не дали никакого результата.

Но к Абдулле и Юсупу, как к вождям восстания, руководители повстанцев отнеслись с должным уважением, и хотя не послушались их, но и не причинили им никаких неприятностей. «Верные» же башкирские старшины, приезжавшие к восставшим в качестве послов В. Н. Татищева, встречали совершенно иной прием. 20 апреля 1738 г. к В. Н. Татищеву поступило письмо «верных» старшин Карабая-князя и Юнуса тархана, побывавших у Абулхаира и вождей повстанцев. Когда Карабай и Юнус прибыли к хану, туда же приехало четверо из руководителей восстания — Бепеня, Кусяп батырь, Муса Кутурчеев и Аккузя батырь. Во время беседы выяснилась коренная разница во взглядах между восставшими и «верными» старшинами. Основным пунктом расхождения было отношение к вопросу об уплате штрафных лошадей. Вожди повстанцев заготовили письмо на имя Абулхаира от лица башкир всех четырех дорог, где подчеркивали, что «они,

[72] Материалы, ч. I, № 164, стр. 361.
[73] По Кабинету, кн. 90/1167, лл. 513—513 об.

башкирцы, штрафа указного платить не будут». Вместе с тем они обвиняли Карабая и Юнуса, что последние «именем всего мира обесчали штрафных лошадей платить». Указана была и мотивировка, которую якобы приводили Карабай и Юнус в пользу необходимости платить штраф: «Нагайской дороги башкирцы штрафных лошадей все заплатили, а на Сибирской де дороге остались малое число, которые не платили», а потому, «повелено б было и с них штрафу брать для того, чтоб оные воры не возгордились». Между тем, писали восставшие старшины хану, «всемилостивейшая государыня башкирцов простить указать изволила без штрафу».

Письмо такого содержания было вручено хану. Один из повстанческих старшин, Сеит-бай заявил при этом хану, что он знает об обещании Карабая и Юнуса платить штраф от своего племянника, который был с ними в Уфе. Таким образом, восставшие старшины обвиняли Карабая и Юнуса в измене общему делу. Такая измена не могла остаться без наказания, и Бепеня, Кусяп и другие просили Абулхаира, чтоб он повесил Карабая и Юнуса. Хан был готов это сделать и держал обвиняемых «под караулом 3 дни». Но казнь не состоялась. Помешало этому корыстолюбие хана и неожиданно подошедшая помощь. Карабай и Юнус, «не хотя безвинно умереть, и для избавления себя от смерти дали хану всякого товару ценою на 200 рублев». Не успел еще хан воспользоваться этим подарком, как «свойственники» Карабая и Юнуса, приехав в количестве 70 человек, «отнели» их у хана.[74]

Таким образом, к началу весны 1738 г. В. Н. Татищев и его помощники не смогли добиться повинной от вождей восстания. Весна вызывала новые тревоги. Нужно было обеспечить выезд Абулхаира из Башкирии и не допустить возобновления активных выступлений повстанцев.

[74] По Кабинету, кн. 90/1167, лл. 520 об.— 521.

7. ВОССТАНИЕ В 1738 г.

Несмотря на то, что вожди башкирского восстания в течение всей зимы вели переговоры о принесении повинной, они не оставляли мысли о возобновлении с наступлением весны активных боевых действий. Уже в феврале 1738 г. стали поступать сведения о нападении повстанцев на отдельные населенные пункты. Правда, в этих сведениях подчеркивалось, что башкиры это делают от голода, с целью добыть хлеба. [1] Повидимому, это так было и на самом деле. Мишарь Курманай Семекеев, бежавший из башкирского плена в середине февраля 1738 г., показывал в Красноуфимске, что «воры де очень оскудали — скот весь у себя поели, и многие мрут з голоду, а другие едят валюсчие кожи (т. е. валяющиеся кожи.— *Н. У.*). И как де он шел в Красноуфинскую крепость, тогда дорогою видел башкирцов мертвых человек з 10». [2]

Обострилась также вражда между восставшими и «верными» старшинами. 4 февраля 1738 г. майор Леонтий Угримов доносил из Екатеринбурга Л. Я. Соймонову, что «у Порохового озера у верных башкирцов с ворами был бой великой... и пожитки у старшины Таймаса воры ограбили все». Через неделю он сообщал, что «воры башкирцы 2000 человек з главным Бепенею, пришед, и взяли несколько верных под неволею к себе». [3]

Но одновременно с этим вожди восстания готовились к крупным операциям против русских крепостей и собирали сведения о количестве царских войск. Универсалы о явке с повинной открывали возможность легко получить такие сведения через людей, которые приезжали якобы с повинной. Так, в конце февраля в Красноуфимской крепости было задержано трое башкир — Мухамбеть Бектебетев, Атиабай

[1] По Кабинету, кн. 90/1167, лл. 219—219 об.
[2] Там же, лл. 409—409 об.
[3] Материалы, ч. 1, № 169, стр. 369.

Зитымов и Ибрахим Мамеряков, по подозрению в шпионстве. Задержанные были доставлены в Кунгур.

Допрошенные в Кунгуре, они сразу же показали, что приехали «с совету всех главных бунтуюсчих башкирцов — Мандара, Бепени и Тюлкучюры». Из этих показаний удалось установить, что башкиры намерены весной напасть на Красноуфимск, Кунгур, Уфу, Чебаркульскую крепость и другие населенные пункты. Сейчас же их движение задерживается тем, что «кони худы». Кунгурский воевода подполковник Е. Мазовский велел пытать задержанных башкир. Наиболее подробные показания под пыткой дал Атиабай Зитымов. По его словам, «подлинно воры башкирцы в подданстве быть не хотят, а хотят с Казачьей ордой сообсчитца вместе. И хотя которые ныне и у курану были и штраф платили, но и те на оных же главных воров полагаются и с ними вторично хотят сообсчиться и воровать. А как он, Атиабай, от тех воров башкирцов в Красноуфинскую крепость поехал, то воры башкирцы велели в той крепости проведывать таких вестей, что скоро ли руская сила для поиску над ворами башкирцами пойдет, и сколько того руского войска имеетца, и что в той крепости делаетца». Таким образом, вожди башкирского движения, готовясь к новому выступлению, желали получить сведения о количестве русского войска, о времени его выступления в поход и о состоянии крепости. Чтобы не возбудить подозрения у местной администрации, вожди восстания, посылая Атиабая, велели ему «сказыватца, якобы пришел для платежа в штраф лошедей и для покупки хлеба», т. е. Атиабай и его товарищи посылались в качестве шпионов. Это не было единичным случаем. Если В. Н. Татищев и другие представители местной администрации постоянно посылали татар, мишарей и «верных» башкир «для проведыванья», что делается в лагере восставших, то точно так же поступали и повстанцы. Тот же Атиабай показал, что башкиры Балакчинской волости «какие вести из города Кунгура услышат, то для объявления к ним, ворам башкирцам, ездят по 2 и по 3 человека и обо всем им, ворам, сказывают».[4] Уфимский воевода С. В. Шемякин докладывал в декабре 1737 г. на совещании в Самаре, что «в городе Уфе шатаютца между дворов иноверцы и кормятца работою своею у обывателей по найму, а оные доброжелательные ль или шпионы, о том познать невозможно».[5] Уфимский воевода расписывался в своем бессилии отличить шпиона от не шпиона и был готов запретить наем таких работников.

---

[4] По Кабинету, кн. 90/1167, лл. 409 об.— 410.

[5] По Оренб. губ., кн. 3/134, л. 844.

Так или иначе, а обе стороны — и повстанцы и местная администрация — внимательно следили друг за другом.

11 марта командир Казанского полка полковник Усов донес Л. Я. Соймонову, что из допроса двоих шпионов он узнал, что в различных волостях Сибирской и Осинской дорог сосредоточено около десяти отрядов повстанцев численностью от 150 до 480 человек каждый, причем «объявленные воры все в одном согласии з главными бунтовщиками Пепеней, Мандаром, Толкучюрой и Кусяпом, имеют намерение, чтоб итти для раззорения верных башкирцов и мещеряцких деревень, а потом нападение чинить на росийское войско». [6]

Сведения о подготовке башкир к новому выступлению поступали и из других источников. Полковник Мартаков, заменявший уфимского воеводу, доносил 12 марта 1738 г. В. Н. Татищеву о поездке в Башкирию сакмарского казака ногайца Кубека, который сообщил капитану Батову в Табынске, что «Сибирская дорога (т. е. башкиры Сибирской дороги.— *Н. У.*) намерение положила паки бунтовать, к чему и готовятца... Також которые и платили в штраф лошедей, тем воры башкирцы угрожают — ежели к ним, ворам, не сообсчатся, всех вырубить... Главные же оному возмусчению — Кусеп, Пепеня, Джиангул, Аккузя». [7] Башкир Кущинской волости Сибирской дороги Каремкул Мняшев около этого же времени показывал в Красноуфимске, что вожди восстания Мандар, Тюлкучура и Чураш сосредоточили в Айлинской волости до 4000 человек, и Тюлкучура уже ходил разорять мишарские деревни Осинской дороги, а другой отряд ходил в Зауралье. Башкиры собирались повторить эти набеги. Вожди восставших привлекали к себе сторонников распространением слуха, что «штрафу с них за воровство требуется з двора по лошеди, по корове и по мальчику, и повсягодно по одной лошеди». Эта агитация имела успех. Встревоженные такими слухами башкиры «в подданство иттить не хотят». [8]

Но ранней весной крупных выступлений и нападений на русские крепости не было, и В. Н. Татищев не терял надежды, что башкирское движение «к весне окончится». Он твердо стоял на тех условиях, какие поставил башкирам еще зимой. Башкирские вожди требовали отмены взимания штрафных лошадей, но В. Н. Татищев не сдавался и в своем полуофициальном письме к кабинет-министрам графу А. И. Остерману и князю А. М. Черкасскому от 29 марта 1738 г. писал:

[6] Материалы, ч. I, № 169, стр. 370.
[7] По Кабинету, кн. 90/1167, лл. 411—411 об.
[8] Там же, лл. 412 об.— 413.

«да и не весьма за полезно такие ворам уступки быть разумею...» потому что «слабые с ними поступки... смелость им к договорам подают».[9]

Более трезво, со своей точки зрения, смотрел на дело Л. Я. Соймонов. 5 апреля 1738 г. он доносил в Кабинет, что в Башкирии все пока спокойно, но поскольку Сибирской и Ногайской дорог «главные воры башкирцы с повинною еще не явились», то нужно принимать более решительные меры, и он не рассчитывает, «чтоб без искоренения их привести к спокойству». «Чего ради я,— добавляет Л. Я. Соймонов,— как скоро трава покажется, со всею своею командою на них пойду от Уфы и от Табынска, а с сибирской стороны предложу к полковнику Арсеньеву, чтоб он чинил над ними поиск, а с Яицкой стороны имеет с командою итти тайной советник Татисчев».[10] Таким образом, по мнению Л. Я. Соймонова, только введение русских войск в глубь Башкирии и «искоренение» повстанцев способно прекратить восстание. Переговоры о повинной, которые длились целую зиму, не дали никаких результатов, так как ни та ни другая сторона не шла ни на какие уступки.

В апреле и мае начались активные выступления восставших башкир, и движение вновь охватило почти всю территорию Сибирской и Ногайской дорог.[11]

Это очень серьезно обеспокоило В. Н. Татищева. 9 мая 1738 г. он не без горечи доносил императрице: «о успокоении башкирцов, паче всякого чаяния, весь мой должной труд уничтожился, и они начали новые нападениа чинить». Это поколебало твердость В. Н. Татищева, и он стал склоняться к мысли об отмене штрафных лошадей. Не будучи твердо уверен в действительности этой меры, он тем не менее написал Л. Я. Соймонову, «чтоб он чрез посторонних людей велел им (т. е. башкирам.— *Н. У.*) дать знать — если они пришлют знатных людей и будут о том просить, то б обнадежили, что штраф снимется». Отмену штрафа он ставил в зависимость от согласия Л. Я. Соймонова. Но у В. Н. Татищева не было твердой уверенности, что именно так следует поступить. В том же доношении императрице он отмечал, что в глубине души стоит за крутые меры: «а междо тем нет инаго способа, что их силою к покорности принудить, для которого я писал неоднократно к генералу-майору, чтоб как наискоряе сам выступил».[12]

---

[9] По Кабинету, кн. 90/1167, л. 415.

[10] Там же, л. 502.

[11] Там же, лл. 556 об.— 557, 569 об., 578, 595—599, 684—685. Материалы, ч. I, № 169, стр. 370—372.

[12] По Кабинету, кн. 90/1167, лл. 537—537 об.

Эта неуверенность и колебания в выборе средств для прекращения башкирского движения объяснялись настойчивым стремлением В. Н. Татищева ликвидировать восстание к весне 1738 г. Личные и притом не бескорыстные мотивы играли здесь далеко не последнюю роль. Ведь царским указом от 15 февраля того же года ему было обещано, что «на убранство и на стол в прибавок пристойная сумма пожалована будет»,[13] если ему удастся прекратить башкирское восстание к весне 1738 г. Эту «пристойную сумму» В. Н. Татищев стремился получить. Он был далеко не равнодушен к разного рода материальным благам, чем резко отличался от своего предшественника И. К. Кириллова. «Пристойная сумма» ускользала из рук, и В. Н. Татищев был готов любой ценой ликвидировать башкирское восстание, лишь бы заполучить эту сумму.

А тут возникли еще крупные осложнения с казахским ханом Абулхаиром. Хана удалось вызвать из Башкирии. Но следы его деятельности в башкирских волостях давали себя чувствовать.

В середине апреля 1738 г. Абулхаир хан в сопровождении башкир — участников восстания приехал под Оренбург. Это встревожило коменданта Оренбурга майора Григория Лукича Останкова, и он донес В. Н. Татищеву, что «Абулхаир хан весьма непорядочно поступает — привел с собою воров-башкирцов немало, а к тому прибывает, и вскоре немалого числа со главными ворами ожидают». «Непорядочность» поступков Абулхаира выразилась в том, что он стал явно на сторону восставших и начал притеснять башкир, сохранявших верность правительству: «по челобитью оных воров, забрал Абулхаир хан многих верноподданных башкирцов и правит на них скот и протчее, не приемля оправдания, и на себя велит штраф платить». Г. Л. Останков велел сказать хану, что «ему по челобитью воров суда давать не надлежит, но он де хан, выняв саблю, сказал: город де мой и для меня построен. А кто не послушает, тому голову отрублю!»[14]

Г. Л. Останков указывал Абулхаиру на свои сомнения в том, что башкиры, сопровождающие хана, находятся в верности, «потому что они у присяги не были, курана не целовали ж и штрафных лошадей не платили». Но хан не хотел слушать никаких доводов и продолжал притеснять «верных», требуя, чтоб «они конечно (т. е. окончательно.— *Н. У.*), что изменники на них показывают, все б того дня отдали, докамест не прибыли сюда киргиз-кайсацкие ево орды». При этом

---

[13] По Кабинету, кн. 90/1167, л. 415.
[14] Там же, л. 523.

хан угрожал, что после прибытия казахов никому из «верных» не удастся спастись.[15] В таком тоне Абулхаир разговаривал с оренбургским комендантом, а В. Н. Татищеву писал, что с успехом выполнил поставленную ему задачу: «положенные на меня башкирские дела окончал и с повинною привел. А как прибудете сюда, то изволите сами усмотреть».[16]

В. Н. Татищев отвечал осторожно: он известил хана о доношении Г. Л. Останкова, свидетельствовавшем о «непорядочных» поступках хана, подчеркнув при этом, что таких сообщений он не может признать «за истину». Но в то же время посоветовал хану, как своему «другу», чтоб он отдавал себе отчет в своих поступках, «ис чего б какой непристойности не произошло».[17]

В. Н. Татищев имел все основания опасаться такой «непристойности». В его руки попала копия с письма, какое отправили Абулхаиру 27 апреля 1738 г. Бепеня, Акка мулла, Тюлкучура и другие вожди движения. Поставив хана в известность о своих успехах в борьбе с «верными» башкирами, они отмечали, что осталась еще только одна деревня непокорных, для ликвидации сопротивления которой нужна ханская помощь. Интересен тон, в каком пишут башкирские вожди Абулхаиру. Они рассчитывают на более широкую помощь с его стороны, хотя твердой уверенности в этом у них нет: «ты нас, верных рабов, знаешь, потому что ты — царь наш. Приди и от вышеозначенных воров силою своею нас оборони и силу свою им окажи». Правда, они не вполне уверены, что хан именно так и поступит, поэтому в конце письма прибавляют: «а буде ты к нам не будешь, то мы на вас ненадежны будем».[18]

Это письмо позволяет вскрыть сущность тех взаимоотношений, какие сложились между башкирскими вождями и ханом во время пребывания Абулхаира в Башкирии. Бепеня, носитель идеи феодального отказа от русского подданства, нашел, наконец, в лице Абулхаира достаточно сильного сюзерена, который согласился принять башкирских феодалов под свое покровительство. Правда, он не вполне свободный владетель: он сам недавно принял русское подданство. Отсюда некоторая неуверенность в том, что хан сможет оправдать надежды башкирских вождей. Чтобы побудить хана к более решительным действиям, Бепеня пытается подогреть его честолюбие, подчеркивая, с одной стороны, его силу и мощь и с другой — полную покорность башкир его воле.

---

[15] По Кабинету, кн. 90/1167, лл. 527—527 об.
[16] Там же, л. 533.
[17] Там же, л. 534.
[18] Там же, лл. 554 об.— 555.

Все это не могло не производить впечатления на Абулхаира. Он согласился дать башкирам отдельного хана, решив послать к ним своего сына Ходжи-Ахмета. Чтобы поднять значение нового башкирского хана, Абулхаир, по согласию с восставшими старшинами, решил отправить в свои кочевья особое посольство за Ходжи-Ахметом. Во главе посольства направлялся влиятельнейший из повстанческих вождей Ногайской дороги батырь Кусяп Салтангулов. С этой целью Кусяп в середине апреля 1738 г. приехал к хану под Оренбург. [19]

Оренбургский комендант Г. Л. Останков своевременно об этом узнал и поставил себе целью не допустить посольства и захватить Кусяпа. При помощи ахуна Мансура Абдрахманова, состоявшего в должности учителя и переводчика при сыне Абулхаира султане Эрали, находившемся в аманатах в Оренбурге, ему это удалось. 19 апреля ахун Мансур явился к Абулхаиру с приглашением посетить на следующий день Оренбург, так как 20 апреля «Е. И. В-ва будет в городе торжественны праздник». Это было придумано для того, чтобы заманить в Оренбург Абулхаира и находящихся при нем башкирских старшин, которые также приглашались принять участие в празднестве. Хан как будто согласился. Неуверенный в том, что хан не обманет, ахун Мансур вновь явился к нему утром 20 апреля с повторным приглашением. Хан стал собираться. Заподозрив неладное, хан потребовал от ахуна присяги в том, что «нет ли чего у маиора про Кусяпа речей, и ежели поедет и он в город, не учинит ли ему что». Верный слуга царского правительства, Мансур не остановился перед клятвопреступлением и «присягнул, что подлинно об нем не слыхал и, надеюсь, ничего не учинит». Абулхаир поверил и поехал в Оренбург со свитой в 20 человек, в состав которой входил и Кусяп. Как только гости прибыли в Оренбург, Кусяп и еще трое башкир были немедленно схвачены и заключены под стражу. [20]

Ахун Мансур в письме к А. И. Тевкелеву объяснял, что своим клятвопреступлением он только заплатил за тот обман, какой видел от башкир: «я, з господином маиором (Г. Л. Останковым.— *Н. У.*) посоветовав, многими словами ложными, под присягою обманули, для того что они, воры, нас третей год обманывают и разоряют». [21]

Пойманный Кусяп держался во время допроса с большим достоинством. Своего участия в восстании он не отрицал.

[19] По Кабинету, кн. 90/1167, лл. 539 об.— 540.
[20] Там же, лл. 540—540 об.
[21] Там же, л. 539 об.

На вопрос Г. Л. Останкова, когда он примкнул к восстанию и где именно, Кусяп ответил: в 1736 г., когда карательные экспедиции разорили Башкирию. «И с того времени,— продолжал Кусяп,— я, Кусяп, с изменниками вместе при всех нападениях на российские войски и городы был и верноподданных башкирцов и других иноверцов разорял. А где имянно, о том всем известно. И был при тех изменниках я главным старшиною», вместе с другими крупными вождями Кильмяком, Бепеней и прочими, которых Кусяп назвал поименно.

Не скрыл он и своих дальнейших планов. Он подробно рассказал о том, что когда Абулхаир был в башкирских волостях и встретил там Шигая, сына султана Барака, то он посоветовал башкирам отпустить Шигая обратно к отцу. Вместо Шигая Абулхаир предлагал башкирам взять сына его «Кузяхметя (Ходжи-Ахмета.— *Н. У.*) в салтаны». По прибытии Кусяпа к Оренбургу Абулхаир стал ему говорить, чтобы он «поехал в Киргизские орды и сына ево Кузя-Ахметя взял». Отъезд этого посольства был намечен на 21 апреля. 20 апреля Кусяп был схвачен, и эта поездка расстроилась.[22]

Чтобы поимка Кусяпа не напугала других вождей восстания и не помешала их явке с повинной, нужно было как-то объяснить башкирам, почему задержан Кусяп. Поэтому ахун Мансур написал от имени Кусяпа письмо повстанческим вождям Ногайской дороги — Сеит-баю, Рысай-баю и другим с приглашением поскорее принести повинную, так как Кусяп задержан только до их явки.[23]

Поимка Кусяпа раскрыла полностью и планы Абулхаира. Чтобы предупредить возмущение хана, В. Н. Татищев отправил ему письмо, «в ласкательных терминах». Сообщая Абулхаиру, что до него дошли сведения о том, что майор Останков захватил Кусяпа у хана, В. Н. Татищев ставил Абулхаира в известность о своем распоряжении оренбургскому коменданту немедленно и подробно донести, в чем дело. При этом В. Н. Татищев обещал, что «если оное с обидою учинено, то винной без наказания оставлен не будет». Одновременно с этим в другом своем письме, адресованном Г. Л. Останкову, он выражал свою радость по поводу поимки Кусяпа: «оное весьма изрядно учинили». Предупредил В. Н. Татищев Г. Л. Останкова и о своем письме к хану с обещанием «виноватого наказать», но тут же прибавлял: «но вы в том не

[22] По Кабинету, кн. 90/1167, лл. 541—542 об.
[23] Там же, лл. 555—555 об.

опасайтесь. Ко мне же немедленно о всем, как их взяли и что потом последовало, немедленно пиши, а оных воров (т. е. Кусяпа и задержанных с ним башкир.— *Н. У.*) накрепчайше содержи».

Опасаясь, что поимка Кусяпа неблагоприятно отразится на настроении других повстанческих вождей, В. Н. Татищев рекомендовал Г. Л. Останкову «разговором дать знать» Абулхаиру, что «если от воров знатные присланы будут просить о съеме штрафа, то им обесчай, что я могу зделать, и чтоб Кусяп о том писал».

Желание во что бы то ни стало ликвидировать восстание заставляло В. Н. Татищева итти на дальнейшие уступки. Он соглашался отказаться от явки вождей восстания к местным властям: «чтоб оные безопасны были, то могут они у Абулхаир хана быть». Окончательное устройство всех этих дел он откладывал до своего личного приезда и намеревался 15 мая выехать из Самары в Оренбург.[24] А пока В. Н. Татищев рекомендовал осторожную политику по отношению к хану, так как ожидалось прибытие под Оренбург большого количества казахов и линия их поведения была неясной.

Когда казахи прикочевали к Оренбургу, Абулхаир «представлял» казахским старшинам «о соединении с ворами и о разорении Оренбурга», но получил резкий отпор. Влиятельный старшина Среднего жуза Джанибек батырь, кочевавший вместе с Абулхаиром, «его, хана, весьма поносно бранил за то что он..., в Башкирь ходя, ничего добраго не зделал и есче де более возмусчал и возмусчает». Казахским старшинам стало известно, что Абулхаир, «согласясь с салтанами, послали к башкирцам 10 человек, чтоб, башкирцов призвав, Оренбург разорить». «Главные киргизские старшины» Джанибек и Букенбай батыри, оба сторонники русской ориентации, в свое время повлиявшие на решение Абулхаира принять русское подданство, не изменили своей позиции и на этот раз. Они «положили на том, что если воры башкирцы к ним приедут, то, переловя, отдать в Оренбург».[25] С мнением этих старшин Абулхаир не мог не считаться. Когда В. Н. Татищев летом 1738 г. лично увиделся с Абулхаиром и познакомился с его окружением, то он «выразумел», что хана «мало и слушают, а более всех силы имеют Средней орды Жаныбек (Джанибек.— *Н. У.*) батырь да Чюрек бий, а в Меньшей — Букенбай батырь и несколько других... на оных более, нежели на ханов и салтанов надеяться можно».[26]

---

[24] По Кабинету, кн. 90/1167, лл. 547—547 об.
[25] Там же, л. 562 об.
[26] Там же, лл. 696 об.— 697.

Позиция этих старшин определялась пониманием реальной обстановки в степи, учетом той опасности, которая грозила казахским жузам со стороны Джунгарии. Джунгарские владельцы не раз разоряли казахов. Джунгарская опасность была одной из причин, повлиявших в свое время на решение Абулхаира принять русское подданство. В 1738 г. отношения казахских жузов с Джунгарией вновь обострились. Оренбургскому коменданту Г. Л. Останкову стало известно, что к казахам присланы «от зюнгорского (Джунгарского.— *Н. У.*) владельца Голдан-Чирина (Галдан-Церена.— *Н. У.*) посланцы с требованием, чтоб все их возвратили (т. е. возвратили имущество, захваченное во время взаимных набегов.— *Н. У.*). А оной де Галдан-Чирин около Ташкента Большую Киргиз-Кайсацкую орду раззорил и от Ташкента отогнал, которая де також к Оренбургу прикочевала».[27] Когда назревали осложнения с Джунгарией, ссориться с Россией было явно невыгодно. Абулхаир этого, видимо, не понимал. Решительное поведение Джанибека и Букенбая помогло хану разобраться в его собственной политике. В. Н. Татищев впоследствии констатировал, что хотя башкирские вожди хана «на многие противные поступки привели, но как о том Жаныбек батырь уведал, то немедленно его отвратил и, повидимому, в верности укрепил».[28]

Так или иначе, а Абулхаир к июню 1738 г. перестал поддерживать башкирское движение и спокойно дожидался прибытия В. Н. Татищева в Оренбург. В. Н. Татищев собирался очень долго, желая обставить свой приезд большой пышностью. Эти долгие сборы вызвали указ императрицы от 22 июня 1738 г. со строгим выговором В. Н. Татищеву за то, что его чрезмерная медлительность в Самаре повлекла за собой возобновление башкирского восстания и поддержку этого движения Абулхаиром.[29] Действительно, В. Н. Татищев прибыл в Оренбург только к началу августа, т. е. тогда, когда активные выступления башкир уже почти прекратились и часть вождей принесла повинную.[30]

Между тем начальник Комиссии Башкирских дел Л. Я. Соймонов действовал более энергично. Как уже упоминалось, он выступил из Мензелинска 10 мая и 19 июня уже прибыл в Табынск. Вождям восстания Ногайской дороги Сеитбаю и Рысай-баю предстояло решить вопрос — продолжать ли восстание или итти с повинной? Этот вопрос требовал

[27] По Кабинету, кн. 90/1167, л. 562 об.
[28] Там же, л. 681 об.
[29] Там же, лл. 581—588.
[30] Там же, лл. 604—605.

срочного решения. Л. Я. Соймонов со своими войсками находился в Табынске, в непосредственном соседстве с их кочевьем. А что значит его прибытие, они очень хорошо знали по опыту прошлого, 1737, года, когда они были «много раззорены, и несколько деревень их позжено». Вот почему они, ожидая Л. Я. Соймонова, «в великом страхе находились». Опасаясь задержки и сурового наказания, они не спешили с личной явкой, а посылали «своих свойственников и сыновей» и навстречу Л. Я. Соймонову, когда он шел к Табынску, и в Табынск, с целью узнать, не будут ли они задержаны, если явятся сами. Л. Я. Соймонов отпускал этих послов обратно и требовал личной явки. Сеит-бай и Рысай-бай продолжали сомневаться. Чтобы рассеять эти сомнения, они обратились к Л. Я. Соймонову с просьбой выслать им навстречу за 10 верст до Табынска «по древнему их здешнему обыкновению, одного дворенина с подьячим и толмачем, при которых они хотели... в винах своих приносить повинную и требовать всемилостивейшего просчения и, чтоб впредь быть в верности, присягать». Л. Я. Соймонов отказал в этой просьбе, вновь потребовал личной явки и назначил трехдневный срок для такой явки, угрожая, что если они не явятся, пойти против них «вооруженною рукою». Башкирские вожди почти сдались. Они лишь просили, чтобы Л. Я. Соймонов прислал к ним своего переводчика.

Эта просьба была уважена — переводчик Л. Я. Соймонова Шафей Янайдаров отправился к старшинам Ногайской дороги, и в его сопровождении «Сеит-бай 22-го в 20 человеках, 23-го чисел (июня 1738 г.— *Н. У.*) Рысай-бай в 80 человеках, с своими братьями, сыновьями и с протчими свойственниками и подлым народом,— доносил Л. Я. Соймонов императрице,— у меня в Табынске явились и просили от В. И. В-ва в винах своих просчения».

Обстоятельства, сопровождавшие принесение повинной Сеит-баем и Рысай-баем, показывают, как мало башкирские вожди доверяли представителям царской администрации, и только страх перед окончательным разгромом их кочевий и поголовным истреблением населения заставил их явиться с повинной. Л. Я. Соймонов в беседе с ними подчеркнул, что «за их многое воровство и бунт» они «никакого помилования хотя и недостойны», но тем не менее императрица «матерински сожалея о своих подданных», их прощает. Понятно, дело было, конечно, не в «материнской жалости», а в том, что восстание требовало присутствия в Башкирии значительного количества войск, а они были нужны для действующей армии, в это время шла война с Турцией. Быстрейшая ликвидация башкирского восстания была крайне необходима, и правительство

требовало умиротворения края любыми средствами — и карательными экспедициями и призывами принести повинную.

Сеит-бай и Рысай-бай были первыми из крупных вождей восстания 1737—1738 гг., которые решились на добровольную явку. Л. Я. Соймонов отметил в своем доношении императрице и то, какое впечатление произвел на башкирских вождей указ о прощении: Сеит-бай и Рысай-бай «весьма стали быть веселы и тех же чисел от меня паки поехали в горы для высылки по волостям подлой народ (т. е. рядовых башкир.— *Н. У.*), чтоб приходили и штрафных лошадей приводили». За пять дней со времени прибытия Л. Я. Соймонова в Табынск, т. е. с 19 по 24 июня, к нему «явилось мужеска полу 140 человек». Это было крупной победой, но Л. Я. Соймонов прекрасно понимал, что это только начало, и до полного умиротворения Башкирии еще далеко. Поэтому сам он остался в Табынске, откуда и стал посылать карательные отряды в разных направлениях. В частности, он отправил крупный отряд в 3000 человек на реку Ай, под командой майора Казанского драгунского полка Люткина, которому велел «искоренять» башкир Сибирской дороги, если они не явятся с повинной. [31]

Принесение повинной крупнейшими вождями Ногайской дороги рождало надежду у представителей царской администрации на то, что скоро удастся успокоить всю Башкирию, тем более, что начался некоторый раскол и в рядах восставших башкир Сибирской дороги. Во всяком случае в конце июня В. Н. Татищеву обстановка в Башкирии казалась благоприятной. В своем доношении императрице от 28 июня из Сакмарска, где он остановился на пути в Оренбург, он писал: «ныне видимо, что уже они (т. е. башкиры.— *Н. У.*), совершенно всю противность оставляя, все главнейшие — частью к генералу-майору (Л. Я. Соймонову.— *Н. У.*), частию на Сибирскую сторону пошли со штрафными лошадьми». Вместе с тем В. Н. Татищев отмечал и ту положительную роль, какую сыграл Юсуп Арыков, отпущенный в башкирские волости. Юсуп «с великою ревностью» убеждал башкир итти с повинной. Поделился В. Н. Татищев с императрицей и своими дальнейшими планами по отношению к восставшим башкирам и их стремлению принести повинную: «я же видя сие (т. е. частичную явку с повинной.— *Н. У.*) намерен всех главных свободно отпусчать, а в штрафных лошадях принуждать». Колебания В. Н. Татищева в вопросе о штрафных лошадях кончились: он вновь вернулся к своей

---

[31] По Кабинету, кн. 90/1167, лл. 604—606 об.

прежней точке зрения — что уплата штрафных лошадей — непременное условие принятия повинной.[32]

В середине июня некоторые из вождей Сибирской дороги возобновили свои переговоры о повинной. Елдаш мулла прислал в Уфимскую провинциальную канцелярию письмо с просьбой подтвердить указ о прощении участников восстания. В ответ ему был послан «указ с таким объявлением, что они чрез посланных обесчают приттить с повинною, то б не чрез пересылки и слова о том приказывали, но самым бы делом то показали», т. е. явились бы лично. С таким указом к ним был отправлен один из уфимских дворян. Башкирские вожди, в частности Тюлкучура, Мандар, Алландзиангул и другие ответили новым письмом с сообщением, что «они тому указу все обрадовались», и просили, как и старшины Ногайской дороги, послать дворянина с указом внутрь их кочевий. Двое башкир, присланных с этим письмом, сообщили, что у Елдаша муллы было собрание старшин, на котором принято решение принести повинную. Что же касается вопроса о штрафных лошадях, то и здесь старшины Сибирской дороги пошли на известную уступку: «а о штрафных лошадях положили — как де на Ногайской дороге башкирцы поступать будут, так и они». Башкиры Ногайской дороги, как уже упоминалось, платили штрафных лошадей.[33]

Таким образом, многие из видных старшин Сибирской дороги были готовы принести повинную. Но это решение не было единодушным. Главный вождь всего движения Бепеня в нем не принимал участия. Да и другие вожди колебались. Почти одновременно с этими переговорами о повинной начались новые активные выступления. Повстанцы совершили нападение на Кунгурский уезд, на некоторые деревни под Уфой и в Зауральской Башкирии.[34] Но обстановка для таких активных выступлений была неблагоприятной. В начале июня полковник Арсеньев, командовавший русскими войсками в Зауральской Башкирии, отправил в горы подполковника Оренбургского драгунского полка Бахметева с отрядом регулярных и нерегулярных войск общей численностью до 2500 человек. Башкиры в свою очередь выставили отряд более 2000 человек. Но ни той, ни другой стороне не удалось добиться решительного успеха. Башкиры уступали в вооружении. Русские войска, хотя имели в своем распоряжении даже артиллерию (4 пушки и 2 мортиры), тоже не смогли пробиться к центру кочевий айских башкир, «за неспособным

---

[32] По Кабинету, кн. 90/1167, л. 612.
[33] Там же, лл. 642—642 об.
[34] Там же, лл. 640 об., 643, 650 об.

и тесным проходом», и были вынуждены вернуться назад.[35] Но тем не менее многие из башкирских вождей убедились, что дальнейшая борьба бесперспективна, и полковник Арсеньев смог вскоре донести В. Н. Татищеву, что «Сибирской дороги из башкирцов знатные люди к присяге приходить зачали, и было де оных 14 человек».[36]

Войска полковника И. С. Арсеньева наступали на башкир Сибирской дороги с востока, отряд майора Люткина, отправленный Л. Я. Соймоновым из Табынска, теснил их с юго-запада. Башкиры попытались оказать сопротивление и им, но безуспешно. Л. Я. Соймонов доносил, что нападение башкир было отбито, и «деревень несколько тех противников вызжено».[37] Такое же показание дал в 1739 г. и один из вождей восстания — Тюлкучура. По его словам, «когда российское войско в их жилища по Аю вступило, то Чюраш, Мандар, Сияргул, Чючкин з башкирцами нападение чинили, точию российское войско одолеть не могли».[38]

Тогда башкирские вожди решили принести повинную. 17 августа 1738 г. Л. Я. Соймонов писал В. Н. Татищеву, что «из главных воров Сибирской дороги Мандар, Тюлкучюра, Елдаш мулла с товарисчи, кроме вора Бепени, у него для принятия указов явились, которые того ж числа отпусчены».[39]

Таким образом, к середине августа 1738 г. большинство главных вождей восстания «примирилось» с царским правительством. Сеит-бай, Рысай-бай, Елдаш мулла, Мандар и Тюлкучура принесли повинную. Кусяп батырь повинной не принес, но он был пойман и находился «за караулом» в Оренбурге. Оставался один Бепеня, который пока не имел склонности итти с повинной. Даже больше. Когда вожди башкир Сибирской дороги явились к Л. Я. Соймонову в Табынск и принесли повинную, Бепеня послал своего сына Баязита к султану Среднего Казахского жуза Бараку просить помощи против царских войск. Это была последняя попытка, заранее обреченная на неудачу, так как поведение влиятельных старшин Среднего жуза, в частности Джанибека батыря, помешавших Абулхаиру поддержать башкирское движение, со всей очевидностью свидетельствовало, что никакой помощи Бепеня не получит от казахов. Так в действительности и произошло. Прибыв в кочевья казахов, Баязит и сопровождавшие его лица попали прежде всего в юрты

[35] По Кабинету, кн. 90/1167, л. 651.
[3] Там же, л. 651 об.
[37] Там же. л. 731.
[38] Там же, кн. 106/1183, л. 488.
[39] Там же, кн. 90/1167, л. 742.

Джанибека батыря. Джанибек поинтересовался, с какой целью они едут к Бараку. Башкиры ответили: «мы де полк руской розбили и приехали к вам, сказав, от вас помосчи просить». Этот ответ показался Джанибеку очень странным, и он возразил: «по всему видно, что вы воры: уведав, что мы уже присягу Е. И. В-ву учинили, хотите и нас такими же ворами зделать, как сами. И еслиб де вы руское войско разбили, то для чего вам суда, как победителям, бежать и помосчи просить?» Джанибек и другой влиятельный старшина, Чюрек бий, по взаимному согласию «их воров, ограбя, розобрали по рукам». Одновременно с этим они отправили своих послов к В. Н. Татищеву с вопросом, «куда их (т. е. задержанных башкир.— *Н. У.*) девать». В. Н. Татищев распорядился, чтоб эти пленники были присланы к нему.[40]

Таким образом, позиция Бепени была совершенно ясна В. Н. Татищеву. Последний отлично понимал, что пока Бепеня продолжает борьбу, ни о каком умиротворении Башкирии не может быть и речи. Поэтому В. Н. Татищев, отступая от ранее данного обещания, писал Л. Я. Соймонову, чтоб немедленно задержать Бепеню, если он явится с повинной. Отводя упрек, какой ему могли сделать по этому поводу башкиры, В. Н. Татищев рекомендовал: «По удержании его (т. е. Бепени.— *Н. У.*) тотчас всем старшинам объявить указом, что оной хотя своим возмусчением великие беды всем башкирцам поделал, и много людей невинных погубил, но оное ему, как и протчим, по указу Е. И. В-ва отпусчено быть имело». Но поскольку Бепеня после принесения повинной почти всеми старшинами сделал новую попытку поднять восстание при помощи казахов, то он «до указа Е. И. В-ва задержан. И от того никому ничего бояться нет притчины».[41] В. Н. Татищев подчеркивает, что задержанию подлежит только один Бепеня, как наиболее упорный и последовательный противник царской администрации. Поимка Бепени ставилась непременным условием ликвидации башкирского восстания. Об этом заботился В. Н. Татищев, к этому прилагали свои усилия Л. Я. Соймонов и полковник И. С. Арсеньев.

В руках В. Н. Татищева уже находился самый крупный из вождей восставших башкир Ногайской дороги Кусяп батырь Салтангулов. Закончив свои дела в Оренбурге, В. Н. Татищев поехал осенью 1738 г. в Самару, захватив с собой и Кусяпа. Абулхаир хан во время своих встреч с В. Н. Татищевым в Оренбурге неоднократно ходатайствовал об освобождении Кусяпа. В. Н. Татищев не исполнил этой просьбы и

[40] По Кабинету, кн. 90/1167, лл. 754 об.— 755 об.
[41] Там же, л. 742 об.

принял решение казнить Кусяпа. Это свое решение он в доношении Сенату от 5 октября 1738 г. мотивировал тем соображением, что «верные старшины о казни оного (т. е. Кусяпа.— *Н. У.*) прилежно просили представляя, что если сей и Бепеня кажнены не будут, то никогда совершенного спокоя надеяться не можно». Самая казнь состоялась 9 сентября в Сакмарске, где В. Н. Татищев временно остановился по пути в Самару.

Кусяп батырь умер мужественно и гордо. Он отказался давать какие бы то ни было показания перед казнью, хотя В. Н. Татищев и очень желал их получить.

В. Н. Татищев следующим образом описывает свой разговор с Кусяпом у виселицы: «при собрании многих башкирцов оному Кусяпу я говорил, какую он ис того пользу имел, для чего такой бунт начали, и какую надежду, кроме погибели, имели. На то он сказал мне: „ты говори, что хочешь, а мне уже говорить нечего — знаю, что умереть надобно для того только, что мне не удалось, и глупой народ меня не послушал“. И хотя прилежно далее спрашивал, но ничего, кроме злой свирепости, не допытался».

Кусяп батырь не пожелал разговаривать ни о целях движения, ни о своих планах. Он только выразил сожаление о неудаче восстания и с этим сожалением ушел в могилу.

Не добившись ничего от Кусяпа, В. Н. Татищев приказал его повесить.[42]

Бепеня понимал безвыходность своего положения. Он знал, что по существу остался один. Его соратники принесли повинную. Он ждал возвращения сына, поехавшего за помощью к казахам. Со всех сторон к нему поступали призывы ехать с повинной. Полковник И. С. Арсеньев присылал к нему своих послов с предложением явиться к курану. Этого же добивался и подполковник Астраханского драгунского полка Хрущов, отправленный на Ай Л. Я. Соймоновым. Но Бепеня медлил. Подполковник Хрущов неоднократно рапортовал Л. Я. Соймонову, что «оной вор Бепеня токмо присылает, что ехать готов, а как у него, так и в протчих местах нигде не является».[43] Бепеня явно стремился выиграть время — дождаться возвращения сына. Чтобы русские командиры не выступили против него с войсками, он изъявлял готовность принести повинную, а сам не являлся. Повидимому, он не всегда спокойно принимал и тех послов, которые к нему приезжали. В ноябре 1738 г. ему было предъявлено обвинение в том, что, когда к нему приехали малолетний сын Смаила

[42] По Оренб. губ., кн. 3/134, лл. 1061—1062; по Кабинету, кн. 90/1167, л. 772 об.

[43] По Кабинету, кн. 90/1167, лл. 780, 788 об.

тархана и мулла Кудейской волости Девлет-Алей с письмом от подполковника Хрущова, он вырвал у них письмо, бросил его на землю и пригрозил послам, что порубит их саблею. Правда, Бепеня отрицал этот факт. Но на первом допросе он вообще отверг бо̀льшую часть предъявленных ему обвинений и только впоследствии их признал. Едва ли Л. Я. Соймонов стал бы предъявлять такие мелкие обвинения, если бы это не соответствовало действительности. Бепеню было в чем обвинить и без этих мелочей.[44]

Баязиту, сыну Бепени, удалось бежать из казахского плена, он принес весть о провале последнего плана Бепени. Тогда Бепене ничего не оставалось кроме явки с повинной. Сам ли он явился к подполковнику Хрущову или был выдан башкирскими старшинами — полной ясности в документах нет. 12 ноября 1738 г. Бепеня показывал в Мензелинске, что он поехал к Хрущову в день возвращения своего сына от казахов, причем не подчеркивал добровольности своей поездки, а только объяснял, что две причины задержали до сих пор его явку: 1. «Не явился, бояся от Е. И. В-ва гневу, что немалую воли Е. И. В-ва противность и воровство чинил»; 2. Он, было, собрался ехать, «да с собою не взял штрафных лошадей, для чего и остановился. И збирал со всей волости штрафных лошадей.— За тем явитца и умедлил».[45]

Полковник И. С. Арсеньев доносил В. Н. Татищеву в конце сентября 1738 г., что «вор Пепеня, собрав ведомства своего башкирцов 200 человек, также и Айлинской волости старшина Алазиянгул Кутлугузин поехали к курану на Ай к подполковнику Хрусчеву».[46] Похоже на то, что как будто они поехали добровольно. Л. Я. Соймонов писал В. Н. Татищеву, что Хрущов задержал Бепеню и везет его в Мензелинск. При этом Л. Я. Соймонов подчеркивал, что «будет с ним поступлено, как з бунтовщиком и возмутителем народа, понеже не сам собою он явился, но чрез старшин же Сибирской дороги Мандара с товарыщи, которыя, показуя свою верность, по неоднократным от подполковника Хрусчева посылкам едва явился».[47] Этот маловразумительный текст допускает двоякое толкование. Можно понимать, что после неоднократных посылок подполковника Хрущова Бепеня решил явиться. Но едва ли можно принять это толкование. Ведь в таком случае упоминание о верности Мандара и других старшин не имеет смысла. Повидимому, Мандар и другие старшины заставили

---

[44] По Кабинету, кн. 90/1167, л. 802.
[45] Там же, лл. 801 об.—802.
[46] Там же, л. 780 об.
[47] Там же, л. 781.

Бепеню явиться с повинной. Может быть, он прибыл под их конвоем. Во всяком случае, Л. Я. Соймонов не рассматривал явку Бепени как добровольную. Точно так же смотрел на это дело и В. Н. Татищев. Он чрезвычайно обрадовался поимке Бепени и 7 ноября 1738 г. в несколько повышенном тоне писал кабинет-министрам гр. А. И. Остерману и А. П. Волынскому: «сим Вашему сиятельству и превосходительству имею честь, почитай, совершенно поздравить, что воры башкирцы уже усмирены, ибо и последняго главного возмутителя Бепеню поимали и сами башкирцы привели». [48]

В своем доношении императрице от 21 февраля 1739 г. он вновь возвращается к этой мысли, отмечая, что башкиры «Бепеню сами, поимав, отдали». [49]

Повидимому, следует согласиться с мнением Л. Я. Соймонова и В. Н. Татищева и признать, что старшины, принесшие повинную, в частности Мандар, выдали Бепеню Хрущову.

В октябре 1738 г. Бепеня был доставлен в Мензелинск и 12 ноября был впервые допрошен. На допросе Бепеня держался очень осторожно. Никаких дополнительных фактов и имен он не называл. Он не отрицал своего участия в восстании и останавливался только на таких моментах движения, которые были хорошо известны царским властям. Из участников восстания он чаще других называл Юсупа Арыкова, о котором было известно, что ему обещано прощение. Свою руководящую роль нигде не подчеркивал. Лишь рассказывая о летнем походе 1737 г. в Кунгурский уезд и Гайнинскую волость, он назвал себя на первом месте среди руководителей этого похода.

Если судить об участии Бепени в восстании только по материалам его первого допроса, то никак нельзя себе представить, что именно он был главным идеологом и вождем движения — настолько он скуп в своих показаниях.

Скрыл Бепеня и свои попытки опереться на казахских феодалов. По его словам, «в том воровском согласии Кайсацкой орды и протчих к бунту казанских слобоцких и уездных татар согласников никого не было». Правда, зимой 1737—1738 гг. к ним приезжал хан Абулхаир с указом от В. Н. Татищева, «чтоб от воровства унятца и жить спокойно и штрафных лошадей не платить, а ежели де не уймутся они, башкирцы, то рубить будет». Бепеня был у хана, «и по ево, ханскому, слову все исполнили и противности ему никакой не чинили». О том, что не Бепеня подчинился хану, а хан творил волю Бепени, последний, конечно, не упомянул. Рас-

---

[48] По Кабинету, кн. 106/1183, л. 9.
[49] Там же, л. 84 об.

сказал он и о приезде султана Шигая, которого призывали в ханы некоторые из башкирских старшин. Но султан отказался быть у них ханом.

Нашел Бепеня соответствующее объяснение и посылке своего сына Баязита к султану Бараку. Оказывается, он его посылал «для выкупу ясырей», но эта посылка не привела ни к каким результатам. «Барака салтана кайсаки их всех ограбили и 10 человек убили до смерти. А сын его з 20 человеки в разных числех бежали и в жилища свои приходили порознь». [50]

Эту версию о цели поездки Баязита к казахам поддерживали и другие башкиры Сибирской дороги, приходившие к Л. Я. Соймонову с повинной. По их словам, «Бепеня сына своего с протчими башкирцы посылал в кайсаки не для чего иного, но для выкупу пленных жен их и детей, которые взяты в полон кайсаками, и коши их башкирские от кайсаков были раззорены. И просили де о том ево, Бепеню, слезно, чтоб сына своего послал и полонеников бы выручил». [51]

Л. Я. Соймонов знал настоящую цель поездки Баязита и не верил этим показаниям.

Почти через год, в сентябре 1739 г., был задержан Тюлкучура Алдагулов за попытку возобновить восстание в 1739 г. Под пыткой Тюлкучура показал, что Бепеня летом 1738 г. посылал сына своего к султану Бараку «для подзыву, чтоб он отпустил к ним в ханы сына своего Шигая. А посылал со общаго согласия всех их, Сибирской дороги главных башкирских старшин воров... А Бепеня де не шел к присяге затем, что сына своего Баязита ожидал ис Кайсацкой орды с силою».

Бепеня во время допроса Тюлкучуры находился еще в Мензелинске, и Л. Я. Соймонов устроил им очную ставку. Бепеня нашелся и на этот раз. Он не стал спорить, что действительно посылал к Бараку за его сыном Шигаем — кандидатом в башкирские ханы. Но с какой целью это сделал? «Чтоб по приезде ево, поймав, объявить генералу-майору Соймонову или тайному советнику Татищеву», потому что «за поимку де того Шигая все вины их обещано отпустить». [52] Бепеня пытался представить свое посольство к Бараку, как средство оказать такую услугу русскому правительству, за которую ему несомненно будут прощены все его вины, как бы велики они ни были. Но Л. Я. Соймонов не поверил этой версии и распорядился пытать Бепеню. Вися на дыбе, Бепеня

---

[50] По Кабинету, кн. 90/1167, лл. 798—802 об.

[51] Там же, л. 795 об.

[52] Там же, кн. 106/1183, лл. 490 об.— 491.

давал уже иные показания. Если он раньше рассчитывал, что ему удастся избежать пытки и казни и пытался скрыть истинные мотивы своего поведения, то во время пытки он открыто говорил о своих враждебных намерениях по отношению к царскому правительству: «означенного сына своего посылал он, Бепеня, с протчими с обшаго согласия к помянутому Барак салтану для призыву сына ево в ханы к себе, и чтоб в подданстве у В. И. В-ва им не быть». Бепеня подчеркнул, что «того де сына своего посылал он с совету всех главных старшин, кои во общем бунте и воровстве были». Барак отказался дать сына. Ожидание результата посольства задержало явку Бепени с повинной: «К присяге де он, Бепеня, не шел для того, что дожидался ис Киргис-кайсаков приезду означенного сына своего с силою». Вместе с тем Бепеня дал оценку и той повинной, которую принесли другие башкирские вожди летом 1738 г.: «Сибирской дороги башкирцы, которые были у присяги, и те тое присягу чинили обманом, усмотря что войски В. И. В-ва в жилище их вступили... В прежнем де ответе показал он, Бепеня, что присягали с чистою совестью, а не фальшиво, и то де все лгал». [53]

Поимка Бепени в октябре 1738 г. явилась заключительным моментом башкирского восстания 1737—1738 гг. Крупнейшие вожди движения либо принесли повинную, либо были пойманы. Представители местной администрации могли подводить итоги своей борьбе с восстанием.

[53] По Кабинету, кн. 106/1183, лл. 491—491 об.

8. ИТОГИ ДВУХ ПЕРВЫХ ЛЕТ ВОССТАНИЯ

Осенью 1738 г. активные действия восставших прекратились. Большинство башкирских старшин принесло повинную и было отпущено к себе домой. На очередь встал вопрос о подготовке общего указа о прощении башкир, участвовавших в восстании. Подготовляя проект такого указа, В. Н. Татищев имел возможность оглянуться назад и подвести некоторые итоги своей деятельности и деятельности своих помощников по борьбе с восстанием. В этой борьбе применялись и призывы прекратить движение и посылка карательных экспедиций. Сам В. Н. Татищев иногда как будто даже склонялся к мысли, что излишняя жестокость не приводит к желанным результатам. Но он постоянно отказывался от этой мысли и предпочитал суровые меры — посылку карательных отрядов и казнь участников восстания. Теперь, когда восстание уже кончилось, он дал положительную оценку именно карательным мероприятиям. В своем письме к кабинет-министрам от 7 ноября 1738 г. он отметил, что всегда «твердо представлял, чтоб, внутрь гор вступя и от Яика, силою к покорности принуждать, а пришедших с повинною не казнить... Как то учинили, то и желаемое приобрели».[1] Башкирия успокоилась.

Теперь нужно было определить свое отношение к главным вождям движения. Кусяпа В. Н. Татищев еще 9 сентября 1738 г. повесил в Сакмарске. Не сомневался он и в том, как следует поступить с Бепеней. Получив известие, что Бепеня пойман, он послал Л. Я. Соймонову «пункты», «в чем спрашивать», чтобы Л. Я. Соймонов «из него подлинного основания допытался», и распорядился колесовать Бепеню после допроса.[2]

Бепеня и Кусяп — главные вожди движения, к тому же не явившиеся с повинной. Вопрос об их казни поэтому

[1] По Кабинету, кн. 106/1183, л. 9 об.
[2] Там же, л. 9.

решался довольно просто. Сложнее обстояло дело с другими видными участниками восстания. Они добровольно явились с повинной, следовательно, не подлежали казни. Между тем некоторых из них В. Н. Татищев не намерен был прощать. В своем доношении императрице от 9 декабря 1738 г. В. Н. Татищев проектировал летом 1739 г. собрать в Оренбург всех старшин для объявления «совершенного просчения». Но прежде чем объявить это прощение, он рекомендовал казнить троих из старшин, принесших повинную. Это были — Алландзиангул, «которой верхъяицкой гарнизон взял и, противо многих башкирцов ему пресчения, весь оной побил; другой Уразай, которой, получа немалое жалованье, обнадеживая успокоить, сам к кайсакам для призыву себе хана ездил и привозил (Уразай привез казахского султана Шигая.— *Н. У.*), третей Елдяш мулла, которой с Бепенею лживые указы составлял и народ возмучал». [3]

Этот проект В. Н. Татищева был утвержден. Специальным указом от 20 августа 1739 г. на имя преемника В. Н. Татищева, кн. В. А. Урусова, за личной подписью императрицы, было «повелено главнейших воров башкирцов Алландзиянгула, Уразая и Елдаша муллу за их многия воровства при собрании башкирских старшин казнить смертию в Оренбурге». [4] Этот приговор не был приведен в исполнение в 1739 году. Пока новый начальник Оренбургского края князь В. А. Урусов знакомился с положением дел во вверенном ему крае, прошло некоторое время, а ранней весной 1740 г. в Башкирии началось новое восстание под руководством Карасакала.

Крупные вожди восстания 1737—1739 гг.— Алландзиангул Кутлугузин, Сеит-бай Алкалин и Мандар Карабаев явились главными организаторами этого восстания. Весной 1740 г. Алландзиангул был пойман подполковником Я. Павлуцким и по приказанию кн. В. А. Урусова летом был направлен к нему в Оренбург. Но казнить Алландзиангула кн. В. А. Урусову не удалось: Алландзиангул умер в пути, и в Оренбург привезли только его труп. Этот труп, по распоряжению В. А. Урусова, и был повешен. [5]

Елдаш мулла во время восстания Карасакала показывал себя «верным» старшиной. Но тем не менее для представителей Оренбургской администрации «верность его была сумнительна». Указ о его казни не отменялся. В том же 1740 г.

---

[3] По Кабинету, кн. 106/1183, лл. 53—53 об., 201 об.—202.

[4] По Оренб. губ., кн. 14/145, л. 119.

[5] Материалы, т. I, № 176, стр. 395—397; № 189, стр. 437; По Оренб. губ., кн. 14/145, л. 119.

Елдаш мулла был захвачен Начальником Комиссии Башкирских дел Л. Я. Соймоновым и отправлен в Оренбург к В. А. Урусову, но Елдаш мулла был доставлен в Оренбург уже после смерти В. А. Урусова. Елдаша муллу посадили «под крепкий караул» и держали до 1742 г., пока новый начальник Оренбургского края И. И. Неплюев не заинтересовался делом Елдаша муллы и не запросил у Сената подтверждения решения о его казни. [6]

Сенат своим решением от 3 августа 1742 г. подтвердил указ императрицы Анны о казни Елдаша муллы и направил соответствующее распоряжение И. И. Неплюеву. [7]

Опасение, как бы Елдаш мулла не бежал в Казахские степи и не соединился с Карасакалом, скрывшимся туда, заставило И. И. Неплюева поторопиться с казнью Елдаша муллы. Не дождавшись распоряжения Сената, И. И. Неплюев казнил Елдаша муллу в сентябре 1742 г. Ему была «отсечена голова». [8]

Третий из осужденных на казнь указом императрицы от 20 августа 1739 г., Уразай Абызанов избежал наказания. Ему удалось скрыться, и он не был разыскан. В своем решении от 3 августа 1742 г., подтверждающем указ о казни Елдаша муллы, Сенат требовал «другова такова ж главного вора Уразая всякими образы сыскивать, и как оной сыскан будет, то и с ним учинить по вышеозначенному ж 739-го году имянному указу неотменно». [9]

В январе 1739 г. В. Н. Татищев получил разрешение приехать в Петербург [10] и подробно доложил о положении дел в Башкирии. По его мнению в Башкирии все обстоит благополучно. Это благополучие характеризуется следующими чертами: 1. Башкиры «крепости строить по Яику и до Сибири не мешают, и о том от них уже ныне никакого спора нет и не говорят». 2. Башкиры согласились на передачу части их земель мишарям и чувашам, которые участвовали в подавлении восстания. 3. Несмотря на свои протесты, башкиры уплатили штрафных лошадей, кто в состоянии был это сделать, а остальные обещали уплатить летом 1739 г. 4. Башкиры допустили производство общей переписи всего населения края. И отсюда В. Н. Татищев делает общий вывод об итогах восстания: «видим совершенно, что им, башкирцам, оное воровство довольно не удалось, и они, вконец разоряся, довольно о том сожалеют».

---

[6] По Оренб. губ., кн. 14/145, лл. 119—119 об.
[7] Там же, лл. 132—132 об.
[8] Там же, кн. 12/143, лл. 1043—1044 об.
[9] Там же, кн. 14/145, лл. 132—132 об.
[10] По Кабинету, кн. 106/1183, лл. 11—11 об.

Доказательством полной покорности башкир, с точки зрения В. Н. Татищева, служит их отношение к главным вождям восстания: «Бепеню сами, поимав, отдали, Кусяпа как я при многих знатных и ближних его казнил, то не токмо никто не просил, но тайно и ради тому были, чтоб те воры за их пагубу сами заплатили; Юсуп, которой был от меня послан уговаривать, не хотел возвратиться, но по посланному от меня указу немедленно родственники его привезли. И как его велел отдать под караул, ни един не просил об отпуске его, токмо просили, чтоб я у В. И. В-ва живот ему испросил». [11]

Подвел В. Н. Татищев и цифровые итоги усмирения Башкирии: всего явилось с повинной в 1738 г. 3194 человека, взыскано 2548 штрафных лошадей, еще осталось взыскать 646 лошадей. [12]

Итак, по мнению В. Н. Татищева, в Башкирии все спокойно. Но нетрудно видеть, что это спокойствие куплено ценой полного разорения края. Это понимал и сам В. Н. Татищев. В своем доношении императрице, представленном 22 февраля 1739 г., он отмечал, что «две опаснейшия — Казанская и Нагайская дороги так разорены, что едва половина осталась, а протчия — Уфимская (Осинская.— *Н. У.*) и Сибирская дороги — хотя не столько людей пропало, однако ж у всех лошади и скот пропали, деревни позжены, и, не имея пропитания, многие з голоду померли». [13]

Разоренная и обессиленная Башкирия была не опасна, и В. Н. Татищев решил осуществить те мероприятия, которые были намечены еще на совещании в Мензелинске 14 июля 1737 г. Тогда предполагалось приписать всех башкир по платежу ясака к отдельным крупным населенным пунктам края — Уфе, Мензелинску, Осе, Красноуфимску и Чебаркульской крепости. До этого ясак со всей Башкирии представлялся в Уфу. Приписка башкир к отдельным крепостям предполагала предварительную перепись населения, более или менее точный учет, как самих башкир, так и тех пришлых людей, которые жили на их землях. Решение о производстве такой переписи было принято еще И. К. Кирилловым и М. С. Хрущовым на их совещании в Мензелинске 21 декабря 1736 г. Тогда намечалось поручить эту перепись вновь назначенным башкирским старшинам, которые и должны были ее осуществить совместно с представителями Уфимской провинциальной канцелярии. [14] Но полностью провести в жизнь это решение не уда-

[11] По Кабинету, кн. 106/1183, лл. 84—84 об.
[12] Там же, лл. 90—90 об.
[13] Там же, л. 84 об.
[14] Там же, кн. 87/1164, л. 109 об.

лось. Было переписано только население тех башкирских деревень, которые были расположены не далее ста верст от Мензелинска.[15] В Башкирии вновь началось восстание, и ни о какой переписи не могло быть и речи. Теперь, когда восстание прекратилось, В. Н. Татищев и Л. Я. Соймонов сочли, что наступил благоприятный момент для возобновления переписи. Предварительно они обменялись мнениями о характере намечаемой переписи и внесли ряд уточнений в программу, составленную И. К. Кирилловым и М. С. Хрущовым, которым прежде всего хотелось узнать общее число населения Башкирии, добиться, «чтоб известно было, которые волости больше и кои меньше». Поэтому они считали необходимым «описать все деревни на землях той волости: во-первых, башкирския, потом тептерей и бобылей и напоследок служилых мещеряков имянно — на которых они реках, озерах или урочищах, и в них дворов, и сколько людей мужеска и женска полу с летами, различая, кои в верности состояли и к ворам не приставали, и которыя своровали и повинныя принесли и штраф платили». Одновременно с этим при переписи следовало «накрепко смотреть, чтоб пришлых (т. е. вновь прибывших.— *Н. У.*) как русских, так и иноверцов, а особливо от службы и от карабельной работы беглых, никаких не было».[16]

Программа В. Н. Татищева и Л. Я. Соймонова значительно шире. Она включает задачи, поставленные И. К. Кирилловым и М. С. Хрущовым. Кроме того, в ней резко подчеркнуты фискальные моменты, и поэтому обращено значительное внимание на экономические ресурсы населения, и отчасти на социальные отношения. Производство переписи поручается теперь не старшинам, которые достаточно скомпрометировали себя в глазах местной администрации своим участием в башкирском восстании, а особо командированным обер-офицерам. Старшины же лишь обязаны давать переписчикам самые точные сведения о своей волости. Одной из основных задач переписи являлось: «писать порознь, сколько в которой волости башкирцов, тептерей, ясашных татар, черемис и чюваш, и (сколько.— *Н. У.*) на них положено ясаку было, по чему б положенной прежней ясак на них можно взыскать». Переписчики должны были убедиться, «подлинно ль те жители в своих деревнях живут, и сколько вновь прибыло, или куда отбыло». Поэтому переписчикам вменяется в обязанность интересоваться всеми категориями населения. Они обязаны описать: «все деревни башкирские и тептерей и бобылей, которых они

---

[15] По Кабинету, кн. 106/1183, л. 147.
[16] Там же, кн. 87/1164, л. 109 об.

волостей и сколько дворов и в них людей, мужеска и женска полу с летами налицо, и сколько у кого живут тусмаков (лично несвободных людей.— *Н. У.*) и взятых полонеников, и откуда и кто что в казну ясака платил, и кои от башкирцов или за их бунт от партей (т. е. от карательных отрядов.— *Н. У.*) раззорены». Особое внимание переписчики должны были уделять тем башкирам, которые, «покинув жилища свои, ушли в кайсаки, а не возвратились». Нужно было составить отдельные списки таких людей и принадлежащих им земельных владений. Особая «обстоятельная ведомость» должна быть посвящена также семьям башкир, погибших во время восстания, казненных или сосланных за участие в нем.

Перепись должна дать сравнительно ясное представление и об экономических ресурсах каждой волости. Поэтому переписчикам предписывалось «у старшин брать ведомости о каждой волости — та их волость от городов и от протчих волостей в каком разстоянии, и на сколько верст обширностию селением имеет, и между ими деревня от деревни разстоянием сколько верст, и под тою всею волостью пашенной земли и диких поль сколько ж всего в обширности, хотя, например, длиною и шириною на сколько верст будет, и какие леса от жилых деревень имеются, и в каком разстоянии, и на каких реках и речках поселены, чтоб в той ведомости объявляли имянно». Переписчики должны руководствоваться этими ведомостями, проверяя содержащиеся в них данные. [17]

Перепись должна была помочь определить размеры ясака на будущее время и выяснить возможность его взыскания за прошлое, поскольку восставшие башкиры не платили ясака.

Переписные книги следовало составить в двух экземплярах, из которых один нужно было хранить в Уфимской провинциальной канцелярии, а другой разослать по городам, к которым приписаны соответствующие башкирские волости. [18] Этим путем рассчитывали обеспечить наблюдение и контроль за сбором ясака, как в отдельных крепостях, так и в центре — в Уфе.

Общее руководство переписью возлагалось на Л. Я. Соймонова, поскольку сам В. Н. Татищев собирался в Петербург.

Перепись, если бы ее удалось удачно провести, укрепляла позиции царской администрации в Башкирии. До сих пор местные власти не знали точного количества населения края, и на всех мероприятиях, проводимых в Башкирии, лежал легкий налет неуверенности — действовать приходилось очень

---

[17] По Кабинету, кн. 106/1183, лл. 147—149 об.
[18] Там же, л. 149.

осторожно.[19] Результаты переписи, сообщавшие более или менее точные сведения о числе населения и его хозяйственных ресурсах, позволяли вести более твердую политику. Поэтому и В. Н. Татищев и Л. Я. Соймонов придавали переписи огромное значение.

Но В. Н. Татищев рассчитывал не только на перепись. Ему хотелось найти такое применение боевой энергии башкир, которое служило бы интересам царской администрации. Башкиры — народ воинственный и часто берутся за оружие. Нужно добиться того, чтобы это оружие было использовано в интересах политики царизма. Опыт борьбы с башкирскими восстаниями 1735—1738 гг. показал, что среди башкирских феодалов можно найти убежденных и последовательных сторонников царизма. Этот опыт В. Н. Татищев и решил учесть. Он предполагал дать более стройную военную организацию башкирам и опереться при этом на «верных» старшин, еще больше поддержать и обласкать их.

22 февраля 1739 г., находясь в Петербурге, он представил императрице проект перестройки управления башкирами.

В своем проекте он критически отнесся к собственному мероприятию — назначению старшин по башкирским волостям. Мысль о назначении старшин в башкирские волости принадлежала И. К. Кириллову, но практическое ее осуществление явилось уже делом его преемника В. Н. Татищева. Башкиры пошли навстречу местной администрации в проведении этого мероприятия, и теперь «тех старшин намножилось, междо которыми суть и такие, которые в бунте знатными были, ибо во оных волостях из верных способных не находится». Поэтому В. Н. Татищев предлагал «число оных уменьшить, а верно служившим преимусчество явить». Это преимущество рисовалось ему в форме военной организации башкир наподобие казачьего войска. Он предлагал создать должности башкирских полковников, назначаемых правительством, хорунжих, писарей, есаулов и сотников. Эти воинские должности, кроме полковников, замещаются губернатором или главным начальником края по выбору башкир и с аттестацией со стороны местных воевод. Такой порядок военной организации башкир, по мнению В. Н. Татищева, давал возможность «их в большей верности содержать и о числе их всегда обстоятельнее знать, понеже сотники всегда должны будут обстоятельные списки иметь и полковников, хотя погодно, о числе репортовать, полковники же воевод репортовать будут». Всего пред-

---

[19] Конкретные примеры такой осторожности см. в моей работе «Башкирское восстание 1662—1664 гг.» — «Исторические записки», кн. 24, М., 1947, стр. 30—110.

полагалось организовать семь таких полков: два — в Зауральской или Исетской провинции, четыре — в Уфимской и один — в Оренбургской, причем 6 башкирских и 1 мишарский. Были у В. Н. Татищева и готовые кандидаты для замещения должностей полковников: старшины Ногайской дороги — Алдар тархан Исекеев, Казанской дороги — Шарып Мряков и Ахмер мулла Асанов, Сибирской — Таймас тархан Шаимов и Козяш Рахмангулов. Шестого кандидата на пост башкирского полковника В. Н. Татищев не имел, но надеялся его найти, «выбрав из лучших». Для мишарского полка у него уже был готов полковник — мишарский старшина Девай Неваев.

Вместе с тем В. Н. Татищев предлагал пересмотреть личный состав тарханов, число которых чрезмерно велико, так как «не токмо указами от коллегии, но от губернаторов и воевод намножено». Он имел в виду главным образом ту широкую практику пожалования тарханства, которую применил И. К. Кириллов, когда он, собираясь в поход к устью Ори, привлекал башкирских старшин на службу по охране нового города и при этом раздавал им тарханские звания. В. Н. Татищев рекомендовал радикальную меру: всех таких тарханов, «по причине бывшаго бунту отрешить, а несколько достойных пожаловать и новыми привиллегии или дипломы наградить».[20]

Башкирское восстание 1737—1738 гг. и жестокость его подавления имели своим непосредственным следствием разорение края, некоторое ослабление воли к борьбе у башкирских старшин и обострение противоречий внутри башкирского феодального общества — усиление вражды между «верными» старшинами и старшинами — участниками восстания. Этими итогами восстания и спешила воспользоваться местная царская администрация в лице В. Н. Татищева и Л. Я. Соймонова.

Всеобщая перепись населения и перестройка управления башкирами по образцу казачьего войска открывали широкие возможности для проведения таких мероприятий, которые в конечном счете должны были привести к превращению Башкирии во внутреннюю провинцию Российской империи. Эта перспектива рисовалась еще И. К. Кириллову, который полагал, что путем применения суровой и последовательной политики башкиры «без сумнения, к тому приведены быть могут, что сравняютца с казанскими и протчими татарами».[21] Баш-

[20] По Кабинету, кн. 106/1183, лл. 92—93.
[21] Там же, кн. 87/1164, л. 23 об.

кирское восстание не позволило И. К. Кириллову башкир «вовеки, а не на время безопасными и прямыми, как другия татара, данниками учинить».[22] После ликвидации башкирского восстания 1737—1738 гг. В. Н. Татищеву стало казаться, что эта перспектива начинает приобретать вполне осязаемые формы. Нужно только успешно провести перепись и перестроить управление Башкирией, подчинив всю жизнь башкир более действенному контролю со стороны местной администрации.

---

[22] По Кабинету, кн. 87/1164. л. 73.

9. ПОПЫТКИ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ВОССТАНИЯ В 1739 г.

Не без тревоги приступал Л. Я. Соймонов к производству переписи. Как раз в это время он получил распоряжение о выводе армейских полков из Башкирии и о направлении их в действующую армию. Л. Я. Соймонов сознавал, что это приведет к осложнению обстановки, и 25 января 1739 г. писал в Кабинет, сообщая императрице о своих сомнениях: «хотя башкирцы, видя В. И. В-ва оружие, находятся спокойны, и ныне за помощию всемогусчаго творца обстоит благополучно, однакож я, как верный В. И. В-ва раб, чтоб впредь от них ничего противного не чаял, В. И. В-ву донести не могу, понеже всей Башкирии перепись... есче не сочинена. А егда они услышат о выводе полков, то опасно, чтоб как лехкомысленной народ, при переписии не пришли в сумнение и паки в замешание и бунт не вступили». [1]

Поэтому Л. Я. Соймонов пытался узнать о настроении башкир. 24 марта 1739 г. он подверг повторному допросу находящегося у него «под караулом» «главного бунтовщика и возмутителя Сибирской дороги» Бепеню. Бепеня «с розыску» показал, что «Сибирской дороги все старшины присягу чинили в такой силе, что нынешней штраф с них берется лошедьми, то они платить повинны. А ежели де впредь... с них других каких зборов будут требовать, то они слушать и платить не хотели». [2]

Это настроение не сулило Л. Я. Соймонову ничего утешительного. Почти одновременно с допросом Бепени стали поступать сведения о тех затруднениях, какие встречают переписчики при производстве переписи, и о постоянных взаимных набегах казахов и башкир друг на друга, что также поддерживало тревожную обстановку в Башкирии.

Капитан Краснобаев, явившийся переписывать башкир Ногайской дороги в начале марта 1739 г., встретил сопротивление со стороны старшины Тамьянской волости Сеит-бая Алка-

---

[1] По Кабинету, кн. 106/1183, лл. 145—145 об.

[2] Там же, л. 232.

лина (Алкаева), одного из видных вождей восстания 1737—1738 гг., принесшего повинную в июне 1738 г. Недоброжелательное отношение Сеит-бая к переписи было известно Краснобаеву. Когда последний находился еще в соседней Катайской волости, Сеит-бай приезжал к нему в деревню Кочкарову «с собранием человек до 30-ти». Явившись на квартиру Краснобаева, Сеит-бай вел с ним переговоры о переписи. Повидимому, эта беседа велась в достаточно резком тоне, так как «по многим разговорам он, капитан, велел им итти вон и ехать в домы и готовить опись». Сеит-бай схватил за ворот одного из казаков, находившихся в избе, вытолкнул его вон, «и стал на дворе шум». На этот шум вышел капитан Краснобаев и распорядился, чтобы Сеит-бая взяли в избу. Тогда «Сеит-бай со своими башкирцы, ухватя по полену, говорили, чтоб он, капитан, пошел к ним, а они де ево уберут, что и впредь не будет». Капитан Краснобаев предпочел отсидеться в избе, а башкиры «подле ево квартиры стояли с час», затем сели на коней и с бранью уехали.

Когда Краснобаев, приехав в Тамьянскую волость, остановился близ деревни Сеит-бая, то он трижды посылал к Сеитбаю требование приехать и выслушать царский указ о переписи или пустить его в свою деревню. В течение двух суток Сеит-бай сам не являлся и не пускал Краснобаева в свою деревню. Тогда в это дело вмешались «старики» — наиболее влиятельные башкиры волости. Один из них, Юнус Янышбаев, явился к Краснобаеву и просил, чтоб «послать с ним к старшине и старикам с указом, подьячего да толмача». Краснобаев удовлетворил эту просьбу. Старики, выслушав указ, «все охотно к переписии пошли». Но Сеит-бай не изменил своего отношения к переписи. Его «насилу из-ызбы вызвали» для слушания указа. Выслушав указ, он «ничего никому не сказал и пошел обратно в ызбу». «Чинится противен» — резюмировал капитан Краснобаев отношение Сеит-бая к переписи. [3]

Более серьезное сопротивление встретили переписчики у башкир Сибирской дороги. Поручик Черкасов, приехавший для переписи в середине марта в Дуванскую волость к старшине Кулчумаку, получил уклончивый ответ, что «соберутся де другие старшины и подумают». После совещания старшины ответили, что перепись у них уже была, «когда платили штрафных лошедей» и дали оценку новой переписи, которая, по их мнению, «сочиняется против того, как в Казанском уезде чюваша подушные деньги платят». [4] Отсюда старшины делали вывод, что не следует подчиняться распоряжению о переписи.

---

[3] По Кабинету, кн. 106/1183, лл. 235—236 об.
[4] Там же, лл. 237—238.

Старшины Тарнаклинской волости прямо отказались от переписи и прислали в Уфу письмо, содержащее просьбу о выдаче им паспорта для проезда их послов в Петербург, они желают государыню «о разных несносных их нуждах слезно просить». [5]

Мишарский старшина Яныш Абдулин донес 2 апреля в Уфу, что старшины айских башкир, главным образом Айлинской и Кудейской волостей, собрались на съезд в деревне Васькиной, где говорили, что «на их башкирской народ от России доброго не имеется, понеже сказали, что вас де государь помиловал — взят штраф, а ныне слышат, что едет их жен и детей переписывать. И ежели де такой переписчик будет, всеконечно его возвратят и переписывать не дадут. Хотя де взято с них по лошеди штрафу, токмо сайдаки и копья не взяты». [6]

Батырь Кудейской волости Тюлкучура Алдагулов во время допроса осенью 1739 г. уточнил: «главной больше зачинщик ко оному собранию Елдаш мулла. И присоветовали, чтоб в перепись не писаться, что положат с них подати». [7]

Беглый новокрещен Андрей Иванов сообщил исетскому воеводе И. Н. Татищеву о сопротивлении переписи со стороны Тюлкучуры Алдагулова, причем в его протесте указано соображение, не встречающееся у других старшин. По его мнению, к переписи не следовало ходить «для того, что ежели их перепишут, то детей их будут брать в салдаты». Чтобы не допустить переписи, Тюлкучура рекомендовал башкирам «итти им всем в Кайсачью орду». [8]

И к Л. Я. Соймонову в Мензелинск, и к В. Н. Татищеву в Петербург из разных мест поступали сведения о протесте башкир против переписи. Главными инициаторами этого нового сопротивления, кроме Сеит-бая и Елдаша муллы, называли еще старшину Айлинской волости Сибирской дороги Алландзиангула Кутлугузина, которого В. Н. Татищев в свое время хотел казнить. [9]

Поступавшие сведения не могли не беспокоить Л. Я. Соймонова. Он рассылал распоряжения о поимке организаторов сопротивления переписи и доносил в Кабинет о подготовке нового движения в Башкирии, направленного именно против переписи. Это встревожило Кабинет. 5 мая 1739 г. Л. Я. Соймонову был отправлен секретный указ за подписью кабинет-

---

[5] По Кабинету, кн. 106/1183, лл. 241—241 об.
[6] Там же, лл. 242—242 об.
[7] Там же, л. 488.
[8] Там же, л. 258.
[9] Там же, лл. 258, 266—266 об., 423—424, 488.

министров, о временной приостановке или даже о совершенном прекращении переписи. Указ мотивировался опасением нового восстания: «понеже когда они сие за противность поставляют, то можно оную перепись до времени отложить или вовсе оставить, дабы чрез то не подать им притчины к новому замешанию, которое, как видно, и начинать хотят и простому народу уже толкуют». Но было важно не показать, что правительство боится возобновления восстания. Вот почему кабинет-министры рекомендовали Л. Я. Соймонову приостановить перепись, «не давая ни малейшаго вида, что то делается, усмотря их противность. Но иные виды показывать потребно, как вы, ведая их состояние и обращение тамошних дел, заблагоразсудите, дабы никто ис тамошняго народа догадаться не могли». Часть этих «видов» кабинет-министры подсказали Л. Я. Соймонову, распорядившись «всех посланных для переписи афицеров, якобы для полковых крайних необходимых нужд, ныне отозвать к их полкам».

Вместе с тем кабинет-министры разрешали Л. Я. Соймонову отпустить башкирских челобитчиков в Петербург, подчеркнув при этом, что нужно послать челобитчиков от каждой волости или в крайнем случае по нескольку человек от каждой дороги, а не одного от всего народа. Такое требование рекомендовалось мотивировать тем соображением, что «всяк, о своей волости совершенно ведая, может о всех нуждах подлинно доносить, и скорее резолюцию получить, а нежели единой человек, которой, не ведая разных всего народа нужд, токмо на одном ему данном письме принужден утверждатся, чего ради и в решении дел, не имея подлинного известия, время продолжиться может».

Таким образом, Кабинет решил отложить перепись и выслушать башкирских челобитчиков. В первоначальном тексте указа были еще заключительные слова, мотивировавшие решение принять башкирских челобитчиков: «для совершенного успокоения оного народа весьма потребно вначале правосудие, а потом и скорое решение дел». Затем эти строки были вычеркнуты и в беловой текст указа не вошли. Очевидно, в Кабинете поняли, что трудно совместить понятие о правосудии с той жестокостью и казнями, которыми сопровождалось подавление башкирских восстаний, и предпочли не упоминать о необходимости правосудия. [10]

Через 12 дней, 17 мая, Л. Я. Соймонов получил этот указ и на следующий же день послал распоряжение офицерам-переписчикам, чтоб они, «оставя перепись, ехали к полкам».

---

[10] По Кабинету, кн. 106/1183, лл. 243—245.

Разослал он указы о прекращении переписи и башкирам, а «чтоб они не могли догадаться», объяснил, «что оная перепись оставлена чтоб им не чинить помешательства в собрании хлебов и в сенокосе». Одновременно он известил башкир и о разрешении послать челобитчиков по одному от каждой волости.[11]

Но башкиры, конечно, «догадались». Они поняли, что перепись прекращена из-за их сопротивления. И не без некоторой иронии сотник Кудейской волости Шиган Барсуков говорил поручику Черкасову, что «у них работной поры не имеется», и предлагал ему продолжать перепись.[12]

Пока Л. Я. Соймонов вел переписку с Кабинетом по вопросу о переписи, башкирские старшины начали готовиться к новому выступлению. На этот раз наибольшую активность проявил старшина Тамьянской волости Ногайской дороги Сеит-бай Алкалин. В середине мая башкир Каныкай Беккулов рассказал капитану Кублицкому в Табынске, что у старшины Тамьянской волости Яныш-бая был сбор старшин Ногайской и Сибирской дорог, на котором присутствовало около 40 человек, в том числе и Сеит-бай. Старшины «советовали, чтоб нынешнее лето паки бунтовать». Как и в восстании 1737—1738 гг., башкирские старшины искали такого хана, к которому они могли бы отъехать, отказавшись от русского подданства. На казахских феодалов они теперь уже не рассчитывали. Опыт обращения к ним в 1737—1738 гг. показал, что они не окажут помощи, потому что и хан, и султаны, и казахские старшины заинтересованы в русском подданстве. К тому же с ранней весны возобновились взаимные набеги казахов и башкир, что испортило отношения между ними. Поэтому башкирские старшины решили обратиться к джунгарскому владельцу Галдан-Церену (контайше), который не состоял в русском подданстве. С казахскими же феодалами они желали лишь сохранить мирные взаимоотношения — путь в Джунгарию лежал через казахские кочевья. Вот почему Сеит-бай на этом собрании «сказывал, что хочет послать х канташинским калмыком, дабы быть в одном согласии к бунту». Некоторые из старшин Сибирской дороги, не участвовавшие в этом собрании, в частности Тюлкучура, прислали к Сеит-баю письма от имени всей своей дороги, «чтоб нынешнее лето бунтовать». Поэтому Сеит-бай «в своей волости приказал каждому башкирцу наделать по сту стрел». Старшины, участвовавшие в собрании в Тамьянской волости, были настроены очень враждебно к местной администрации: «и положили промежду собою старшины все, дабы в

[11] По Кабинету, кн. 106/1183, лл. 273—273 об.
[12] Там же, л. 368 об.

городы ни по каким указом не ездить, а ежели станут присылать, то посыльщиков рубить». [13]

Такое же враждебное настроение наблюдалось и в других волостях Ногайской и Сибирской дорог. Казачий писарь Оренбургской комиссии Субухангул Уразов, бывший в мае 1739 г. в Катайской волости Ногайской дороги у башкира Кудошмана «для взятья записанных по желанию в казаки живущих в той волости чюваш», не сумел выполнить возложенного на него поручения. Кудошман не пустил чуваш итти в казаки, а самого Субухангула «держал под караулом день и хотел убить до смерти». Одновременно с этим он сообщил Субухангулу, что «той Катайской и других волостей все башкирцы согласились Сибирской дороги з башкирцами, чтоб нынешнее лето паки бунтовать, и в доме у него делают кузнецы копья и стрелы». При этом Кудошман подчеркнул, что «хотя кузнецов от них и выводят, но у них де кузнецов много». Если же местная администрация кого-нибудь пришлет для вывода этих кузнецов, то таких послов «всех побьют до смерти». Субухангул сам видел башкирских кузнецов. [14]

О подобных же настроениях башкир Сартской волости сообщал в Пермской провинциальной канцелярии татарин Абдулла Иванаев, побывавший в июне в этой волости у Аликая муллы. По словам Аликая, «башкирцы между собою письменно положили, что ежели с них будут спрашиваться подушные деньги, или детей их будут брать в службу, и старшин для того станут звать в городы, то они оного ничего исполнять не будут и в подданстве и под властию Е. И. В-ва быть не хотят же». Они соглашались платить только старый ясак, «как платили деды и отцы их». [15]

Стали поступать сведения и об активных выступлениях, правда очень незначительных. Майор Шарыгин донес исетскому провинциальному воеводе И. Н. Татищеву, что «июня 9 и 11 чисел подбегали воры башкирцы из-за Тоболу реки человек с 30, да по жилой стороне человек с 30 же и отогнали крестьянских с пашен 18 лошадей, ранили крестьянина одного». [16]

Л. Я. Соймонов с пристальным вниманием следил за всеми этими сообщениями и такого же внимания требовал и от своих подчиненных. Ему хотелось проверить сообщения о враждебных намерениях Сеит-бая. Он послал к Сеит-баю старшину Бурзянской волости Рысай-бая, вместе с ним приносившего повинную в 1738 г. Рысай-бай привез очень уклончивый ответ.

---

[13] По Кабинету, кн. 106/1183, лл. 277—278.
[14] Там же, лл. 278 об.— 279.
[15] Там же, лл. 369 об.— 370.
[16] Там же, л. 367.

Он сообщил, что «ко оному Сеит-баю ездил и был от него приятно принят... токмо действительно хвалить и хулить он, Рысай-бай, не может, что подлинно ль помянутой Сеит-бай в добром состоянии, или в худом намерении находится».[17] Этот осторожный ответ подтвердил опасения Л. Я. Соймонова о неблагонадежности Сеит-бая. Нужно было тщательно следить за поведением башкирских старшин, чтобы не допустить их открытого выступления. Воинские команды, рассеянные по отдельным крепостям, все время находились в боевой готовности. 18 июля 1739 г. Л. Я. Соймонов доносил в Кабинет, что башкиры «еще не бунтуют», только наблюдаются постоянные набеги казахов на башкир и башкир на казахов, причем инициатива принадлежит, главным образом, казахам.[18]

В августе 1739 г. все же была сделана попытка открытого выступления, окончившаяся неудачно для одного из главных вождей восстания 1737—1739 гг. батыря Тюлкучуры Алдагулова. Л. Я. Соймонов послал капитана Стрижевского с командой и переводчика Романа Уразилина по волостям Сибирской дороги для сбора штрафных лошадей, не сданных полностью в 1738 г. Когда эта команда находилась в Тарнаклинской волости, Тюлкучура, собрав до 40 человек (по другим сведениям, только 27 человек), решил напасть на нее и убить, «избрав время на утренней зоре, на сонных на них бить». По показанию самого Тюлкучуры, инициатором этого нападения являлся Елдаш мулла, который обещал напасть с другой стороны. Башкирские старшины предполагали, перебив всю команду капитана Стрижевского и отобрав собранных штрафных лошадей, отправиться всей Сибирской дорогой вместе с зауральскими башкирами «зимовать по Аю реке в крепких местах. Ежели де хотя и будет прислано розсийское войско, то их достать не могут, потому что у них такие места по разным рекам имеются».[19] Но этот план не был осуществлен. Один из сподвижников Тюлкучуры батырь Кудейской волости Нуруш Кинзекеев показывал впоследствии, что большинство старшин усомнилось в реальности этого плана. Башкир Каратавлинской волости Исламгул говорил Нурушу, «что де с малыми людьми бунт затеваете и переводчика усилить (т. е. осилить.— *Н. У.*) не можете, пускай де славы той не делайте, а поехали б тайно попрежнему в свое жилище. И которые де в том намерении и были, да отменили и с ними приставать не будут».[20] Тюлкучура вынужден был отказаться от своего

[17] По Кабинету, кн. 106/1183, лл. 372—372 об.
[18] Там же, лл. 363 об.— 365.
[19] Там же, лл. 488 об.— 489.
[20] Там же, лл. 543 об.— 544.

плана. Старшины Сибирской дороги не только не поддержали Тюлкучуры и Нуруша, но и предали их. Чураш, Елдаш мулла, Мандар, Кулчумак, Зиянчура, Касай и Абызгильда известили Л. Я. Соймонова о намерениях Тюлкучуры и предложили свои услуги поймать его, обещая, что «бес поимки те воры не останутся». Л. Я. Соймонов послал к ним указ, «чтоб, как можно, оных воров домогались поймать», и обещал за это «высочайшую милость».[21] 25 августа 1739 г. пойманный Тюлкучура вместе с тремя своими сторонниками, был доставлен в Мензелинск. Нуруш попался в руки Л. Я. Соймонова позже — 30 октября 1739 г. Он рассказал, как был пойман Тюлкучура. Когда Тюлкучура узнал, что «собрались башкирцов с 300 человек и от переводчика (т. е. от Романа Уразлина.— *Н. У.*) едут их, Тюлкучюру, ловить», то он «жен и детей с лошедьми ночью отослал в Куваканскую волость, а сам и с ним ево аймаку башкирцы остались в готовности к бою». Башкиры окружили отряд Тюлкучуры. Окруженные пытались пробиться. Нурушу удалось скрыться, хотя под ним была ранена лошадь и две стрелы попали в него самого, но не причинили вреда, так как он был в панцыре, а «Тюлкучюру на том месте и поймали».[22]

Привезенный в Мензелинск, Тюлкучура был подвергнут допросу. Он подробно рассказал о башкирском восстании 1735—1738 гг. и о своем участии в нем. Не скрывал он и того, что был намерен убить капитана и переводчика, приехавших собирать штрафных лошадей. Подтвердил Тюлкучура и то, что башкиры готовятся к новому восстанию и ожидают помощи, главным образом от казахов. «Ежели де подлинно (из) киргис-кайсаков для воровства выедут довольное число кайсаков, то де Сибирской и Нагайской дорог Сеит-бай с протчими их союзники, кои и наперед в бунте были, бунтовать станут». В своем показании под пыткой он прибавил, что «от Сеит-бая к Елдашу мулле было письмо в той силе — ежели они, Сибирской дороги башкирцы, к бунту согласны, и буде их будет людей довольно, тако ж и киргисцов ежели будет довольно ж, к тем пристать и бунтовать».

Раскрыл Тюлкучура и подлинные намерения Бепени осенью 1738 г., когда Бепеня посылал своего сына к султану Бараку. Эти намерения подтвердил и сам Бепеня под пыткой,[23] о чем уже упоминалось.

Л. Я. Соймонов, выполняя царский указ от 18 августа, одобрявший его мероприятия по «успокоению» Башкирии и

---

[21] По Кабинету, кн. 106/1183, л. 485 об.
[22] Там же, лл. 544—544 об.
[23] Там же, лл. 486 об.— 491 об.

предписывавший ему «о башкирских намерениях проведывать, и ежели где станут о зачати вновь помешания они между собою советывать и других к тому побуждать, то б, не допущая их до многаго собрания, в их жилища партии посылать и зачинщиков воровства искоренять», решил казнить Тюлкучуру. В сентябре 1739 г. это решение было приведено в исполнение. Одновременно с Тюлкучурой были казнены трое его сторонников, захваченных вместе с ним, и Бепеня, просидевший около года «под караулом» в Мензелинске. Казнь главных вождей восстания Л. Я. Соймонов мотивировал тем, чтоб «башкирцом сие было памятнее и к воровству себя не допускали».[24]

Казнь Бепени и Тюлкучуры произвела известное впечатление на башкир. Она внушила им некоторый страх, и 19 ноября Л. Я. Соймонов в своем донесении в Кабинет констатировал, что «штрафных лошадей по поимке вора Тюлкучюры с товарыщи Сибирской и Нагайской дорог (башкиры.— *Н. У.*) стали платить охотнее». Со стороны башкир это было лишь временной приостановкой враждебных действий, вызванной в значительной мере наступлением зимы. Следующий, 1740 г., когда вспыхнуло новое восстание под руководством Карасакала, показал это с достаточной ясностью.

Но Л. Я. Соймонов недооценивал серьезности положения в Башкирии и считал возможным поставить вопрос о возобновлении переписи. Он только не решался продолжать перепись «без повелительного указу» и в том же своем донесении от 19 ноября подчеркивал необходимость окончить перепись; по его мнению, башкир можно «по окончании переписии в совершенное спокойство способнее привесть».[25] Одновременно он сообщил и предварительные итоги незаконченной переписи. Еще летом, когда пришлось прервать перепись, некоторые переписчики, вернувшиеся в Мензелинск, сообщили ему результаты своей работы. Тогда же Л. Я. Соймонов донес об этом в Кабинет. Летом были получены сведения по 102 волостям, при чем в них оказалось: деревень — 1267, дворов — 12 492, населения — мужского пола 33 600, женского — 32 641, всего 66 241.[26] Осенью были получены дополнительные данные еще по 28 волостям. В них оказалось 432 деревни, 2939 дворов, населения — мужского пола 8937 душ, женского 9477, всего 18 414 душ.

Таким образом, общий итог незаконченной переписи представляется в следующем виде: волостей — 130, деревень —

---

[24] По Кабинету, кн. 106/1183, лл. 465—465 об., 479—481 об.; Материалы, ч. I, № 173, стр. 375—376.

[25] По Кабинету, кн. 106/1183, лл. 538—539.

[26] Там же, л. 368 об.

1699, дворов — 15 431, населения мужского пола — 42 537, женского — 42 118, итого населения — 84 655 душ.

Перепись охватила подавляющее большинство населения Башкирии, как самих башкир, так и представителей других нерусских народностей. Но она все же не была всеобщей. Один из офицеров-переписчиков сообщил Л. Я. Соймонову, что «близ Мензелинска не переписано 101 деревня — 989 дворов». Кроме того, не было переписано население отдаленных районов горной Башкирии и Зауралья. Вот почему Л. Я. Соймонов и настаивал на окончании переписи.[27]

Перепись так и не удалось закончить. Помешали события 1740 г., весной которого вспыхнуло новое башкирское восстание.

---

[27] По Кабинету, кн. 106/1183, лл. 538—539.

10. ОБЩИЙ ХАРАКТЕР БАШКИРСКОГО ВОССТАНИЯ 1737—1739 гг.

Башкирское восстание 1737—1739 гг. является непосредственным продолжением восстания 1735—1736 гг., поднятого абызом Юрматынской волости Ногайской дороги Кильмяком Нурушевым как протест против постройки Оренбурга и других крепостей по внешней границе Башкирии, постройки, связанной с изъятием значительной части башкирских земель. Приемы подавления восстания, методы борьбы с башкирским движением, примененные первым начальником Оренбургского края И. К. Кирилловым, могли только обострить борьбу. Не ограничиваясь посылкой карательных экспедиций, казнями, ссылками, удалением из Башкирии семей казненных и сосланных и взиманием штрафных лошадей с башкир, приносящих повинную, И. К. Кириллов разработал систему мероприятий, которые должны были укрепить положение царизма в Башкирии, реализовать активизацию его колониальной политики. Эти мероприятия получили утверждение верховной власти в форме указа 11 февраля 1736 г.[1] Наиболее неприемлемыми, можно сказать, ненавистными для башкир были пункты указа, говорящие о постройке новых крепостей на территории Башкирии, безоброчном поселении мишарей (мещеряков) на башкирских землях, о разрешении пришлым людям покупать башкирские земли и об уплате штрафных лошадей башкирами, принимавшими участие в восстании, т. е. комплекс мероприятий, затрагивающих экономические интересы башкир, посягавших на их земли и скот.

Этот указ и его неуклонное и последовательное проведение в жизнь вызвали новое башкирское восстание под руководством уже других лиц, тоже участников восстания 1735—1736 гг., но тогда не стоявших в первых рядах движения.

---

[1] ПСЗ, т. IX, № 6890.

Руководящей силой восстания 1737—1739 гг., как и всех предшествующих башкирских восстаний, с 60-х годов XVII в., явились башкирские старшины — феодалы, которые подняли рядовых башкир против царизма и повели их за собой.

Материалы восстания 1737—1739 гг. очень ярко вскрывают политическое лицо башкирских феодалов, позволяют уяснить, как они смотрели на свое подданство русским царям. В письмах наиболее крупных руководителей и идеологов движения — старшин Сибирской дороги — абыза Куваканской волости Бепени Трупбердина и муллы Кудейской волости Елдаша Сюярымбетева с большой четкостью выражен добровольный характер башкирского подданства русским царям, настойчиво подчеркнута мысль, что башкирские феодалы — вольные слуги, которые служат только до тех пор, пока условия службы их удовлетворяют. В противном случае они готовы воспользоваться своим правом свободного отъезда, правом переменить государя. Такая система политического мышления, характерная для периода феодальной раздробленности, была неприемлемой для централизованного Русского государства XVI—XVII вв., и тем более для Российской империи XVIII в. Но тем не менее она была присуща башкирским феодалам. Когда мероприятия царизма в форме ли усиления фискального гнета или постройки крепостей, заводов и связанных с ними земельных захватов задевали насущные экономические интересы старшин и рядовых башкир, старшины-феодалы выступали с протестом. Своим протестам они придавали политическую форму отказа от русского подданства и поисков новых ханов. Такие протесты приняли характер башкирских восстаний, сопровождавшихся разорением русских поселений, грабежом имущества и захватом пленных. Подобное отношение к прежнему государю и его подданным характерно именно для кочевых феодалов. Кочевой феодал, разорвавший связи со своим ханом и отъезжающий к новому, обязан был явиться к последнему с богатой добычей, которую он и захватывал, разоряя подданных прежнего хана. Башкирские феодалы это хорошо знали. Один из вождей восстания 1737—1739 гг., старшина Тангаурской волости Ногайской дороги, батырь Кусяп Салтангулов, намереваясь осенью 1737 г. отъехать к султанам Среднего Казахского жуза Абулмаметю и Аблаю, совершил набег на деревни, расположенные под Уфой, чтоб «приехать в ту Орду (Средний Казахский жуз.— *Н. У.*) з добычею».[8]

Но в этом отношении башкирские феодалы 30-х годов XVIII в. находились в очень невыгодном положении. Воль-

[8] По Кабинету, кн. 87/1164, лл. 986 об.— 987.

ных кочевых феодалов, к которым можно было бы отъехать, около них не было. Положение их предков в XVII в. было иным — рядом с ними кочевали калмыцкие тайши и царевичи — Кучумовичи, которые охотно принимали к себе башкирских старшин.[3] Теперь единственными кочевыми соседями были казахские феодалы. Но они сами только что приняли русское подданство и не изъявляли большого желания принимать башкирских старшин в качестве своих вассалов. Правда, во время восстания 1737—1739 гг. была сделана попытка отдаться под покровительство казахов, но она не привела к результатам, желательным для башкирских старшин. Это родило мысль поискать других ханов, более отдаленных. Старшина Тамьянской волости Ногайской дороги, Сеит-бай Алкалин, подготовляя новое выступление в 1739 г., высказывался за установление связей с джунгарским владетелем Галдан-Цереном.[4] Но если покровительство со стороны казахов было нереально, то столь же нереальной была и попытка установить связи с Галдан-Цереном. Этому могли помешать казахи, так как путь в Джунгарию лежал через казахские кочевья. Нереальность этих попыток установить связи с кочевыми феодалами и отдаться под их покровительство была ясна и самим вождям башкирского восстания. Бепеня в своем письме, поданном В. Н. Татищеву 2 августа 1736 г., прямо отметил: «в другие места иттить нам некуда».[5] Но тем не менее в 1737—1738 гг. он пытался не только заручиться поддержкой со стороны казахов, но и подчинить Башкирию хану Младшего Казахского жуза Абулхаиру, или получить казахского султана в качестве отдельного хана для Башкирии.

Таким образом, политический характер движения башкирских феодалов очень резко выражен в восстании 1737—1739 гг. Но этот политический протест — внешняя форма проявления башкирского движения. В основе движения лежал протест социальный, сопротивление угнетаемого народа колониальной политике феодально-крепостнического государства. Поскольку руководящей силой этого народа были старшины-феодалы, они придали восстанию характер, вполне соответствующий их пониманию своего подданства России. Широкие массы башкирского народа поддержали это движение, потому что колониальная политика царизма отражалась в первую очередь на них.

Наиболее остро башкиры протестовали против постройки

---

[3] Об этом см. в моей работе «Башкирское восстание 1662—1664 гг.», — «Исторические записки», кн. 24, М., 1947, стр. 45—69.

[4] По Кабинету, кн. 106/1183, лл. 276 об.— 278.

[5] Там же, кн. 56/1133, л. 423.

крепостей на их территории, взимания с них штрафных лошадей и общей активизации колониальной политики царизма.

В отличие от предшествующих восстаний, восстания 30-х годов XVIII в., начиная с выступления Кильмяка абыза, характеризуются расколом между башкирскими старшинами-феодалами, из которых одни боролись против мероприятий царских властей, другие эти мероприятия поддерживали. Эта внутренняя борьба осложнилась национальной рознью, враждебными отношениями между башкирами и другими народностями, жившими в Башкирии. Царское правительство намеренно поддерживало национальную рознь и использовало мишарей, татар, чуваш и другие народы для подавления башкирского движения. Восставшие башкиры отвечали на эти мероприятия разорением поселений нерусских народностей и грабежом их имущества.

Конечная цель активизации колониальной политики царизма в Башкирии в 30-х годах XVIII в.— превращение Башкирии во внутреннюю провинцию Российской империи, а ее населения — в податное сословие, ничем не отличающееся по своим повинностям от населения коренных русских областей и территорий, заселенных нерусскими народностями Поволжья.

Восставшие башкиры помешали осуществлению этого плана, и секретное совещание представителей местной администрации, состоявшееся в Мензелинске в июле 1737 г., было вынуждено принять решение: «о положении их, башкирцов, в подушной оклад ныне оставить». [6] Башкиры своими восстаниями затрудняли проведение колониальной политики царизма. Особенно это следует сказать о восстаниях 30-х годов XVIII в., в частности о восстании 1737—1739 гг.

Восстание 1737—1739 гг. потерпело неудачу. Оно было подавлено. Иначе и быть не могло. Башкиры не были достаточно сильны для того, чтобы выйти победителями в борьбе с Российской империей. Планы откочевки к казахам, или даже получения самостоятельного башкирского хана из казахских султанов, были утопическими планами. Для их осуществления не было реальных условий. А самое стремление отказаться от русского подданства и отдаться под покровительство степных феодалов было шагом назад по сравнению с тем положением, какое занимали башкиры в составе Российской империи. Под влиянием русского и нерусского населения, жившего в Башкирии, был ускорен процесс перехода башкир к оседлости и земледелию, более интенсивным способам ведения хозяйства. Благотворным оказалось и культурное влияние нерусских народностей, в частности казанских татар.

---

[6] По Кабинету, кн. 87/1164, л. 591 об.

Татарские абызы содействовали распространению грамотности среди башкир. В документах не раз встречается упоминание о том, что абызы-татары «учат робят грамоте». Большинство из крупных вождей восстаний 30-х годов — Кильмяк, Бепеня, Елдаш мулла, Мандар и другие, были грамотны. Были грамотные люди и среди старшин, поддерживавших царское правительство — Козяш Рахмангулов, Якуп Чинмурзин и другие. Встречались среди башкир люди, грамотные и по-русски.

Таким образом, стремление переменить русское подданство на подчинение степным феодалам — казахам — реакционное стремление.

Но в восстаниях 30-х годов XVIII в., в том числе и в движении 1737—1739 гг., можно отметить и крупные прогрессивные черты, приведшие к прогрессивным результатам. Вооруженный протест против активизации колониальной политики царизма помешал превращению Башкирии в колонию с бесправным, закрепощенным населением, как это было в Поволжье. Башкиры-общинники не превратились в крепостных. Они сохранили вотчинное право на свои земли. Царскому правительству не удалось превратить их в податное сословие. Они использовались как служилые люди для обороны внешних границ. Все это — результаты башкирских восстаний, главным образом восстаний 30-х годов XVIII в. Башкирские восстания мешали царизму «угнетать и грабить чужие народы». [7]

Жестокие карательные экспедиции привели к разорению края, повернули в какой-то мере башкирскую экономику назад. Многие из башкир после уничтожения их деревень вернулись к кочевому хозяйству, и потребовалось значительное количество времени для восстановления земледелия. Этот процесс затянулся надолго. Таковы тяжелые последствия восстаний 30-х годов.

Но тем не менее именно восстания XVIII в. не допустили закрепощения Башкирии. В век крепостничества, когда щедрой рукой раздавались в частное владение населенные имения, Башкирию этот процесс захватил очень своеобразно. Башкиры потеряли часть своих земель. Но башкиры не сделались крепостными. В этом основной прогрессивный результат башкирских восстаний 30-х годов XVIII в., и в частности восстания 1737—1739 гг.

[7] В. И. Ленин. Социализм и война.— Соч., 4-е изд., т. 21, М., 1948, стр. 278.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ